Перспективная должность

Юмористический рассказ

ЧЕГО только не совершают люди ради любви! В старину, говорят, из-за нее стрелялись и вешались, а я вот из-за любви к доярке нашего колхоза Ксюше превратился... впрочем, расскажу все по порядку.

Работал я счетоводом, характер имею покладистый, мягкий, как воск. Наш председатель Федор Силыч, большой любитель научных выражений, мне, бывало, все говорил:

— Эх, Ванюша, с твоим-то характером надо бы женщиной родиться. Тут произошла явная биологическая ошибка в процессе твоей эволюции.

С Ксюшей я подружился в художественной самодеятельности. Мы вместе пели в хоре. Она из себя синеглазая, с рыжими толстыми косами. Так как ростом Ксюша не вышла, то обычно стояла в самых первых рядах хора.

И вот, когда после спевок я провожал ее домой, выяснилось полное сходство наших характеров.

Бывало, я спрошу:

Ксюша, можно тебя поцеловать?

— Ты сегодня не бритый!— вздохнет Ксюша.—Да ладно: целуй, что с тобой поделаешь. Поженимся, я тебя каждый день бриться заставлю.

Я ее целовал вначале в правую щечку потом в левую.

— Может, по домам?—спрашивала Ксюша.

— Давай по домам,—отвечал я неохотно, но когда подходили к ее избе, робко предлагал:

— А может, еще постоим?

— Давай, постоим,—соглашалась Ксюша.

Зато во вкусах у нас была громадная разница. Я, скажу вам по секрету, мечтал и мечтаю о полете в космос. Правда, меня опередил Юрий Гагарин. Но я не отчаиваюсь. Каждое утро делаю зарядку с двумя гирями в руках, которые выпросил у кладовщика, обтираюсь снегом: закаляю нервы и организм. Вдруг в один прекрасный день объявят: молодежь, на покорение космоса. А я, вот он, тут как тут.

Но Ксюша на мои прожекты только губки кривит:

— Своих коров я ни на какой космос не променяю! Если бы не было молока и масла, вряд ли твои ученые до космических кораблей додумались.

Вот и поговори с ней.

Однажды в правление приходит бумага, в которой предлагается лучшую доярку колхоза направить дней на семь в район на семинар.

Федор Силыч пригласил Ксюшу в правление и велел готовиться к отъезду.

— А коров на кого?

— Для того тебя и позвал. Давай думать вместе. Доярок на ферме у нас не густо.

Долго они кумекали. Я уже полушубок одел, шкаф с делами запер, домой собрался. Ксюша посмотрела на меня своими васильковыми глазами, улыбнулась:

— Ванюша, а ты можешь коров доить?

— А как же! Когда мать больная, я всегда это делаю.

— Федор Силыч! — вскинулась она.—Назначьте Ваню. Трудно будет—девчата помогут.

Другой бы на моем месте руками и ногами от этого дела отбрыкивался. А я—о проклятый характер—согласился.

Отправились мы с Ксюшей с коровами знакомиться. Подводит она меня к одной из них, говорит.

— Запоминай, Ваня. Это «Красуля». Перед тем, как доить, дай ей корочку с солью. Страсть, как любит!

— А вот эта «Змейка»,—подвела она меня к следующей корове.— Перед дойкой почеши ей за ушами и подбородок.

— Это что же,—говорю я,—каждая корова у тебя персонального подхода требует?

— Вот смешной! А ты как думал?—удивилась Ксюша.—Конечно, требует. Сытные корма само собой, а индивидуальное обращение—само собой. Вот «Зорька» ни за что не спустит все молоко, если с ней не поговоришь.

— А о чем же мне с ней беседовать? О международном положении?

— Можешь и о международном,—разрешила Ксюша.—Но говори только ласковым голосом. Не вздумай орать: она враз подойник ногами выбьет.

Так Ксюша меня познакомила со всеми тринадцатью коровами своей группы.

— Как ты их не путаешь?—поразился я. —Они все черно-белой масти.

Ксюша даже руками всплеснула.

— Да ты что! Я «Красулю» даже в темноте со «Змейкой» не спутаю. Посмотри, как у нее рога кокетливо изогнуты, точно вихри прически городской модницы, а у «Змейки» они вперед глядят. У «Зорьки» глаза мечтательные, как у нашей библиотекарши во время чтения стихов, а у «Снежинки» они озорные, словно у тракториста Саши, когда он пол-литра выдует. Понял?

Признаться, я ничего не понял. Но чтобы не огорчать Ксюшу, поцеловал ее в левую щечку, потом в правую и просил не тревожиться.

Ксюша ушла, а я вынул блокнот и составил реестр всех ее коров с указанием примет, проставил на каждой корове чернильным карандашом порядковый номер и имя.

Конечно, в первый день дойка не обошлась без недоразумений. Их, может, и не было бы, но всему виной оказались девчата-доярки. Им, видите ли, показалось забавным, что на ферме появилась доярка в брюках. Как почти все женщины, будучи существами зловредными и ехидными, они мне переставили всех коров, а надписи и номера на них стерли. И когда я стал чесать за ушами одной из них, то она принялась мотать головой и бодаться. Впоследствии выяснилось, что это была «Зорька».

Особенно я испугался, когда вошел в стойло к «Снежинке». Присел на скамеечку, плеснул на ладонь теплой воды, чтобы соски омыть, шарю, а вымени-то и нет! У меня аж в груди захолонуло.

Дрожащей рукой зажигаю спичку и обнаруживаю, что передо мною бык. Ох и обозлился я на девчонок!

Зато «Зорька», любительница разговоров, в тот вечер дала мне целых пятнадцать литров. Я ее доил, беседовал с ней о космосе, а она внимательно слушала, от удовольствия помахивала хвостом и жевала жвачку.

Так прошла неделя.

В ее конце на ферму пришел Федор Силыч.

— Ванюша, торжественно сказал он.—Учитывая твои успехи в области производства молока, правление намерено тебя направить на постоянную работу дояром.

У меня в глазах потемнело.

— Федор Силыч!—воскликнул я.—Да я лучше пастухом пойду, возчиком, только не дояром.

— Не говори глупостей!—строго сказал председатель.—У тебя врожденный талант ухаживать за коровами. Не каждому он дан и не каждому колхоз доверит быть дояром. Это должность, запомни, в настоящий исторический отрезок времени самая почетная и перспективная. А на насмешки девчонок не обращай внимания. Я эти мещанские взгляды из них в два счета вышибу.

Тут приехала Ксюша, и когда мы с ней возвращались из клуба, она остановилась, уставилась на меня своими васильками и спросила:

— Ванюша, ты меня любишь?

— Сколько же раз мне это доказывать?—вздохнул я.

— Если любишь, то стань дояром.

— Ксения! Ты со мной говоришь с позиции силы!

— А ты отказываешься стать на позицию взаимопонимания!

Глаза у нее стали грустные-грустные. И мне пришлось превращаться из счетовода в дояра. Что поделаешь с проклятым характером? Да уж если откровенно говорить, понравилась мне эта работа.

Конечно, на первых порах возникали разные недоразумения. В районной газете мою фамилию однажды переделали в женскую. А на слете передовиков животноводства в области меня премировали отрезом на платье. В зале поднялся смех. Ответственный товарищ, который вручал премии, в смущении заскреб затылок. Но положение исправил наш Федор Силыч, человек находчивый.

— Товарищи!—воскликнул он, вставая из-за стола президиума.—Мы все здесь являемся свидетелями фактического прогресса. Раньше мужчины в колхозах были темными и несознательными существами. Они работали разными там счетоводами и кладовщиками. А сейчас мужчины выходят на широкую и светлую дорогу жизни и наравне с женщинами трудятся дояpами и свинарями. Мануфактура, которой премировали нашего дояра, вполне годится ему на костюм.

С Ксюшей мы поженились и живем душа в душу. Ссоримся только на собраниях, когда принимаем обязательства по повышению надоев. Она себе взяла новую группу коров и все стремится по надоям меня перещеголять. Однако это ей не всегда удается.

К. МАКСИМОВ.

Узник № 9912

ОЧЕРК

Мой спутник провел меня в отделение лудильного цеха металлургического завода, где шумели лудильные автоматы, и поведя глазами в сторону пятого аппарата, у которого деловито суетилось несколько рабочих, произнес:

—Низенький с белокурыми волосами. Видите? Это он.

В нем не было ничего особенного. На вид лет тридцать. Простое русское лицо, серые глаза. И тем не менее судьба этого человека необычна: 20 лет назад он побывал в волчьей пасти — страшном лагере смерти Майданеке.

* * *

Когда началась война, Лешке Корчакову было всего девять лет. Он особенно не задумывался, что собой означает это страшное слово. Из книжек и кино знал, что на войне стреляют. Он даже завидовал красным, которые в фильмах так ловко крошили белых.

Между тем в белорусской деревне Двухполье, где Лешка жил с отцом, матерью и двумя братьями, становилось все тревожнее. Большинство мужчин ушло в армию, призвали старшего брата Михаила, ушел в леса средний брат Николай.

Отец Лешки почти не ночевал дома. Работал он председателем колхоза с самого его основания. Сейчас правление заботило, куда схоронить от ворога богатое артельное добро. Скот раздавали колхозникам, хлеб увозили в лес.

В сентябре немцы взяли Витебск, от которого Двухполье хотя и было отгорожено лесами, озерами да болотами, но напрямую находилось всего в 60 километрах.

Странной жизнью жила деревня. Территория вокруг считалась оккупированной, однако в глухие населенные пункты, далекие от больших путей, гитлеровцы еще не заглядывали. И в них продолжали функционировать советские учреждения, колхозники аккуратно выходили в поля, а глухими проселочными дорогами к фронту шли подводы с мясом и зерном родному государству, пробирались группы призывников

С одной из таких групп ушел и Лешкин отец. Ушел, торопливо попрощавшись с женой и сыном. И сентябрьский листопад замел его следы.

* * *

Мальчик проснулся оттого, что его кто-то настойчиво тряс за плечо.

—Вставай, вставай, Алексей,— торопливо говорил материн голос. Даже в темноте можно было разглядеть, что лицо Ольги Ивановны побледнело.—В деревне полицаи.

Лешка торопливо оделся. Мать накинула шубу, прихватила узелок с вещами.

Бежали огородами по еле приметной тропке в снегу к лесу. С ними бежало еще несколько женщин с детьми. Скорее-скорее к партизанам, хотя никто толком не знал, где партизаны.

Долго плутали люди по лесу, натыкаясь на деревья. Мерзлые ветви хлестали по лицам. Вдруг среди стволов вязов мелькнул огонек костра

—Партизаны!— радостно воскликнула кажая-то женщина, но на нее цыкнули.

Ольга Ивановна, сделав остальным знак не шевелиться, неслышно ступая, пошла в сторону костра. Через несколько шагов она остановилась: стало ясно, что это дезертиры или, как их презрительно называли люди, — «зеленые».

К утру смертельно уставшие вышли к шоссе, но перейти его было невозможно: по нему шли немецкие машины, мчались мотоциклы, двигались колонны

Женщины и дети легли на снег и так лежали до вечера, жестоко коченея. Плакали ребятишки. Лежал и Лешка. Когда у него замерзал один бок, он поворачивался на другой. Мать лежала рядом и что-то шептала. Может, она проклинала фашистов, может, жаловалась кому-то неизвестному на невзгоду.

Ночью на дороге стало потише, и люди, перейдя ее, вновь углубились в лес.

На этот раз получилось все неожиданно. Деревья расступились внезапно. Лешка успел увидеть людей в полушубках и пальто. Огонь костра осветил оружие.

—Полицаи!

Бежали, не разбирая дороги. Лешка и ребята, легкие на ногу, умчались вперед, оставив взрослых. Опомнились только тогда, когда обнаружили, что тропка раздваивается. По какой идти?

—По левой,—сказали ребята.

—По правой,—заявил Лешка и в одиночку двинулся по ней.

Через несколько минут он вновь очутился на шоссе. На обочине, скорчившись, сидела фигура. Это была Ольга Ивановна.

—Идем, сынок, домой,—сказала она глухим от усталости голосом, —может, полицаи ушли из деревни.

Такие бегства в леса приходилось делать каждый раз, когда поступало сообщение о приближении полицаев или карателей.

Но вот в соседней деревне кто-то убил эсэсовского офицера. Фашисты оцепили ее, загнали население в два сарая и подожгли. Дикие крики людей, гул бушующего пламени смешались с треском автоматов.

Узник № 9912

(Окончание. Начало на 2 стр.)

и злобная, хорошо говорит по-русски. В шестом поле ее боятся сильнее всех.

Лешка старается выглядеть бодрячком, он даже распрямляет плечи и выпячивает грудь, хотя у него от слабости кружится голова. «Вот только бы мамка выдержала,—думает он.—Может, выдержит». Сегодня она полола морковь у бауэра (помещика), налелась ее, и ему, Лешке, ухитрилась принести пару морковок.

Эсэсовка Женя совсем рядом. Ледяной взгляд водянистых глаз скользит по Юрке, Лешкиной фигурке, перепрыгивает на соседа, худого, как жердь, пятнадцатилетнего еврейского мальчика. Он тоже из Белоруссии. Взмах палки—и мальчик, точно на ходулях, выходит из ряда. Он зачем-то оглядывается на своих земляков, точно недоумевая. Лицо его настолько худо, что похоже на череп, только глаза живые. В глубине рядов приглушенно всхлипнула какая-то женщина.

После того как узники разойдутся по баракам, отобранных посадят в машину с закрытым кузовом, в которую выведена выхлопная труба от мотора.

Пока машина идет, газы сделают свое дело.

* * *

ЛЕШКА проснулся от тихих стонов матери. Было ясно, что ей больше не встать. Еще накануне она едва ходила, а вечером каким-то чудом избежала сортировки.

Лешка испуганно смотрит на желтое, словно из воска, лицо с заострившимся, как у мертвеца, носом, и губы у него кривятся от жалости.

Через открытую дверь донесся звон колокола, зовущего на утреннюю поверку.

— Иди, сынок, — прошептала Ольга Ивановна, не отрывая взгляда от лица Лешки.—Не тужи. Наши все равно придут и выручат. Терпи.

Блоковая, избивая палкой отстающих, подошла к нарам. Женщины, оглядываясь на Корчакову, покачивали головами горестно вздыхали.

—Марш на поверку!

Лешка поплелся на плац.

Весь день у него не выходила из головы больная мать. И когда завтракал, и когда вместе с ребятами выносил пепел сожженных людей из подвала крематория. Сегодня его оказалось особенно много.

Вчера вечером прямо со станции привели большую группу греческих евреев, загнали в шестое поле для того, чтобы они оставили там свои вещи. Когда это было выполнено, им объявили, что сейчас поведут в баню.

Люди, ничего не подозревая, шли в окружении собак и эсэсовцев к приземистому зданию с высокой заводской трубой. Партию в несколько десятков человек загнали в камеру, пол автоматически раздвинулся, и заключенные низверглись в раскаленную кремационную печь. Через несколько часов у крематория никого не осталось.

Нагрузив полные носилки серовато-белой массы, Лешка с Юркой понесли их по лестнице наверх. Когда ее вываливали в кучу, неловко повернули носилки, и пепел попал Лешке на руки. Он был еще совсем теплым. В Лешкином мозгу вдруг пронеслась мысль, что, вероятно, и мать его скоро превратится вот в такую же серо-белую массу. Он остановился, потрясенный своим открытием.

—Что заснул, сопляк?—крикнул надзиравший за ребятами конвойный и выразительно помахал палкой.

* * *

В БОЛЬНИЧНЫЙ барак Лешку не пустили. Улучив момент, он влез в окно. Тяжелый застойный запах человеческого пота и карболки ударил в нос.

Больные лежали на таких же нарах, как и в жилых бараках. Мать Лешка нашел быстро. Ольга Ивановна медленно открыла глаза и чуть-чуть улыбнулась сыну. Она еще больше опухла и пожелтела, говорить совсем не могла. «Ей бы мясного супа или молока,—тоскливо думал мальчик.— Она бы выздоровела».

На третий день едва Лешка подошел к знакомому окну больничного барака, как заметил подъезжающую крытую машину. Из больницы стали выносить больных и швырять в кузов. Мать пронесли последней.

Не помня себя, Лешка бросился к автомашине, но дверцы щелкнули, заурчал мотор.

—Мама! — отчаянно крикнул мальчик, побежал, споткнулся и упал в грязь.

Ночью ветер потянул дым от крематория на лагерь. Едучий, напоминающий запахом жженую резину, он проникал во все бараки. Его слышали все. Его ощущал и свернувшийся в комочек в полосатой одежде худенький десятилетний человечек под номером 9912—житель далекой белорусской деревни.

—Опять жгут,—прошептал голос в темноте. Чьи-то женские руки заботливо поправили на Лешке одеяло укутали его ноги.

—Говорят, наши Киев освободили?—спросили из темноты.

—Освободили, — уверенно ответил чей-то голос.

* * *

АЛЕКСЕЙ Иванович Корчаков замолк. Мы сидим в его квартире за круглым столом, покрытым скатертью. В углу—телевизор, рядом—новый буфет, у окна—кроватка трехлетней Иринки, чудесной белокурой девчушки.

Во время нашей беседы Иринка была занята своими делами. Вначале она возилась с игрушками, потом ей в голову пришла мысль навести «порядок» в буфете. Отец, к счастью, пресек этот благородный порыв, и все с улыбкой поглядывал на дочь. И я смотрел. Как нам хотелось, чтобы люди поколения Иринки только в учебниках находили слово «война».

—А что было потом?

—Потом...

Алексей Иванович рассказал, как в связи с наступлением советских войск фашисты увезли его вместе со всеми детьми в Лейпциг, вспомнил о партизанской песне «Ежик», за пение которой шестеро мальчишек, в в том числе и он, были высечены и посажены в карцер. Он рассказал, как их освободили американские войска, как доброго вида дяди уговаривали ребятишек не возвращаться в Советский Союз и, расписывая на все лады блага заморской жизни, звали в Америку, и как нашему командованию с большим трудом только в августе 1945 года удалось добиться возвращения детей на Родину.

Воспоминаний Алексея Ивановича хватило бы на целую книгу. От вихря войны пострадала вся семья Корчаковых. В живых остались только он да брат Михаил, который вернулся с фронта инвалидом.

В заключение добавим что Алексей Иванович—коммунист, работает автоматчиком в лудильном цехе, учится в школе мастеров.

К. МАКСИМОВ.

ТРЕШКА

Рассказ

У ШОФЕРА лесоучастка Еловка Сереги Почкина была своя такса, которую он устанавливал, сообразуясь с внешним видом пассажира.

Так было и на этот раз. Пригнав свой изрядно потрепанный «газик» на станцию и сдав груз, он отправился на вокзал в надежде подстрелить «грача». Сереге повезло. Пыхнув облаком пара, только что отошел поезд, оставив на платформе старуху с пустым бидоном и девушку в невиданных в здешних лесных местах дорожных брючках, голубой шубке и высокой шапке. Старуха была из соседней деревни, а девушку Серега видел впервые.

— Вам куда барышня? — полюбопытствовал водитель и подумал: «С такой и рубль не грех стрясти».

Девушка обернула круглое с золотистой челкой лицо и широко улыбнулась.

— Е-лов-ка,—раздельно произнесла она, не переставая улыбаться.

— На наш участок? — изумился Почкин. — Считайте, что вам дико повезло.

Серега расторопно схватил огромный чемодан пассажирки и крякнул от тяжести: «Камни что ли у нее там? Меньше двух рублей не возьму».

— Эй, бабка, залезай в кузов. Да полтинник приготовь,—крикнул Почкин. — А вы, барышня, пожалуйте в кабинку.

«Газик» безжалостно подбрасывало на ухабах, девушку кидало из стороны в сторону, в кузове звенел бабкин бидон. Серега проворно крутил баранку и краем уха слушал щебетание пассажирки в брючках. За час езды он успел узнать, что незнакомку зовут Эльзой, что она по национальности эстонка, окончила мединститут и добилась, чтобы ее послали в «самый дальний край страны». Она еще плохо говорит по-русски. Но через месяц, вот увидите, она будет говорить как Левитан. О, у Эльзы твердый характер!

Признаться, она вначале испугалась, что ее послали на Урал. Но вида, конечно, не подала. Но все получилось хорошо и даже замечательно! До Москвы ее провожал моряк. Он ехал в отпуск и помог ей добраться до Курского вокзала. В Москве Эльза истратила все деньги, накупив кучу медицинских справочников, и не смогла поднять чемодан. Но ей всю дорогу помог с ним возиться сталевар. Чудесный парень! В поезде он обучал Эльзу русскому языку и даже назвал такие слова, которых нет в словаре—«шаньги», «углан». Приглашал в гости.

— Это хорошо. Врачей у нас в поселке нет, — поддерживал разговор Серега, усердно работая педалями. — Вам у нас сразу же квартиру дадут. Правда, без газа и воды.

За окном кабины замелькали штабеля бревен, автокраны, стандартные домики.

— Приехали, дорогуша! С тебя трешка полагается, — воскликнул Почкин, нажав на тормоз. — Иди в контору. Вон она, где доска Почета висит.

Девушка улыбнулась своей широкой улыбкой.

— Не понимаешь? Три рубля!

Эльза радостно кивнула челкой и, вынув кошелек, высыпала всю мелочь в широкую ладонь водителя, весело похлопала себя по карманам:

— Нэт! Все!

— Пятака не хватает,—заметил Серега. — Это пятьдесят копеек старые деньги. Ну разбогатеешь—отдашь!

Он подмигнул девушке и нырнул в кабину.

Едва Эльза вымыла пол в своей комнате, как в дверь постучали. На пороге появился коренастый дед в промасленной куртке. Он улыбнулся, конфузливо кашлянул в темный кулак:

— Я извиняюсь, значит... Тут такое дело... В общем, вас со станции вез один наш придурок. Серегой звать. Бессовестный он. В общем, вот тебе, дочка, три рубля. Не обижайся на дурака Народ у нас здесь в основном душевный. Приходи к нам со старухой чай пить. Возле гаража живем. Спросишь слесаря деда Степана, дом каждый мальчишка укажет.

Эльза почти ничего не поняв, растерянно смотрела на деньги.

А через полчаса на крыльце загрохотали шаги, и в комнату вошли две краснощеких девушки в резиновых сапогах и парень в очках.

— Здравствуйте, товарищ врач, — звонко крикнула черноглазая и покраснела.—Мы, комсомольцы лесоучастка, случайно узнав о том, что... Одним словом, есть у нас тут один тип... Вот деньги, которые этот шабашник с вас взял. Не сердитесь!

— Нэт, нэт! Нэ надо,—замахала Эльза руками.

Поздно вечером в дверях выросла знакомая фигура в сером плаще. От Сереги пахло вином Эльза улыбнулась.

— Эх, Лиза! — воскликнул Почкин. — Ну не считай меня подлецом! Я же пошутил. Вот тебе трешка! Пятак еще от меня. Это пятьдесят копеек на старые деньги!

Серега положил на стол деньги, хотел еще что-то сказать, но махнул рукой и вывалился в сени.

К. МАКСИМОВ.

...к поражению

...основном и привело их к поражению.

...Да, подвели инструмен-

ТВЕРДЫЙ ХАРАКТЕР

Юмореска

МОЛОДАЯ преподавательница математики школы рабочей молодежи Леночка, считающая себя девушкой принципиальной и решительной, облаченная в дорогое платье и надушенная, торопливо писала своей подружке:

«Милая моя Тиля! Я уже тебе рассказывала в последнем письме, что в мой шестой «а» класс поступил один оригинал по фамилии Кругликов. Он слесарь одного из цехов нашего завода. Можешь представить себе, что по всем предметам этот перень учился только на отлично, а вот по математике хватал сплошные двойки и даже «колы». Когда я вызывала его отвечать, он страшно краснел, а ученики валились со смеху на парты У доски этот экземпляр порол такую чушь, что уши вяли. Мне иногда становилось жаль Кругликова, ибо чувствовалось, что он старается.

Я решила прикрепить к отстающему самых лучших учеников. Не помогло. Они в один голос объявили, что Кругликов в математике туп, как кирпич. И я пошла на героический шаг: сама стала заниматься с ним.

Ты не можешь представить себе, Тиля, какой радостью познания всех прелестей алгебры и геометрии засветились глаза Аркаши. Он буквально впивался в меня глазами, когда я объясняла уравнения. Кругликову самостоятельно удалось разложить разность квадратов, и он в порыве восторга схватил меня за руку и долго ее жал. Я, разумеется, простила Аркаше эту вольность, так как вполне поняла его радость. А когда ему удалось разложить куб суммы двух чисел, он буквально подпрыгнул от счастья снова схватил меня за руку и поцеловал ее целых три раза. Кому другому я этого, конечно, не позволила бы (ты хорошо знаешь мой твердый характер), но ему разрешила.

И тут, Тиля, случилось чудо! По всем другим дисциплинам Кругликов стал учиться на тройки, даже двойки, а по алгебре и геометрии только на пятерки. Он влюбился в математику. В этом Аркаша сам признался, перетаскивая однажды меня через огромную лужу, когда мы возвращались вечером из школы: «Ох, Елена Владимировна, — страстно воскликнул он, — знаете ли вы, как я полюбил алгебру с геометрией!» — и так меня стиснул, что я ойкнула. Он, конечно, немедленно извинился.

За какие-нибудь два-три месяца Аркаша стал решать задачи по алгебре и геометрии за 7, 8 и даже 9 класс, чем несказанно изумил меня. Аркаша бредит математикой в буквальном смысле этого слова.

Как-то в выходной мы с ним катались на лыжах. Кругликов простудился и заболел. Когда я пришла навестить его в общежитие, он начал в бреду шептать: «параллелепипед», «периметр», «перпендикуляр» и тому подобные математические термины. Можешь представить мое умиление!

Милая Тиля, я пишу тебе это письмо за час до нашего бракосочетания, ярой противницей которого я всегда выступала. Но чего не сделаешь в жертву любимой математики!

Твоя Ленка».

Свадьба была в комнате общежития. За столом сидели Аркашины одноклассники и друзья, зашел случайно и начальник цеха. Произносили тосты за здоровье молодых. Пожелала сказать речь и Леночка.

— Товарищи, — начала она. — Мы живем в век бурного расцвета математики.

Леночка долго и горячо говорила об электронике, космических кораблях и тому подобных вещах, появление которых немыслимы без алгебры, геометрии и тригонометрии. В заключение она упрекнула руководителей цеха, что они вовремя не заметили в своем коллективе такой самобытный талант, каким является слесарь Кругликов.

Леночке дружно и громко хлопали А начальник цеха даже прослезился и крепко пожал ей руку.

— Как хорошо вы сказали! — произнес он в восторге. — Только я внесу маленькую поправочку. Аркаша Кругликов у нас не слесарь, а инженер, в позапрошлом году заочный институт закончил. А сейчас диссертацию пишет. Так ведь, Аркаша? Ты зачем под стол полез?

К. МАКСИМОВ.

ИЗВЕЩЕНИЯ

2 января в 6 часов вечера во Дворце культуры состоится новогодний вечер отдыха ветеранов труда ЛМЗ.

Приглашаются пенсионеры города.

Совет ветеранов труда.

* * *

Очередное занятие слушателей университета советского права состоится 4 января в 6 часов вечера в кабинете политпросвещения ГК КПСС.

Первый номер газеты „Искра" в 1963 году выйдет 4 января

Редактор Н. В. МАКСАРОВ.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ЗРИТЕЛИ

Чернявый явно одолевал белобрысого. Он в течение минуты два раза сумел его нокаутировать ударом в челюсть. Но белобрысый, по характеру флегматик, был упрям. Он стремился навязать противнику ближний бой.

Зрители живо реагировали на каждый удачный удар. Около меня находился мужчина с пивным брюшком, в шляпе и очках. Губы его презрительно топырились, но зато глаза горели, как у голодного кота при виде колбасы. Он, несомненно, болел за белобрысого.

— Эх, не так! Да кто же так бьет, фигура с глазами?—бормотал он.

Худосочная девица с накрашенными фиолетовыми губами откровенно переживала за чернявого. При особенно смачных ударах она в восторге взвизгивала, точно на нее брызгали холодной водой.

Верзилу с плечами Ивана Поддубного интересовала только техника ударов.

— Звездани ему в солнечное сплетение! Он же открылся! Тьфу! Тюлень!

А я болел за того, кому больше всех доставалось.

Были и такие зрители, которые ни за кого не болели. Просто смотрели и все. К ним относилась женщина в темном платке. Она держала за шарф годовалого мальчугана, чтобы он не убежал и, наблюдая за поединком, задумчиво грызла семячки, сплевывая шелуху на подбородок.

Подъехал со своей тележкой продавец фруктовой воды, зашныряла лоточница.

— Покупайте сахарных петушков!—заголосила она.

Частые поражения расшевелили белобрысого. Издав львиный рык, он ринулся в атаку. Серия ударов, и смятый чернявый валится с ног.

Раздалась трель свистка, милиционер и двое дружинников вынырнули из-за угла.

Гражданин в очках досадливо фыркнул, парень с Поддубинскими плечами растворился в переулке, девица попудрила нос, и ее каблуки застучали по тротуару, женщина в платке шлепнула мальчугана и поплыла по улице, а я, зевнув, принялся рассматривать красочный плакат с бодрым призывом: «Берегите спички от детей!»

ТРЕВОЖНЫЙ ДЕНЬ

Этого дня взрослые жильцы нашего дома ждут с тайным трепетом. Они готовятся к нему по мере своих сил, способностей и своеобразия характера. И он настает. Его вестниками обычно являются плакаты у подъезда: «Ребята, сегодня—воскресник», «Каждый школьник должен сдать по 50 килограммов металлического хлама и 10 килограммов макулатуры».

В квартире у Пузырьковых шум поднимается раньше всех. Это не удивительно. Соотношение сил там не в пользу взрослых: трое мальчишек против матери и бабушки. Котька Пузырьков, самый проворный из братьев, успел таки стянуть из кухни сковородку, кочергу и под аккомпанемент проклятий старухи волокет это добро в металлолом. А мать воюет с Борькой и Мишкой из-за утюга.

Близнецы Лепешкины Сережка и Катька из шестой квартиры действуют втихаря. Воспользовавшись тем, что дед уединился в ванную, они забрали его раскидушку.

Через открытые окна десятой квартиры доносятся ругань, вой и звонкие шлепки. Это шофер Пушков разъясняет сыну Вовке, что заводная ручка от «Волги», канистра и домкрат, которые он уволок в школу,—государственная собственность.

Слышны гудки машины «скорой помощи». Во второй квартире, где проживает языковед Иотов, тревожно хлопают двери. Его любимая внучка Леночка сдала в макулатуру сочинение Мережковского, которое дед приобрел у букиниста для своей библиотеки, и сейчас врач ставит языковеду укол «от сердца».

Зато в квартире провизора Колечкиной деловая тишина. Между мамашей и сыном Бориком идут переговоры на высоком уровне, в обстановке дружбы и взаимопонимания.

— Мамочка, — нежно говорит Борик, выразительно глядя матери в глаза.—Ведь самовар мы уже не ставили с тех пор, как умерла наша любимая тетя. Чай кипятим в электрическом чайнике. Это же современно.

— Ну, конечно, мой котик — умиляется толстая провизорша.

— Для чего тебе, мамочка, худая самоварная труба?

— Возьми ее, мое золотце, — чмокает мамаша свое чадо.

Труба исчезает в мешке.

— Мамочка! А раз у нас сейчас нет трубы, то для чего нам самовар? У него, кстати, кран течет.

— Ах, плутишка!—ахает Колечкина.—Но ведь его можно починить. Ну не хмурся, лапушка. Бери-бери самовар!

Самовар глухо стукается в мешке о трубу.

— А теперь, мамочка, подумай сама: для чего нам поднос, если у нас не будет ни трубы, ни самовара?

Провизорша растерянно улыбается, а Борик без лишних слов присоединяет к самовару и трубе поднос.

На всю эту кутерьму с высоты балкона второго этажа, попыхивая трубкой, с философским спокойствием посматривает пенсионер Крошечкин. «Минуло то время, когда мои дети охотились за ржавыми тазами и кастрюлями»,—говорит весь его вид. Он еще не знает, что трость с медным набалдашником, которую он забыл у дверей квартиры, давно перекочевала в кучу металлолома.

К. МАКСИМОВ.

ЧЕЛОВЕЧЕК

Рассказ

Мертвая женщина в сером дорожном плаще лежала вниз лицом, подвернув правую руку под себя. Левая рука была странно изогнута, точно прижимала что-то невидимое.

Такому опытному разведчику, каким был сержант Салмин, понадобилось не больше минуты, чтобы определить, что произошло вблизи железнодорожного полотна на перепаханной бомбами лесной поляне. Салмин устало сел под дерево, поставил меж пропыленных сапог автомат и, обтерев со лба бисер пота, бросил своему напарнику, молодому солдату Липину:

—А ну, что здесь случилось?

Липин в армию попал прямо со школьной скамьи. Это был сильный, выносливый парень, и его направили в полковую разведку под начало немногословного, но сварливого по характеру Салмина. Вот и сегодня разведчикам предстояло взорвать виадук, ажурная ферма которого четко рисовалась на темной зелени леса. В задачу Липина входило снять метким выстрелом часового, а Салмин, подобравшись к сторожке, должен был метнуть в выбежавших гитлеровцев противотанковую гранату.

—Эта женщина, по-видимому, из ближайшего села и пошла в город, а в это время на виадук...

— Чушь! прервал сержант. — Зачем ей переться по бездорожью, когда недалеко шоссе.

—Всего вероятнее это родственница, а, может и дочь путевого обходчика...

— Ерунда! — сморщился Салмин. Он еще что-то хотел добавить, но вдруг замолчал: до слуха явственно донеслись странные звуки.

—Черт те что... — пробормотал сержант внимательно оглядывая кусты, деревья и изумрудные копья осоки, покрывавшие сырой ложок. А в следующее мгновение из бомбовой воронки показалась фигурка человечка лет трех, в коротких штанишках и белом берете с красным помпоном на макушке.

Ребенок замер, увидев людей. Он сначала внимательно разглядывал их большими темными глазами, потом все чумазое личико задрожало, губы скривились. Он торопливо засеменил к разведчикам, покачиваясь, как утенок. Споткнувшись о комок земли, мальчик со всего маху упал, но тотчас торопливо поднялся и зашагал еще быстрее. Так вот, кого, обнимала рука мертвой женщины!

Пока Липин кормил ребенка размоченным сухарем, Салмин с неподвижным и черным, как чугун, лицом бродил у трупа.

Он ясно представил как паровоз, задыхаясь на подъемах, тащил переполненные вагоны со вспугнутыми войной людьми. Возле виадука налетели фашистские самолеты. Люди, высыпав из вагонов попрятались в кустах и ямах. Одна из пассажирок, молодая и сильная, прижимая к груди сына, убежала дальше всех.

Не попав ни в поезд, ни в полотно, бомбардировщики пронеслись над прижатыми к земле людьми. Пулеметная очередь, измочалив осинку прошила женщину, не повредив ребенка.

Поезд пошел дальше, а убитую никто не заметил. Мальчуган долго сидел около матери, несколько раз отходил и снова возвращался. Он хотел пить и есть. Часто принимался плакать. Наконец, сморенный жарой, уснул в воронке, положив под голову свой берет.

—Что мы с ним будем делать? — спросил Липин когда солнце село.

—Свяжем руки и ноги, заткнем рот и пойдем взрывать виадук, — хмуро ответил Салмин.

—Надо тогда веревок где-то раздобыть.

Сержант посмотрел на приятеля долгим мрачным взглядом.

—Хоть и десятилетку окончил, а умник не велик, — бросил он.— С мальчишкой останешься ты, на задание пойду я один.

—Но как же..

—Отставить разговоры! Отправишься в район высоты 210. Там у ручья обождете меня. К утру не вернусь — добирайтесь одни. Давай гранаты, тол и уходи поскорей, мне еще ее похоронить надо.

Сержант подошел к мальчугану, погладил его по чубчику.

—Трое у меня таких.

Мальчуган, сидя на коленях Липина, переводил грустные глаза то на одного, то на другого разведчика. Он покорно потянулся к Липину, когда тот стал брать его на руки. Но он забеспокоился и стал тревожно оглядываться туда, где лежала мать, когда солдат понес его к лесу. Мальчуган захныкал.

—Спит твоя мама, глупый,— проговорил Липин, ускоряя шаг. —Она выспится и придет.

—Придет?—с надеждой переспросил мальчуган.

—Конечно. Куда она денется?

Они уходили все дальше и дальше. Темнело. Замигали звезды. Тельце ребенка, державшегося за шею Липина, потяжелело: он уснул. Разведчик шел, нащупывая ногами корневища и сучья валежника, и все прислушивался. Наконец, до его слуха донесся тяжелый вздох далекого взрыва.

Утро их застало у ручья. Седой туман лениво уползал вверх. У корневища ели, свернувшись в комочек, лежал под плащ-палаткой человечек. Когда солнце бросило ему в лицо первый всплеск света, он сморщился и проснулся. Липин задумавшись, сидел на пне.

Малыш поднялся, забавно стряхнул с ладошек налипшую хвою.

—Вдвоем мы с тобой остались, — голос солдата дрогнул.— А мама у тебя будет, и не одна.

Маленький, все понимающий человечек, глубоко вздохнул.

К. МАКСИМОВ.

Учащиеся 9 «б» класса школы № 16 имени А. С. Пушкина Виталий Кац и Александр Пашов выбрали себе профессию по душе: они учатся на электрослесарей.

В распоряжении ребят на производственном участке металлургического завода хорошо оборудованные мастерские, кабинеты для теоретических занятий, их учат опытные мастера-педагоги. В течение всего нынешнего учебного года девятиклассники проходили слесарное дело, закончили курс и успешно сдали экзамены.

Сейчас они будут специализироваться по электротехнике.

— Способные ребята, любят трудиться, охотно занимаются делом, которое им поручишь, — говорит об Александре и Виталие мастер А. П. Хмелев.

Пройдет два года, и они получат вместе с аттестатом зрелости свидетельство о присвоении профессии.

Фото Н. Чуракова.

Рассказ *К. Максимов.*

РЕДКОЕ ИМЯ

СКАЖИТЕ, когда у вас на свет появился первенец, вы долго ломали голову над тем, какое ему дать имя? Если недолго, то мы с Зоей вам можем только позавидовать.

Вначале у нас все шло, как у людей. У Зои появился ужасный аппетит на редьку. Мы, было, испугались и обратились к врачу. Но врач сказал, что в этом ничего страшного нет. Одну его пациентку вдруг потянуло пить керосин, а вторая глодала печку. Жена ушла в декретный отпуск.

Вскоре я отвел Зою в дом, куда ходят только женщины, а мужчин пускают не дальше вестибюля.

На пороге родильного дома я для ободрения поцеловал свою Зою и посоветовал ей держаться смелее.

— Петя,—сказала мне жена.—Значит, как уговорились? Если девочка, то это будет Маша, а если мальчик, то—Ваня.

— Какой может быть разговор!—воскликнул я.

На свет появился мальчик. Какой это был, скажу я вам, чудесный парень! Он имел такие же, как у всех людей, глаза, нос и уши. Едва его Зоя распеленала, как он начал брыкаться — проявлять характер и необычайно четко произносить две гласных: «у» и «а»—«уа».

— Какая ты, Зоюша, умница!—сказал я.—За семь дней, пока лежала там, сумела Ваньку научить двум буквам. Через месяц он у нас, глядишь, газеты читать будет.

— Представь себе,—ответила Зоя.—Я его этому не учила.

— Значит, он сам выучился. У нашего Ванюшки выдающиеся способности!

— Во-первых, они все там орут «уа», а во-вторых, это совсем не Ваня.

— А кто?—пролепетал в страхе я.

— Никто. В родильном доме меня навестила сродная сестра и отсоветовала давать такое имя. У нее мужа звать Иваном. Когда он учился в школе, то ребята его дразнили ванькой-встанькой. А потом вспомни сказки. Там сплошь фигурируют Иваны, и все они, как правило, выставлены дурачками.

«Гм. Действительно,—подумал я.—Как это мы раньше не сообразили».

— Петя,—сказала мне Зоя. — Насчет имени идем советоваться к тете Глаше.

Тетя Глаша чуть не всю жизнь проработала в загсе.

— Я вам, милые мои, могу посоветовать только одно: как не следует называть малютку,—заявила тетя Глаша, салютуя нам клубами дыма.—Возьмем имя Виктор. Если всех Витек нашего города выстроить в ряд, то шеренга растянется на три километра.

— Может, назвать Вовой? — робко предложила Маша.

— Вовок—вагон и маленькая тележка.

— Неплохое имя Толя!—заметил я.

— Из Толек можно соорудить третью плотину на Каме. Я за один вчерашний день зарегистрировала девять Анатолиев.

Шли дни, а наш ребенок исправно сосал молоко, дрыгал ножками, пускал беззубым ртом пузыри и не подозревал, что у него нет имени. В нашу заботу были посвящены все родные и знакомые, сослуживцы и соседи. Нам звонили по телефону, останавливали на улице.

— Советуем назвать Пахомом. Знаете у Некрасова:

Роман тузит Пахомушку,

Демьян тузит Луку.

— Хорошее имя — Емельян. Вспомните поговорку: мели, Емеля — твоя неделя.

— Зоя! — воскликнул однажды я, потеряв терпение —Давай организуем родственный консилиум.

— Идея!—обрадовалась измученная супруга.—В спорах рождается истина.

Мы так и сделали. На чашку чая, посвященную избранию имени нашему первенцу, пригласили всех родственников, каких только имели. Бог ты мой, что тут началось!

— Я предлагаю назвать мальчишку Александром!—кричит дядя.—Вспомните имена: Александр Невский, Александр Пушкин. А песня: «Саша, ты помнишь наши встречи...»

«Действительно, хорошее имя Александр», — подумали мы с Зоей.

— А вспомните-ка, уважаемые, что на свете существовали цари —Александр Первый, Второй и Третий!—возражает тетя.

«Черт подери,—подумал я. — Можем ли мы допустить, чтобы наш сын имел общее имя с угнетателями народа?»

— Зоя и Петя,—визжит на всю квартиру дедушка.—Мой совет: дайте младенцу имя Андрюша.

—Ха-ха-ха!—саркастически заливается в ответ Зоина бабушка.—Да у меня поросенка звали Андрюшкой. Такой был обжора и пакостник, вечно в чужих огородах и помойках копался. Назовете так мальца—нянчится не буду!

Наш уважаемый прадедушка, бывший лихой конник, настаивал дать ребенку имя Ревком или Смеркап—смерть капитализму. А Зоина тетя предлагала иностранные имена—Роберт, Лоллий, Эдуард и т. п. и т. д.

Окончательно обалдевшие, мы с Зоей после ухода гостей долго не могли прийти в себя. Но когда ложились спать, она обняла меня и с загадочной улыбкой прошептала:

— А я решила, как назвать малыша.

Она выдержала полминутную паузу и торжественно произнесла:

— Ва...

— ня, — закончил я и чмокнул супругу в щечку.

— Ведь в сказках-то Иванушка только прикидывался дурачком, а был всех умнее. Русские Иваны с треском прогоняли со своей земли ворогов, которые осмеливались считать его слабым и глупым. Иваны первыми на планете стали хозяевами своей страны, а сейчас на удивление всему свету запускают к звездам космические корабли.

Чудесное имя — Иван!

Короткие рассказы

НОЧНЫЕ ЗВУКИ

СТАРЫЙ большой дом с садом. Одна из его комнат — спальня. Единственное окно этой спальни выходит в сад. Я лежу в своей кроватке и чувствую, как сон осторожно подкрадывается ко мне.

В доме тихо. Только слышно дыхание спящих братишки и сестренки. Шуршит под окном клен. Где-то далеко за садом лает особым ночным лаем собака. Лай ленивый. Пес потявкает-потявкает и смолкнет. И опять: тяв-тяв-тяв... Иногда в этот звук вплетается постукивание, похожее на стрекот кузнечика: трик-трак, трик-трак. Это старый сторож Степаныч ходит с колотушкой возле склада. Воров в городке нет. Но сторож при складе положен. Вот и ходит Степаныч со своим трик-трак, трик-трак...

На комоде под синим абажурчиком ночник. Его пламя слегка затрепетало, по стенам заметались тени — в спальню на цыпочках вошла мама. Мама прислушивается к нашему дыханию, поправляет у меня одеяло, тихо выходит.

Я медленно закрываю глаза и блаженно улыбаюсь. Сон уже вышел из угла и неслышно обволакивает своим теплым темным покрывалом. Я уже не вижу света ночника, только до слуха доносится далекое: тяв-тяв-тяв и трик-трак, трик-трак...

...Прошло много лет. Я вырос. Мне довелось по ночам слышать визг бомб, рев пламени и крики умирающих. От этого раньше времени побелела моя голова.

Давно уже нет того старого дома, сада и сторожа Степаныча. И живу я в другом городе. Но когда вечером наклоняюсь над засыпающим сыном, то невольно прислушиваюсь к тиши: где-то далеко-далеко особым ночным лаем тявкает пес. Сынишка тоже слышит этот звук. Не открывая глаз, он блаженно улыбается и глубже зарывается лицом в подушку. Я стою над ним и страстно мечтаю, чтобы мой сын, его дети, дети его детей и все дети земли, засыпая в кроватках, слышали только этот звук.

ТЕТЯ ВАЛЯ

ТЕТЯ Валя с дядей жили в крошечном домике с голубыми ставнями и палисадником перед единственным окном. Окно было большое, венецианского стиля.

День у тети Вали всегда шел по одному и тому же плану. Проводив мужа на работу, она бежала в магазин или на рынок, потом готовила обед и, прибрав в комнате, усаживалась у окна смотреть на прохожих. И так изо дня в день.

Я любил бывать у тети Вали, так как она угощала очень вкусным печеньем. Если у меня бывали не решены примеры по арифметике, тетка помогала делить и множить числа, делая это без особого труда в уме.

— Восемьдесят три помножить на тридцать девять? Чего тут думать? — удивлялась она. — Три тысячи двести тридцать семь. По математике в школе у меня одни пятерки были. В университет уговаривали поступать, да я не пошла — надоело учиться.

Когда печенье оказывалось съеденным, а чай выпитым, тетка предлагала:

— Садись к окну.

Я садился. Сквозь густой узор накрахмаленного тюля плохо было видно, как соседский петух гоняется за петухом с другой улицы. Я отгибал штору.

— Не мни, — приказывала тетка. — Сиди смирно.

Я покорно складывал руки на коленях. Проходило пять минут, десять... Зевота начинала раздирать рот. Боязливо сторонясь белоснежной скатерти, я поскорей убегал во двор.

...Лет через двадцать я посетил тетю Валю. Крошечный домик почернел и покосился, дядя умер, а тетя Валя высохла и сгорбилась. Но в комнате у нее по-прежнему была идеальная чистота.

Мы попили чаю с чудесным печеньем и сели к венецианскому окну смотреть на прохожих. Прошло пять минут, десять. Серебряная голова тети Вали качнулась раз, другой... Она дремала.

Я с грустью смотрел на разутюженные салфетки и салфеточки, на тщательно разостланные половики и мне было чего-то бесконечно жаль.

К. МАКСИМОВ.

«Это замечательно»

ИЮНЬ был пестрым: то моросил дождь, то пекло солнце, и люди ходили в плащах.

Летом гардеробная в столовой не работала, но посетители уже привыкли снимать верхнюю одежду. Они заходили за барьер гардеробной, вешали на крючья плащи и пальто и направлялись к столам. Как-то утром заведующая взглянула на вешалки и в ужасе всплеснула руками.

— Клава,—крикнула она кассиру.—Почему разрешаешь раздеваться клиентам? А если какой-нибудь мерзавец стянет плащ, кто отвечать будет?

— Я им говорила,—ответила кассир.—Не слушают.

Заведующая поспешила к себе в конторку и на листке бумаги написала: «Граждане, раздевалка не работает, просим одежду не вешать. За пропавшие вещи администрация ответственности не несет».

В середине дня она вновь заглянула в обеденный зал. На стене белело ее объявление, а на вешалках темнели ряды плащей и зонтов.

— Товарищи, вы грамотные или нет? Предупреждаю: за пропажу вещей мы отвечать не будем!

Она распорядилась запереть барьер гардеробной. Но вешалки стояли недалеко от барьера, и люди продолжали по-прежнему вешать одежду.

Заведующая вновь предупреждала, возмущалась и негодовала. Потом махнула рукой: «Объявление висит, читать все умеют. В случае чего пусть пеняют на себя».

Дня три спустя, когда было особенно ненастно, она опять вспомнила про раздевалку и пошла в зал. Клиенты попрежнему продолжали раздеваться, не обращая внимания на объявление.

— Клава,—спросила пораженная заведующая,—тебе никто не жаловался на пропажу плаща или галош?

Девушка удивленно посмотрела на нее, пожала плечами:

— Зачем? Ни у кого ничего не пропало.

— Ни у кого ничего не пропало...—машинально повторила потрясенная женщина. Она несколько секунд растерянно наблюдала, как входят в столовую посетители, раздеваются и покупают обеды.

— А ведь это замечательно,—произнесла она с задумчивой улыбкой. Глаза ее засияли, и она уже восторженно воскликнула:—Это даже очень замечательно!

«Простите, пожалуйста»

БИТКОМ набитый трамвай еле полз. На одной из остановок в него втиснулся высокий парень с рюкзаком. Этого парня прижали к трем оживленно болтающим девушкам. Из этой троицы особенно выделялась голубоглазая вострушка. Девчат иногда просили пройти вперед, голубоглазая отвечала:

— Вам надо, вы и продвигайтесь.

— Постыдилась бы так отвечать.

— Стыд не дым, глаза не выест.

Люди только покачивали головами.

На повороте трамвай качнуло, и парень углом рюкзака задел голову голубоглазой. Девушка вспыхнула.

— Ну ты, верблюд,—и с силой толкнула его плечом. Юноша обернулся и тихо произнес:

— Простите, пожалуйста.

Голубые глаза растерянно округлились, замигали, пунцовая краска медленно залила девичьи щеки, лоб, шею и даже руки. Казалось, что она сгорит. На нее смотрел весь вагон. Голубые глаза стали влажными, девушка не знала, куда их деть. На ближайшей остановке она выпрыгнула.

К. МАКСИМОВ.

В ТАЙГЕ

ЗДЕСЬ травы не знают кос,
Людей не боятся птицы.
И утренней свежестью рос
Тайга умывает зарницы.
Листва, осыпаясь, кружит
И падает мягко на плечи.
Березка о чем-то грустит
И ждет неназначенной встречи.

ВЕРУЮЩИЙ

— Нет, этого не может быть, что вы рассказываете,—решительно покачал головой секретарь парткома Душкин. — Я скорее поверю, что все наши фабричные пьяницы стали только пить кефир, чем в то, что коммунист с тридцатилетним стажем, наш лучший агитатор Дмитрий Иванович стал верующим. Чушь какая-то!

—Я вам в десятый раз говорю, — проверьте, ежели сумлеваетесь. Славу богу, уже двадцать лет в одной квартире живем. И жену его вместе хоронили, и дочку замуж выдавали. А как, значит, стал один-то и затосковал. Аккуратно каждое утро в половине восьмого—хоть на часы не смотри—становится на колени перед образами и поклоны бьет, да истово так, точно по обету.

— Откуда вы знаете?

— Так наши же комнаты рядом! Мне хорошо слышно, как он лбом об пол стукается, да и в замочную скважину видно.

— Иконы тоже в замочную скважину видели?

— Врать не стану, товарищ партийный секретарь: чего нет, того нет—не видела. Но когда Дмитрий Иванович с работы приходит, то дверь комнаты распахивает, и я приметила, что в красном углу, где у него стоит этажерка с книгами и приемником появилась махонькая полочка — кивот.

Сухонькая старушонка с острым, как шило, носиком и шустрыми черными глазками навыкате перевела дух и утерла безгубый рот концом платка. На лбу лиловел синяк. «Результат тайных наблюдений за соседом, — не без ехидства определил Душкин. — Не потому ли она прибежала клеветать на мужика?»

— А недели две назад Дмитрий Иванович начали поститься. Мясного ничего не покупают. Все картофель жарят, да винегреты на постном масле готовят.

— Ладно, бабушка, разберемся. Спасибо за сигнал.

Выпроводив старуху, Душкин позвонил в цех, где работал слесарь Дмитрий Иванович. Он ни минуты не сомневался, что это житейская сплетня, с которыми приходится копаться секретарям. Он совершенно ясно представлял, как сейчас придет слесарь в своей выцветшей от стирок синей куртке. Сядет сбоку стола тучный, тяжело дышащий и будет ругать лестницу, а заодно секретаря, который со своим кабинетом забрался на второй этаж подальше от рабочих масс и штаны просиживает.

Душкин будет с удовольствием слушать эту воркотню. Разумеется, о «просиженных штанах» будет сказано для красного словца, чтобы парторг не успокаивался и не зазнавался.

А потом Душкин расскажет о причине вызова. Кустистые брови Дмитрия Ивановича удивленно взлетят к залысинам лба и одетый на горлышко графина стакан звякнет от басовитого хохота слесаря.

К удивлению Душкина, явившийся по вызову Дмитрий Иванович на этот раз не ругал ни лестницу, ни парторга. Он молча сел и снял фуражку. Лицо и живот слесаря явно уменьшились в габаритах против прежнего. «А недели две назад Дмитрий Иванович начали поститься», — прозвенел в ушах у пораженного Душкина вкрадчивый старушечий голосок.

Парторг долго не знал, как приступить к разговору. Он побеседовал о погоде, о болезнях печени, о происках американцев в Южном Вьетнаме. Наконец, собравшись с духом, выпалил:

— Чем ты занимаешься, Дмитрий Иванович, каждое утро в половине восьмого?

К ужасу Душкина, слесарь страшно покраснел и неловко улыбнулся.

— К старости с ума начал сходить, — смущенно пробормотал он.

— А нельзя ли поточнее?

Дмитрий Иванович вдруг нахмурился:

— За этим вызывал? Тогда извини: у меня дела, — и, не попрощавшись, вышел из кабинета.

Душкин выпил два полных стакана воды, прежде чем к нему вернулась способность логически соображать. «Позову членов парткома, — решил он — Посоветуемся»

Юмористический рассказ

На совещании в большом ходу были слова и фразы: «невероятно», «кто бы мог подумать», «неслыханно» и т. п. Больше всех бушевал строгаль—сверстник и старинный приятель Дмитрия Ивановича.

— Предлагаю, — гремел он,— создать комиссию и направить ее к этому богомольцу в момент его утренней молитвы. В ее состав выдвигаю свою кандидатуру, так как горю желанием воочию увидеть коленопреклоненного Митьку. Неплохо бы с собой взять фотоаппарат с «блицом», чтобы запечатлеть ярого атеиста перед ликами святых угодников. К партсобранию мы выпускаем стенд «Работа и быт фабричных коммунистов». Это фото будет как нельзя кстати.

Идея всем понравилась.

Наутро трое представителей позвонили у квартиры Дмитрия Ивановича. Открыла вчерашняя старуха - соседка и взволнованно зашептала парторгу:

— Уже десять поклонов сделал. Вот — одиннадцатый!

За белой комнатной дверью действительно слышались легкие редкие удары и какое-то бормотанье.

— Становись прямо против двери, — вполголоса командовал строгаль фотографу.—Как только открою дверь ты его, раба божьего, и щелкай. Тихо!

Дождавшись очередного удара о пол, строгаль резко распахнул дверь. Сверкнул «блиц».

* * *

В день партсобрания у стенда была давка. Всеобщее внимание привлекала фотография, на которой был изображен вприсядку пожилой человек в трусах, майке и с гантелями в руках. На заднем плане виднелась полка с силомером, диском, маской акваланга и т. п. спортивными вещами. У снимка стоял строгаль и срамил молодежь.

— Вот с кого берите пример! Мы еще вам покажем, почем сотня гребешков.

Оригинал снимка, потный и сконф женный, стоял у стены и давал интервью плотному кольцу заинтересованных лиц.

К. МАКСИМОВ.

ТАМАРА

РАССКАЗ

Мы жили в фюзеляже сбитого «хенкеля». Мы — это я, Леша Сарыков, Валька Бутров и Нинка Салмина. Нинке вообще-то полагалось бы жить с девчонками, но она была из одного города с Валькой и ни за что не хотела расставаться со своим земляком.

«Хенкель» сбили зенитчики. Он грохнулся между двух разрушенных домов очень хорошо: у него только отлетели в стороны крылья с моторами и отломился хвост, а фюзеляж остался целехоньким.

Леша Сарыков — бывший фронтовик — сразу сообразил что к чему. Он живо раздобыл досок и сколотил нары для нас, а для Нинки приволок пружинную койку. Потом он сложил из кирпича печурку с дыркой для котелка, и мы чудесно зажили вчетвером. По вечерам на нашей печурке мы из картошки и перловой крупы варили суп, заправляли чайной ложкой хлопкового масла и мечтали о том времени, когда кончится война.

— Знаете, ребята, — говорила Нинка, сверкая голубыми глазами, — когда окончится война и когда в магазинах появится все-все, я куплю целую буханку черного хлеба, возьму луковицу, раздавлю ее вот так и буду есть с солью и хлебом. Ой, как это будет вкусно!

Валька, выслушав свою землячку, насмешливо кривил губы.

— А я,—говорил он,—поеду на Черное море в Крым. Там буду восстанавливать города и купаться в море.

Валька видел море только на картинках. Буквально в первый день войны он как отличник учебы получил путевку в Артек. Но поехать ему так и не пришлось. Из-за этого он считал себя самым разнесчастным человеком на свете.

Леша ничего не говорил, только вздыхал. Он был старше нас. На фронте ему выбило правый глаз и оторвало два пальца у руки. Дом его еще находился под немцем. И Леша мечтал только об одном—увидеть в живых мать.

А днем мы работали. Нас было около тысячи призванных комсомольскими комитетами из разных уголков страны восстанавливать город на Волге. Кровопролитная битва за этот город окончилась всего месяц назад, и из-под камней еще кое-где струился дым.

С помощью лопат и тачек мы расчищали территорию тракторного завода. Из-под снега и камней откапывали станки, балки, оружие и... трупы. Их было очень много, этих трупов, одетых в русские и немецкие шинели. Мертвых фашистов швыряли на грузовик, он увозил их куда-то за город, а тела наших воинов осторожно, точно боясь причинить боль, очищали от земли и снега. Приходили военные из какой-то комиссии, осматривали убитых, забирали документы, а потом труп опускали в мешок из плотной бумаги, зашнуровывали и хоронили в братской могиле на высоком кургане.

У Салминой во время боев в этом городе без вести пропала сестра-радистка. Поэтому, когда кто-нибудь откапывал труп женщины, звали Нинку. Она прибегала, как сумасшедшая. С перекошенным лицом долго всматривалась в убитую, слабо качала головой—не сестра, губы у нее начинали подрагивать, и Нинка принималась реветь. Плакала вначале тихо, утирая грязным рукавом стеженки глаза, а потом расходилась и принималась рыдать в голос. Ребята хмурились и ругались. Прибегал. волоча изувеченную ногу, наш началь-

(Окончание на 4 стр.).

Стихи для детей

Доказал

— Кто полтинник потерял?
— Я! — воскликнул Ваня.
— Чем докажешь?
— Вот, смотри, дырочка в кармане!

Вот как

Спросила мать у Пети:
— Где руки загрязнил?
И сын тотчас ответил:
— Лицо я ими мыл.

Братья

Три брата-лодыря лежат
На чердаке с утра.
Промолвил тихо первый брат:
— Покушать бы пора.
Второй сказал: — Пойти бы в тень,
В густой забраться сад.
— И как болтать-то вам не лень! —
воскликнул третий брат.

В. ПОПОВ.

ТАМАРА

(Окончание. Начало на 3 стр.)

ник старшина по прозвищу «Понимаешь» и прогонял Нинку.

— Нечего тут, понимаешь, сырость разводить, — ворчал он, закуривая трубку. — Работать надо, понимаешь, ковать победу над врагом человечества.

Однажды мы с Валькой долбили снег возле разрушенной бомбами стены. Валька, закопавшись по пояс, вдруг замер, затем крикнул:

— Поди-ка сюда!

Я спрыгнул к нему в траншею и под широкой тавровой балкой увидел мертвую девушку в шинели и с санитарной сумкой через плечо. Ноги ее в коленях были согнуты, а ладонь правой руки подложена под щеку. Это была обычная поза спящего человека. Она, по-видимому, и убита была балкой во время сна.

Мы положили закоченевший труп на бугор. Валька осторожно снял с девушки ушанку, и на руки ему скользнули роскошные черные косы. Он вынул фляжку, плеснул на ладонь воды, смыл с лица мертвой кирпичную пыль, и мы увидели девушку, которой было не больше семнадцати лет. Мороз не дал тлению обезобразить черты. На белом лбу чернели широкие брови, от длинных ресниц на мраморные щеки падали тени.

— Позвать Нинку?

Валька качнул головой — не надо: девушка по национальности была или армянка, или грузинка.

Больше мы ни о чем не говорили с Валькой, долбили мерзлый снег.

У нас перебывали все ребята отряда, подолгу смотрели на мертвую красавицу. Молча уходили. Прибежала Нинка, тихо ойкнула, но не заплакала, как обычно, а стала поправлять косы покойницы.

— Не тронь! — вдруг взъярился Валька. Худенькое лицо его покраснело. — Отойди, тебе говорят.

Пришли товарищи из комиссии, документов у девушки не нашли и долго неподвижно стояли. Печальные. Задумчивые.

— Родятся же на свет такие, — проговорил военный с погонами капитана, медленно отходя от мертвой.

Леша, увидев убитую, с тихой грустью восхитился:

— Как врубелевская Тамара! Есть, знаешь, такая картина — «Тамара в гробу».

Так у мертвой появилось имя.

К концу дня приколдылял «Понимаешь», заорал:

— Почему в мешок не зашиваете? — но вгляделся в труп и побрел по буграм прочь, горбясь и дымя трубкой.

Валька никому не разрешал дотрагиваться до Тамары. Когда пошли домой, он ее заботливо укрыл мешком.

В тот вечер мы в своем «хенкеле» ни о чем не мечтали. Молча варили суп, молча сушили одежду и молча укладывались спать. Уже лежа на нарах, Валька вдруг сказал:

— Ребята, у кого есть шелк?

Вокруг много валялось шелковых парашютов, на которых немцы сбрасывали своим окруженным войскам контейнеры с продуктами. Ребята эти парашюты рвали на портянки, девчонки кроили кофточки.

Мы не спрашивали Вальку, для чего ему шелк. Леша молча вытянул из-под головы вещмешок и, вынув обрывок парашюта, решительно протянул Бутрову. Я отдал свой. Украдкой вздохнув, полезла в чемоданчик Нинка.

Утром Леша оторвал от нашего жилища большой лист дюраля. На него мы положили завернутую в белый шелк Тамару и подняли на плечи. Мы несли ее с открытым лицом вдоль цехов, и люди, увидев нас, оставляли лопаты и тачки. Пышные косы свешивались с носилок и колыхались в такт нашим шагам. Мы перебирались по руинам, и ветер с Волги загибал ресницы у Тамары. Мы поднимались на склон кургана, где тянулись траншеи могил, всходившее солнце румянило лицо мертвой девушки и казалось, что она живая, что вот-вот проснется вместе с возрождающимся из праха городом.

К. МАКСИМОВ

Страница выходного дня

НЯНЬКА

Юмористический рассказ

СОЛНЕЧНОЕ утро. Средней крепости морозец. После двухдневной схватки с гриппом я сижу с видом победителя в плетеном кресле возле окна и жизнелюбиво созерцаю двор нашего многоквартирного дома. Голова слегка шумит, как после свадебного вечера, в ногах слабость, точно после внезапной встречи с разъяренным тигром. Но температуры нет.

Как все-таки много можно интересного увидеть даже во дворе, если спокойно посидеть хотя бы час у окна своей квартиры!

Дом наш в плане П-образен. Я живу в одной из ножек этого «П». Вижу, как из подъезда противоположной «ножки» выходит семилетняя Натка—дочка моего друга Николая. Она в красных лохматых штанах, дошке и со свертком в руках. Минуточку! Что это за сверток у нее? Ба! Да ведь она вышла «прогуливать» своего пятимесячного братишку Андрейку! Вы только подумайте! В этом полосатом голубом одеяле Таня—жена Николая—всегда выносит на свежий воздух Андрейку!

Интересно, как это бабка довериła свое сокровище такой няньке, как Натка. Надежнее козе доверить стеречь капусту, чем Наташке поручить какое-нибудь серьезное дело. Это бес, а не девчонка.

Нет, вы только посмотрите, как она прогуливается с Андрейкой! Маленькая мама да и только. Парню, вероятно, смертельно хочется выпростать из-под одеяла руки и дотянуться до сосульки, что сверкает у водосточной трубы. Он возмущается и негодует, и я вполне сочувствую Андрейке, представив на миг себя в его шкуре. В самом деле, это действительно пытка лежать крепко закатанным в одеяло, не имея возможности махать ручками и дрыгать ножками. Единственная возможность протестовать против деспотизма—это кричать «уа-уа!».

Андрейка, видимо, так и поступает, потому что Наташка его слегка укачивает, чтобы угомонился. От покачивания она переходит к хлопкам по Андрюшкиному боку. Я волнуюсь: как бы ребра будущему космонавту не поломала.

В нескольких шагах от няньки в полном разгаре хоккейная схватка. Команда—из трех человек: два нападающих и вратарь, у которого под носом давным-давно блестит капля. Время от времени ловкими движениями рукава вратарь ликвидирует каплю. Но минуту спустя у него под носом опять играет зайчик. Во время очередной борьбы с сыростью шайба влетает между рваной галошей и худым ведром. Гол! Черный кружок катится к Наткиным ногам, и она—вот вредная девчонка! — ловким пинком отправляет его в сугроб. Хоккеисты грозят ей клюшками, а у меня начинает тревожно колотиться сердце: Натка, придя в восторг, что досадила мальчишкам, прыгает вместе со своим братишкой так, что у того болтается голова.

Я подхожу к телефону и набираю номер квартиры Николая. Увы, в трубке—редкие гудки. Страшная мысль приходит мне в голову: бабка ушла в магазин, а эта егоза самовольно вытащила Андрейку на улицу. Это на нее похоже!

Я вновь усаживаюсь у окна и беспокойно слежу за Наткой. Совершенно забыв про братика, негодная девчонка вертится возле мальчишек с явной целью опять пнуть шайбу в сугроб. Вскоре это ей удается и... у меня обрывается сердце и катится в пятки: один из нападающих хлещет ее клюшкой по красным штанам.

Едва не оборвав провод, я набираю номер телефона лаборатории института, где работает Таня. Услышав ее «алло!», вкратце докладываю увиденное.

— Что ты говоришь?—поражается Таня.—Ой-ой-ой! Куда же мама подевалась? Звонил ей? Я сейчас еще позвоню.

Я решаю еще сообщить обо всем на завод Николаю. Тане, чтобы добраться до дому, надо сделать три пересадки на трамваях. А у заводоуправления, где работает друг, всегда торчат автомашины. Пусть Николай берет первую попавшуюся и мчится домой.

— Черт те что!—возмущается он, выслушав меня.—И куда это старуха смотрит? У нас сейчас важное совещание, но я постараюсь вырваться.

От всех переживаний у меня, кажется, начинает повышаться температура, а по коленям бегают мурашки. Я бросаюсь к окну. Наташка окончательно вышла из роли няньки. Она носится с Андрейкой по сугробам, как сумасшедшая, рот до ушей—визжит, видимо, как поросенок, спотыкается и... о, ужас! Падает! Падает прямо на ребенка! Я бешено стучу по раме, я ору в форточку. Никакого впечатления. Заливается телефон. В трубке голос Наткиного деда. Дед на пенсии, но он неисправимый общественник; сейчас где-то проводит финансовую ревизию.

— Что у вас там стряслось?—хрипит его голос.—Мне Татьяна звонила.

И после моего рапорта из трубки с полминуты слышны только междометия и эпитеты:

— Ну, варначка! Ах, вертихвостка! Ой, сорвиголова! Ведь изуродует парня! Бегу! На всякий случай брякни Сергею! У него в спортшколе сегодня уроки. Он там.

Сережка, Николаев племянник, тренер легкоатлетов. Школа, в которой он ведет занятия, от нашего дома через два квартала.

— Все понял! Бегу!—кратко изрекает Сергей.

Бреду опять к окну. И... лоб, руки и тело у меня мгновенно покрываются холодным потом: синий сверток с Андрейкой лежит на вершине сугроба, а из его растрепанного конца высовывается маленькая голая ножонка. А Натка... Эта вертушка, эта обезьянка, забыв про все на свете, носится возле мальчишек.

Шатаясь от слабости, я мертвеющими руками накидываю пальто и скатываюсь по цементным ступенькам лестницы. Преодолевая головокружение, иду по сугробам. Я не отрываю округлившихся глаз от синего свертка с торчащей завосковевшей ножкой, у меня шевелятся на голове волосы. Я замечаю, как из-за угла одновременно показываются запыхавшиеся Сергей с Николаем, скрипят тормоза такси, из которого вываливается дед; без платка в расстегнутой шубке мчится через улицу Таня. Я судорожно хватаю ледяную ножку. Одеяло слетает, передо мной—опромная гуттаперчевая кукла.

К. МАКСИМОВ.

ЗИМА

ПОДКАТИЛА на тройке зима
В дорогой горностаевой дошке.
И волшебной рукою сама
Расписала узором окошки.
Лебединый ковер соткала
И продрогшую землю укрыла,
Кружева из снежинок сплела
И березку мою нарядила...
Побегу на крельцо, посмотрю
На жемчужные снежные дали,
И зиму, как подругу свою,
Встречу я на любимом Урале.

В. КОМАРОВ,
слесарь-электрик школы № 11.

Страница выходного дня

ДВЕРЬ

Юмореска

ЭТА входная дверь нового многоквартирного дома была плодом рационализаторской мысли плотника Плинтусова. Ее полотно изготовили из картона, пропитанного особым синтетическим веществом, раму сделали из пластмассы, а ручки поставили капроновые. Новая дверь была красива и легка. Она открывалась и закрывалась бесшумно. Ее полотно при лабораторных испытаниях показало высокую влагостойкость, малую звукопроницаемость и плохую теплопроводность. Расчеты говорили, что дверь простоит не менее ста лет.

— Шедевр, а не дверь!— сказал старший прораб, пожимая руку зардевшемуся от похвал Плинтусову.

Дом сдали в эксплуатацию.

Первым всю несостоятельность лабораторных расчетов доказал квартиросъемщик Пончиков. Втаскивая шифоньер, он выбил зеркальное стекло, что сияло в верхней части двери.

На капроновые ручки обратил внимание радиолюбитель Кузовков.

— *Химия!*—*восхищенно* вздохнул он, уважительно поглаживая ручку, и ночью отвинтил ее для изготовления деталей.

Шестикласснице Ниночке нравился темноглазый Рудик со второго этажа. Но Рудик был неравнодушен к соседке Леночке. Раздосадованная Нинка начертила на лакированной поверхности двери: «Ленка+Рудка=любовь». Через два дня рядом появилась вторая надпись: «Нинка дура». Толстощекий бутуз Волик использовал отцовский запас миллиметровки на бумажных голубей. И в наказание был поставлен ко входной двери, чтобы все могли видеть, какой он нехороший мальчик.

Стоять в бездействии целый час для шестилетнего человека занятие невыносимое. Волик вынул перочинный ножичек, подаренный мамой ко дню рождения, и попытался ввинтить штопор в дверь. Попытка увенчалась успехом. К концу часа дверь походила на терку.

О порывистом Лешкином характере с пятого этажа жильцы узнали с начала заселения дома. Когда он спускался по лестнице, то казалось, что вниз мчится лавина, состоящая из булыжников, консервных банок и свистков. Заключительным аккордом Лешкиного движения вниз являлся грохот двери. Он походил на пушечный выстрел.

В двухлетней Оленьке со второго этажа бабушка с дедушкой души не чаяли. Ежедневно летом по требованию внучки старики ходили с ней в парк кататься на карусели. Но пришла осень, парк закрыли. Но Оленька продолжала каждое утро скандалить, требуя карусель. На пол летели тарелки с манной кашей и шоколадки.

В один из таких скандалов деда осенила счастливая мысль:

— Олюшенька, ягодка, сейчас пойдем кататься. Кушай поскорее киселек.

Киселек был съеден, внучка тепло одета.

— А ну-ка, лапушка, вставай вот сюда. Сейчас тебе будет карусель! — ворковал дед, придерживая дверь.

Оленька утвердилась на филенке, и дед, сияя от счастья, принялся осторожно то открывать, то закрывать дверь с висящей внучкой. Через полчаса на смену деду пришла бабка.

Вскоре у одной из петель двери вылетели шурупы.

Окончательно от косяка дверь оторвал Бабкин с третьего этажа. С пьяных глаз он принял ее за жену и долго лягал, горланя на весь подъезд: «Давай на поллитра, зараза!».

— Халтурная работенка, — заметил Шлейкин из десятой квартиры, выйдя как-то вечером проветриться со своим партнером по домино и разглядывая остатки двери, плавающие в луже. — То ли дело раньше. Свяжут, бывало, из пятидесятки, приклепают угольники из десятимиллиметрового железа — век стоит!

Мимо бодрой рысцой трусил пенсионер Заковыкин — гроза помойных ям и канав, наказанье местной газеты. «Вот она, тема!»—восхитился Заковыкин и спешно устремился к себе. «Картонное новшество»,— таков будет заголовок его заметки.

Прораб, прочтя в газете заметку, обругал Плинтусова, а заодно и лабораторию.

У дома появилась новая дверь. Из двухдюймовых досок. Окованная корабельной сталью.

К. МАКСИМОВ.

ОБЪЕКТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

РАССКАЗ

Средне-Уральское книжное издательство (Свердловск) выпустило книжку юмористических рассказов «Рула». Их написал сотрудник редакции нашей газеты К. Максимов.

Ниже мы перепечатываем один из рассказов.

* * *

В КРАСНОМ уголке конторы «Пухпрахтреста» горячо чествовали сибиряка Колю. Сибиряком он стал всего два года назад. А до этого Коля работал в плановом отделе, откуда по путевке комсомола и укатил на новостройку.

И вот, будучи в отпуске, он зашел повидаться с бывшими сослуживцами и тотчас был пленен директором конторы Сергеем Антиповичем Пупырышкиным.

— И ни-ни, не уговаривай! — гремел на весь кабинет Сергей Антипович. — Никуда мы тебя не отпустим, пока ты нам с высокой трибуны не доложишь о славных делах нашей молодежи на стройках коммунизма. Я уже подсказал председателю месткома, — объявление вывешено.

Вечер прошел, что называется, на должном уровне. Были тосты, аплодисменты, поздравительные адреса и даже поцелуи. В заключение выступил сам Сергей Антипович.

— Вся контора гордится тобой, Коля, — со слезой в голосе сказал директор — И я надеюсь, что среди нашего коллектива найдутся твои последователи.

На другой день в кабинет Пупырышкина вошел экономист Таранкин, тридцатипятилетний бодрый мужчина, и торжественно положил перед своим начальником исписанный лист бумаги.

Сергей Антипович прочел и расхохотался:

— Ну, брат, ты и шутник. Хотя сегодня не первое апреля, а разыграть меня надумал. Шалишь, брат!

—Вполне серьезно, Сергей Антипович: я решил ехать в Сибирь на стройку.

— Голу-у-бчик! — пропел Пупырышкин, приятельски обнимая экономиста за плечи. — Ну, какой из тебя новостройщик? Как из коровы балерина. Признайся откровенно: что тебя не устраивает в нашей конторе? К кому перебежать хочешь?

— Сергей Антипович, уже все решено. Я еду вместе с Колей. А потом и семью выпишу...

— Не-е-ет, брат! — завертел головой директор. — Мозги мне не крути! Ты чего-то затеял. Ну, хорошо. Представим на миг, что ты действительно едешь в Сибирь. Между нами говоря: чего там не видел? Не в двухкомнатной квартире станешь жить, а в бараке. Это же Сибирь! Комары, как тигры! Морозюка в семьдесят градусов! У вас в плановом отделе форточку откроют — ты уже бюллетенишь Притом в конторах места всегда заняты.

— Сергей Антипович, да я ведь плотничать умею...

— Дорогуша! — прервал экономиста директор. — Завтра воскресенье. Давай обмозгуй этот вопрос с женой со всех сторон. Я ведь тебе же добра хочу.

Таранкин ушел, а директор принялся озадаченно чесать за ухом. В его голове никак не укладывалась мысль, как можно ни с того ни с сего бросить спокойную работу, благоустроенную квартиру и ехать, черт знает, куда. Добро бы молодой был да холостой. «Темнит что-то этот Таранкин». — решил директор, обматывая шарфом шею.

За обедом, опрокинув стопку «Столичной» и закусив маринованным огурчиком, Сергей Антипович сообщил супруге:

— Представь себе, сегодня Таранкин отмочил штуку: наслушался рассказов о Сибири и возгорелся желанием ехать на новостройку. А у самого плешь и двое детей.

— На молоденькой жениться задумал ваш Таранкин, — уверенно заключила жена, подливая директору супа. — Все вы, мужики, одной закваски.

— Не понимаю...

— Чего тут не понять? Рассказывали об одном. Поехал в Казахстан якобы целину поднимать, а оттуда—хлоп!—жене ультиматум: или приезжай, или давай развод. Дала! Что она, дура, что ли, ехать в голую степь, где ни кола, ни двора? Ему это и надо было. Моментально женился. Взял девку—в дочери ему годится.

Сергей Антипович выпил вторую стопку и покосился на двойной подбородок своей крупногабаритной супруги, жидкий узелок волос на ее затылке. Вспомнилась цветная фотография краснощекой веселой девушки в брезентовой куртке из последнего «Огонька». «Нда! С такой бы я согласился жить не только в Сибири, а даже на Северном полюсе».

На следующий день, играя с тестем — бухгалтером в шахматы и вдыхая пельменный аромат, исходивший из кухни, где у плиты хлопотали теща и жена, Сергей Антипович заметил:

— Вот уж наш Таранкин вволю поест сибирских пельменей.

— Что за Таранкин? — поинтересовался тесть, снимая с доски ладью партнера.

— Да есть у нас один чудак в плановом. Всю жизнь в конторе штаны протирал и вдруг, точно блоха укусила, — на новостройку пожелал. Работу и квартиру—по боку.

— За льготами и длинным рублем гонится.

— И много будет огребать?

Бухгалтер, подтянув пижамные штаны, подошел к книжному шкафу и долго шелестел справочниками. Цифры были заманчивыми: тут и надбавка за выслугу лет, и дополнительные отпуска, и двойной стаж.

«Лет через десять этот Таранкин уже может идти на пенсию,—соображал Пупырышкин.— Мужчина еще в соку. Будет все лето на рыбалку ездить, осенью—на охоту. Ни нужды тебе, ни заботы. Месяц прошел—гони, горсобес, сотнягу, а то и поболее».

Вечером Сергей Антипович, сидя в гостях у своего старинного приятеля, жаловался:

— Мельчают, брат, людишки, как я ни посмотрю. Все за выгодой гонятся, за сладким куском. С таким коммунизм и через сто лет не построишь.

— О ком это? — поднял брови приятель.

— Есть у меня в конторе один тип, некто Таранкин. С виду — куда там! Хоть плакат пиши для наглядной агитации. А фактически...—и Пупырышкин, безнадежно махнув рукой, поведал о намерении экономиста.

— Биографию делает твой Таранкин.

— Это как понять?

— Тут и понимать нечего. Возьмем, к примеру, тебя. Дивизиями ты в Отечественную войну не командовал, от культа личности не страдал, гидростанции не строил. Если не завороешься, так до пенсии и доживешь в чине директора «Пухпрахтреста». А у твоего Таранкина в анкете будет написано: «Строил Сибирский комбинат» или еще что-нибудь в этаком роде. Каков штрих? Через пару лет, глядишь, твой экономист в главке заправлять будет, а то и—подымай выше!

* * *

Недели полторы спустя, оформляясь в бригаду плотников-топалубщиков, Таранкин сидел в жарко натопленной бревенчатой избушке отдела кадров большой стройки. Начальник отдела с сожженным морозом лицом, изучая его документы, вдруг ухмыльнулся обветренными губами, поинтересовался:

— Чем это ты насолил своему начальству?

Таранкин заглянул на протянутую характеристику, которую по скромности своей не стал читать, и не поверил глазам. В ней рукой Сергея Антиповича было написано: «морально неустойчив», «корыстолюбив», «склонен к карьеризму».

ЧЕРСТВЫЕ ДУШИ

Рассказ

В НЕСКОЛЬКИХ километрах от города, в лесу, у меня есть заветный уголок, куда я чуть не ежедневно являюсь с книгой или газетой, усаживаюсь под старой липой и погружаюсь в чтение. Впрочем, это я делаю вид, что читаю. Я не читаю. Я подслушиваю чепуху, которую болтают два влюбленных в молоденькую березку кедра. Березка веселая и смешливая, как семнадцатилетняя девчонка, сбегает с пригорка к ручью. Ее зеленый подол треплет ветер. Иногда он загибает его так высоко, что березка ахает от смущения. Ее ухажеры тоже ахают, но от восторга, что им удалось подсмотреть стройную белую ножку. Они делятся между собой впечатлениями:

— Шикарная!—говорит кедр помоложе и поразвязнее, похожий на Вадьку—сына моего соседа Аркадия Наумовича.

— Хороша, ничего не скажешь!—соглашается с ним кедр постарше и тихонько вздыхает, как старый холостяк о потерянных годах.

— Отстаньте, бессовестные!—хохочет березка, польщенная вниманием кавалеров.

В кустах бересклета живет супружеская пара зябликов. Вначале мое появление под липой озадачило ее.

— Сидит ли он? Сидит ли он? — робко вопрошала самочка из чащи, где находилось гнездышко.

— Сидит! Сидит! Сидит! — сообщал супруг, покачиваясь на ветке осины.

Но вскоре они привыкли ко мне. Больше того, самец даже каким-то образом узнал мое имя. Утвердившись на вершине кедра, он мог целый час тростить:

— Никиту внизу вижу! Никиту внизу вижу!

Прилетали сороки и начиналось шумное обсуждение моей персоны.

— Удивляюсь, как это можно целый день торчать под липой?—стрекотала одна.

— И не говори, милая!—вторила ей подружка. — Люди глупы до невероятности. Обрати внимание: возле этого типа ползет жирный и вкусный червяк. А он его не замечает.

Но больше всего я люблю слушать песню леса. С высокого пригорка мне хорошо видны его зеленые волны, бесконечной чередой уплывающие в сиреневую даль. Налетает верховой ветер, взмахивает, как дирижер, невидимыми руками, строй березок, рябин и осинок, что тянется вдоль просеки, дружно делает вдох и запевает. Песня растет. Ее подхватывают задумчивые сосны и важные ели. В такт песни они слегка покачиваются. О чем эта песня?

Когда она стихает, снизу, как заключительный аккорд, доносится умиротворяющий звон ручья. Далеко-далеко кукует кукушка.

Все эти лесные прелести я не раз описывал своему соседу по квартире Аркадию Наумовичу—большому любителю пива, футбола и диван-кровати. И он не выдержал. Однажды в субботу, деликатно поправив на негабаритном животе пижамные брюки и глубокомысленно наморщив розово-голубой нос, он осведомился:

— «Запорожец» пройдет к этому... твоему заветному уголку?

— Зачем «Запорожец»?—с жаром воскликнул я. — Пешая прогулка. Свежий воздух. Чудесный аппетит...

Но Аркадий Наумович повелительно поднял коротконогую волосатую ручку, останавливая мой словопоток: знаем, мол, все это сами давно. Но все-таки в век ракет предпочитаем ездить на машинах.

— Так вот,—решительно сказал он командирским тоном. — Завтра воскресенье. Ровно в 10-00... Впрочем, для воскресенья это время не годится. Лучше в 13-00 я жду тебя со своими парнями у подъезда. Провиант и транспорт—мой, эстетическое воспитание—твое! Договорились?

На завтра в 13-00 мы мчались на «Запорожце» к лесу. Аркадий Наумович крутил баранку, его старший сын Вадик за моей спиной вертел мощный транзистор, а младший Вовка—белобрысый сорванец целился из ружья в кур, копающихся на дороге.

— Ребята!—взволнованно воскликнул я, едва за окнами замелькали деревья. — Ощущаете, каким разнотравьем напоен воздух? В нем ароматы чеснока и ландыша, зверобоя и шиповника.

Вадик хмыкнул и закурил «Север», а повеса Вовка так грохнул из ружья в пролетавшую ворону, что у меня зазвенело в ушах.

«Ничего! — утешал я сам себя.— Как только мы поднимемся на пригорок, где звенит ручей, где хохочет березка, кокетничая с кедрами, где качается на рябине зяблик, сообщая всем, что меня зовут Никитой, с мальчишками произойдет метаморфоза. Мы будем вчетвером, затаив дыхание, слушать песню леса и угадывать ее с замиранием».

— Вообще-то, здесь недурственно, заметил запыхавшийся от подъема на пригорок Аркадий Наумович.

— Законно! — согласился Вадик, швыряя под липу тяжелый рюкзак. А озорник Вовка свистнул, гикнул и, разбежавшись, повис на ветке рябины.

— Товарищи! — торжественно начал я.—Посидите с минуту тихо. С юга прилетит ветер...

— Сбежим развести антимошку, — буркнул Аркадий Наумович, блаженно разваливаясь на траве. — Вадька, где там пол-литруха с «московской»? Стопки-то не забыли? Вовка, отнеси бутылки с пивом в ручей. Пусть охладится!

— С юга прилетит ветер...—растерянно начал я.—И вы услышите...

— Давай-ка дуй за хворостом, — снова прервал меня Аркадий Наумович.—Костер здесь разведем, чаю сварганим. Коньячишку тяпнем. А ну-ка, орлы, марш за водой! Живо!

С вязанкой сухих сучьев я возвращался через полчаса. Но едва ступил на полянку, как в глазах у меня потемнело: веселая березка была срублена под корень. Возле нее в майке, с папиросой в зубах сидел Аркадий Наумович и вязал веники—он любил париться. На оголенной вершине молодого кедра сверкала издырявленная дробью жестяная банка из под свиной тушонки. Белобрысый Вовка бил возле ручья о камни пивные бутылки и яйца зяблика. А его брат ловил на мушку летавшую с жалобным писком самочку. Грохнул выстрел, в воздухе закружились перья.

— Вон отсюда!!—заорал я и даже затопал ногами.

— Но-но! Или солнце голову напекло?—нахмурился Аркадий Наумович.

— Давай, батя, свяжем его!—пьяно хохотнул Вадик, нагловато потряхивая лошадиным чубом волос. А повеса Вовка подкрался сзади и шлепнул меня по затылку последним яйцом зяблика.

— Убирайтесь!—дико заорал я, хватая с земли палку.

Когда внизу стих треск «Запорожца», я обессиленно опустился на землю и спрятал лицо в ладони. От стыда. Мне казалось, что изувеченные кедры, старая липа, поверженная березка смотрят на меня с укором и презрением: зачем я привел сюда этих людей?

К. МАКСИМОВ.

Сатирические рассказы К. Максимова

Я ЛЮБЛЮ ПРАВДУ

Я ЛЮБЛЮ правду и порядок. И горжусь этим. А у нас ни того, ни другого не любят. Значит, не любят и меня. Доказательство? Сколько угодно! Возьмем сегодняшний день.

Утром по пути на работу вижу во дворе толпу ребят с лопатками, а с ними пенсионерку Кавычкину. На земле—пара столбов.

— Что это вы затеяли?

— Да вот волейбольную площадку хотим оборудовать.

— Простите, а где вы взяли столбы?

— ЖКО старый сарай списал на дрова. Я его купила. Там вот эти столбы были.

— Значит, они у вас лишние? — уточняю я.

Кавычкина перестает улыбаться, глаза делаются испуганными.

— Зачем... Просто ребятишкам хочется сделать приятное...

— Значит, они у вас лишние, — продолжаю я развивать свою мысль. — А кто-то, вероятно, больше вашего нуждается в дровах, с радостью напилил бы из этих столбов четыре охапки дров. Вот так у нас всегда бывает.

Лицо Кавычкиной покрывается красными пятнами. Она что-то пытается сказать в свое оправдание, но я не слушаю.

На улице сталкиваюсь с соседом по квартире Пышкиным. Запыхался, вспотел. Интересуюсь, в чем дело.

— Да, понимаете, канализация засорилась. За слесарем бегал.

— Он, конечно, ваш рюмочный знакомый или родственник? — осведомляюсь я.

— Причем здесь знакомство!?

— Да потому что по правилу вы должны обратиться не к слесарю, а к начальнику ЖКО с заявлением, в котором указать, что засорилась канализация. Начальник наложит соответствующую резолюцию. Бухгалтерия выпишет наряд и расценит работу. Согласно наряду слесарь и явится к вам.

Пышкин взрывается:

— По-вашему действовать, так в помоях утонешь!

У себя на работе среди сотрудников замечаю легкое шушуканье. К моему столу с листком бумаги подходит счетовод Сонечка. Тоненькая и юркая, как рыбка.

— Павел Павлович,— говорит она. — Тетю Дусю сегодня провожаем на пенсию. Мы на подарок ей складываемся. С вас рубль.

Тетя Дуся — это конторская сторожиха.

— Насколько мне известно, — говорю я, — подарочный вопрос входит в функцию профсоюза.

Сонечка слегка пунцовеет.

— От месткома будет. А это мы от сотрудников!

— Но почему именно рубль, а не три и не полтинник?

Лицо Сонечки пылает огнем.

— Да так уж решили...

— Что значит решили? С кем? На основании чего? А если от собранной суммы после покупки подарка останется энная сумма, что вы будете с ней делать?

Счетовод горит алым пламенем, швыряет карандаш с бумагой и убегает.

Вечер. Возвращаюсь домой. У подъезда вижу Пташкина из пятой квартиры. Сын у него в заключении — сшиб мотоциклом ребенка.

— Хорошая погода!— замечаю я. — Сынок-то сидит?

— Что вы хотите сказать? Ну, сидит! Ну, дальше что!? — орет он на всю улицу и хватается за левый бок.

— А вы не нервничайте! — советую спокойно я. — Надо было лучше воспитывать.

В квартире пусто. Только на кухне дочь соседки сидит с одноклассником. Что-то читают.

— Уроки учите? И вдвоем. Что-то подозрительно...

Парень исчезает. Девчонка грохает дверью своей комнаты.

Скажите, кого-то за день я обругал, ударил, может, наклеветал на кого-то? Нет и нет! А люди меня не любят. Почему? Да потому, что правды у нас не любят.

ПЕЙ!

МОЛОДОЙ начинающий шофер грузового такси Шестеренкин, получив от диспетчера путевой лист, выехал на обслуживание клиентов.

Первой в листе значилась фамилия родного дяди, Саввы, которому Шестеренкин вывез из лесосеки дрова. Когда топливо было сгружено, дядя подмигнул племяннику зеленым глазом и гулко хлопнул о ладонь бутылкой с красным стручком на этикетке.

— Пей, племяш!

— Да вы обалдели! Я же за рулем!

— Не будь идиотом, как мой Гришка,—прикрикнул дядя Савва, тыча в нос Шестеренкину полным стаканом. — Того угощают — морду воротит: автоинспектор, де, унюхает. А потом после работы на свои же любезные покупает! Держи давай! Перцовка кровь разбивает и мыслям выразительность придает.

Адвокат, которому Шестеренкин доставил сервант, поднес стопку коньяку.

— Я..

— Прекрати демагогию, — посоветовал адвокат.—Коньяк повышает жизненный тонус и способствует росту производительности труда.

Старуха, которой Шестеренкин перевез картошку, протягивая кружку с «московской», проворчала:

— Бессовестный народ вы, шоферня: без выпивки ни шагу. Не угости вот тебя, сердце на нас займешь.

— Катитесь-ка вы, бабушка, подальше! — обрадовался водитель, хлопая дверцей.

— А ты, милай, не фордыбач! Мы со стариком не хуже людей. Слава богу, пенсия неплохая. Тяни-ка на здоровье!

Шестеренкин нажал на стартер.

—Эй, старик!—звонко крикнула бабка, вскакивая с кружкой на подножку.

Дед, растопырив руки, встал перед радиатором:

—Только через мой труп! Пей, шоколик!

После бабкиной кружки Шестеренкин начал путать педали сцепления и тормоза.

В новой квартире производственного комбинатовского слесаря, которому Шестеренкин перевозил вещи, образовался хор из жены слесаря, свояченицы, сыновей и тещи.

— Пей до дна! Пей до дна! — речетативом сыпала семья, заблокировав со всех сторон водителя.

Сам хозяин, отобрав у Шестеренкина ключ зажигания, держал перед его носом пол-литровую банку самогонки, угрожающе допрашивал:

— Рабочий класс уважаешь? Пей!

Несясь по улице, Шестеренкин с удивлением обнаружил, что телеграфные столбы перебегают ему дорогу. При виде такого необычайного явления он весело захохотал и захлопал в ладоши. Машина сделала сальто и приземлилась в канаве.

Сквозь гул толпы до деревенеющего мозга Шестеренкина донесся фальцет дяди Саввы:

— А вот мой Гришка на работе спиртного — ни-ни! А тоже шофер!

Рассказ

К. Максимов

СТАРЫЙ ПЛАНШЕТ

— Когда ты, наконец, выбросишь это старье? — послышался из кладовки раздраженный голос жены. Дверь приоткрылась, и к ногам Бутрова шлепнулся пыльный планшет.

Бутров нахмурился, хотел сказать жене резкость, но раздумал. Сколько уже раз на протяжении двадцати лет вспыхивала в семье стычка из-за этого старого, поцарапанного планшета!

Бутров отложил в сторону газету, поднял планшет и вытер с него ладонью пыль.

Планшет был авиационный, на длинном ремешке, с валиками для намотки карты. Одна его сторона была из целлулоида, сквозь который виднелись комсоставская пилотка, треугольничек письма в Тулу на имя Сарыковой Е. и небольшая фотография юной темноглазой женщины с короной светлых волос вокруг головы. Вероятно, автор хотел передать письмо с нарочным и не счел нужным указать улицу.

И вот сейчас Бутров вдруг подумал, что именно в этом году обстоятельства позволят осуществить то, что не удосужился сделать за два десятка лет. От этой мысли ему стало и тревожно, и грустно.

Более двадцати лет назад на противотанковую батарею, в которой служил Бутров наводчиком, росным июльским утром двинулись немецкие танки. Оранжевые полотнища огня из всех четырех орудий вырвались почти одновременно. Два танка вспыхнули, остальные замерли. Бутров поймал в перекрестик панорамы танк, но только один раз успел ударить по лапке спуска, как послышался свист. Разрыв подбросил Бутрова. Пушка замолчала.

Подбежал командир огневого взвода лейтенант Сарыков.

— Что у вас? — крикнул он и, покосившись на убитых, приказал Бутрову: — Наводи!

А сам метнулся к снарядам. Планшет заколотился у него в ногах. Раздосадованный лейтенант сорвал его, швырнул Бутрову и, схватив снаряд, загнал в казенник ствола.

Грохнул новый взрыв.

Когда Бутров поднял голову, то первое, что увидел, — это искореженную станину орудия, раскиданные взрывом снаряды и лежащего на свежей земле окровавленного Сарыкова. Наводчик подполз к лейтенанту, но тот не дышал.

Убитых хоронили вечером. Их уложили ровным рядом на влажное дно длинной могилы и с головой накрыли шинелями.

Прощальным салютом бухнули пушки, с края могилы с комочком глины на шинель лейтенанта упал, рассыпая на лету звездочки семян, одуванчик. Зазвенели лопаты.

Бутров, отыскав комбата, протянул лейтенантский планшет. Тот повертел его в руках, несколько секунд смотрел на фотографию темноглазой женщины и хмуро заметил, мотнув головой в сторону могилы:

— С ним надо было положить. В общем, отдай старшине.

Но старшину в тот вечер поймать оказалось невозможно.

Ночью немцы сделали артналет, и Бутрова тяжело ранило. Очнулся он в товарном вагоне. Кругом на нарах лежали раненые, стучали колеса.

«Кажется, жив. Это совсем неплохо», — подумал Бутров, ощупывая свою забинтованную голову, которая лежала на вещмешке. Рука наткнулась на какой-то ремешок. Бутров некоторое время с недоумением его ощупывал и, ничего не поняв, потянул. В руке покачивался планшет с улыбающейся женщиной.

Окончилась война. Мчались годы. Бывший наводчик не раз собирался поехать в Тулу, но каждый раз откладывал. То не было денег на поездку, то получалось так, что во время отпуска ехал в дом отдыха, а на поездку в Тулу времени не оставалось.

Нынче Бутров получил путевку в Кисловодск. И ему предстояло ехать через Тулу, ту самую Тулу, в которую он никак не мог попасть за два десятка лет.

«Один шанс из ста, что найду Сарыкову, — заключил бывший наводчик, покидая вагон на станции Тула. — Все постепенно забывается, становится историей,— размышлял он, покачиваясь в трамвае. — Что ж, это естественно».

В адресном столе худенькая девушка с копнообразной прической, нетерпеливо морщась, долго не могла понять, что угодно этому человеку. А сзади недовольно ворчала очередь. В конце концов Бутров развернул из газеты планшет и сунул на стол девице. В комнате воцарилась такая тишина, даже стало слышно дыхание людей.

Девушка осторожно, точно он был из стекла, взяла планшет.

— Вам надо заполнить бланк,— мягко сказала она.—Заполняйте. Кто следующий?

Но очередь вдруг возмущенно загалдела: что это за бюрократизм? Ищите немедленно товарищу поскорей эту Сарыкову Е.

Девушка бросилась к своим ящикам.

— Сарыкова Елена Васильевна! — вся сияя, через несколько минут торжественно провозгласила она и подала бумажку с адресом. Очередь радостно вздохнула:

— Жива и здорова!

— И замуж не вышла! Спешите, товарищ.

Дом был коммунальным, четырехэтажным. Бутров начал подниматься на второй этаж, где находилась квартира Сарыковой. Он в нерешительности остановился перед коричневой дверью. В памяти всплыла братская могила, падающий на шинель одуванчик...

Вытерев о брюки вспотевшую ладонь, нажал кнопку звонка. Дверь открылась и бывший наводчик остолбенел: перед ним стояла та самая женщина, что была на фотографии. Точно не было тех двадцати лет. Пораженный, он пробормотал:

— Елена Васильевна...

— Мама в школе, — ответила женщина, с любопытством разглядывая Бутрова темными глазами.

«Дочь лейтенанта»,—ахнул про себя наводчик.

В школе шли уроки. В учительской у большого стола, заваленного книгами и рулонами карт, сидела над тетрадками только седенькая литераторша в очках.

(Окончание на 4 стр.).

ДОШКОЛЬНЫЙ ЭСКУЛАП

Юмористический рассказ

Начало истории с моей сеструхой Милкой банально. Милка окончила медучилище и ей предстояло ехать в деревню. Но мама, папа, дедушка и бабушка воспротивились. Милка, мол, еще глупа, как пробка, Милка наивна, как ребенок, Милка не знает жизни.

— В деревне осенью грязь и скука, — сказала мама.

— В театр уже не сходишь, — заметил папа.

— Печку-то сама будешь топить, — напомнила бабушка.

— Ездить придется больше на лошади, — вздохнул дедушка.

Я ничего не сказал. Сеструху любил, и совсем не хотел, чтобы она куда-то уезжала. В общем, Милку отвоевали у комиссии по распределению.

Милка, конечно, ничего против не имела, что ее оставили в городе. В городе есть оперный театр, в который она за всю свою короткую жизнь ходила всего два раза. Есть музей. В музее она была на экскурсии, когда училась в шестом классе. Правда, видела она только полмузея. Ибо у входа в этот самый музей сестренка с подружками купила мороженое. Оно стало таять и капать на разные исторические черепки. Экскурсовод прервала объяснения и попросила девчонок выйти.

В городе есть джаз. Ну, на танцы под джаз Милка, как и всякая девчонка, ходила без счету раз. А в деревне какой джаз? Если танцы, то под гармошку или радиолу.

Итак, Милка осталась в городе. Однако вакантных мест для фельдшера в городе пока не было, подруги все разъехались, и Милка томилась от безделья. А ей так хотелось кого-нибудь лечить! Она давно мечтала быть медиком. В детстве Милка делала уколы, прививки и компрессы своим куклам. Когда училась в школе, то взялась спасти от хвори любимую собаку деда — Бума. Бум вскоре околел. В семье поднялся страшный шум. У деда почему-то возникло нехорошее подозрение, что Милка для изгнания микробов из собачьего организма скормила Буму пачку дуста, которым, как известно, травят тараканов.

И вот Милка — профессиональный медик, а лечить некого.

Однажды, когда вся наша семья сидела за утренним чаем, Милка, сося конфету «Тузик», чересчур долго и внимательно посмотрев на отца, спросила:

— У тебя в глазах не темнеет, когда ты быстро встаешь с постели?

У папы вылетела из руки чайная ложка.

— Бывает. А что?

— В области сердца иногда испытываешь неприятную тяжесть, ощущаешь слабость и головную боль. Так?

Папа в тревоге уставился на Милку:

— Ну, допустим... а что?

— Я так и думала! У тебя гипотония! — радостно воскликнула Милка. — Кожные покровы вон какие бледные!

— Иди-ка ты со своим диагнозом подальше! — вспылил папа и встал. — Сроду ни на что не жаловался, хотя мне скоро пятьдесят стукнет.

— Ого! Ты раздражительный! — спокойно констатировала Милка — Гипотония! Уж это точно!

Отец вылетел из-за стола и хлопнул дверью.

За обедом он был задумчив и рассеян: в молочную лапшу положил горчицу, а селедку обмакнул в малиновое варенье. Выпив стакан компоту, папа приложил руку к груди и взгляд его стал необычайно далеким.

— Вообще-то ты, дочка, права, — сказал он. — Что-то я сегодня себя действительно целый день не в своей тарелке чувствую. Человек, как машина, работает, пока не износится какая-нибудь деталь. Как ты болезнь назвала? Гипотония? Гм... Как же ее лечить?

Милка так вся и засияла от счастья. Она долго с жаром и вкусом говорила о лекарствах, лечебной физкультуре, режиме питания и свою лекцию закончила так:

— Не следует путать гипотонию с гипертонией. Гипертония — это повышенное кровяное давление в артериях в результате повышения тонуса стенок сосудов и сужения их просвета. У нас в семье, по моим наблюдениям, гипертонией болен дедушка.

У деда от внучкиных слов подпрыгнули очки на носу и затряслись усы.

— Не спорь, дедушка, — ласково сказала Милка. — Ты ведь вчера жаловался, что у тебя немеют пальцы рук и ног. Это один из признаков второй стадии гипертонии. При третьей стадии руки и ноги вообще парализует, происходит кровоизлияние в мозг, как правило, с летальным исходом.

Непонятную фразу «с летальным исходом» сеструха произнесла с такой мрачной интонацией, что нам она стала сразу понятной. Мама побледнела, бабушка торопливо закрестилась, у меня же похолодело под ложечкой.

— Что же мне сейчас делать? — пробормотал дедушка и жалобно заморгал глазами.

— Строгая диета! — грозно заключила Милка и щекастое ее лицо приняло официальное выражение. — Бросайте курить и забудьте про свои «сто граммов». На ветчину и сало даже не глядите. Впрочем, я вам составлю подробное меню.

Дедушка охнул и, пошатываясь, вышел из комнаты. У мамы от волнения лицо пошло красными пятнами.

— Мила! — воскликнула она. — Не могла бы ты свои медицинские познания оставить пока при себе?

— Мамочка! — вскочила Милка, обнимая маму. — Тебе нельзя волноваться: у тебя ярко выраженный невроз.

— Что!? — у мамы запрыгали от страха губы и она взялась за виски.

— Милка! — возмутился я. — Если ты сейчас же не замолчишь...

Милка повернулась ко мне и уставилась на меня профессиональным оком, отыскивая, по-видимому, во мне скрытые болезни. И я почувствовал, что у меня костенеет язык, а по ногам расстекается противная слабость. Я зажал поскорее уши и пулей вылетел за порог.

Наша квартира постепенно превратилась в больницу. Во всех комнатах слышались приглушенные стенания, пахло лекарствами. На плите постоянно кипела вода для грелки и шприца. Столы и подоконники были завалены медицинскими книгами. Милка наряду с основными болезнями у каждого из нас нашла еще кучу побочных заболеваний.

Мы не знали покою даже ночью. Мне, например, вдруг снились зубастые микробы с крючковатыми носами, каких рисуют в журнале «Здоровье». Эти микробы яростно грызли мне затылок. Я просыпался в холодном поту и с ужасом чувствовал тупую боль в затылке. Я тотчас босиком мчался к Милке и будил ее.

Милка деловито листала справочники и делала назначение.

Из дальней комнаты доносился слабый голос бабушки:

— Мила, внученька, поди-ка сюды: второй бок что-то заколодо.

На своей раскидушке ругался с кем-то во сне дед: «Мигрень тебе в селезенку!».

В один прекрасный день отец, с отвращением хлебая протертый картофельный суп с гренками, сказал:

— Сегодня мне знакомый товарищ из села повстречался. Чуть не ревет: у них медпункт без медика. Квартиру и все прочее сразу же предоставляют. Причем бесплатно.

— Вообще-то, хорошо летом в деревне, — вздохнула мама. — Воздух, лес и речка...

— А как чудесно сидеть около топящейся печки! — мечтательно произнес дед. — Дровишки так уютно потрескивают, смолой пахнет, дымком...

— За овощами в магазин идти не надо, — заметила бабушка. — Все в своем огороде растет, самое свежее и вкусное.

Я ничего не сказал. Затаив дыхание, я ожидал, что скажет Милка. А Милка захлопала в ладоши и завопила:

— Где эта деревня?

Я не выдержал и с чувством расцеловал свою сестренку. Все-таки она замечательный фельдшер!

Провожали мы ее всей семьей и очень боялись, что она опоздает на поезд. А когда вернулись, папа закинул в дальний угол кладовки грелку, мама выбросила в помойное ведро шприц с иголками, бабушка высыпала в унитаз порошки и таблетки, а дед с наслаждением разбил банки, которые Милка ставила ему на бока.

Эту ночь мы спали без снов.

К. МАКСИМОВ.

ПИШИТЕ: г. Пермь, ул. Мира, 15

ЗВОНИТЕ: редактору—0-78; зам. редактора—6-01;

ЗАХОДИТЕ: Редакция

К. Максимов

ЗАПЯТАЯ

Рассказ

ЛЕЖА на бетонном полу, он понимал, что умирает. Кровь, когда он делал особенно резкое движение, начинала сочиться сильнее из раздробленного плеча. Рука давно одеревенела, голова кружилась. В амбразуру изредка залетал ветерок, шевелил ромашки, росшие сбоку.

— Эй, рус! Давай, давай плен! — уже в который раз кричал немец.

Он не отвечал. Бойца беспокоила одна мысль, и он очень боялся, что, не выполнив ее, уйдет из жизни. Ему предстояло найти что-то острое. Он знал, что у одного из убитых товарищей ,которые лежали в доте, висит на поясе отличный трофейный нож, а у второго —это он тоже отлично знал — есть сапожное шило. Но у него не хватит сил, чтобы подползти к ним.

Найти бы хотя осколок мины. Маленький-маленький осколок. Но под руку попадались только куски бетона и комочки земли. Нет, бетон не годится. Стиснув зубы, он приподнял голову. Взгляд уперся в диски ручного пулемета. Головки пуль! Они же острые!

Помогая подбородком, он ращепил застежки у диска, снял крышку. Только бы немцы не вздумали сейчас идти в атаку. Впрочем дот им больше не угрожает. А утром он фашистам мешал здорово. Когда к речной переправе, пыля и треща моторами, ринулась колонна, дот из своих амбразур изрыгнул огонь такой плотности, что на двух передних грузовиках немцы были, как скошены.

И вот из защитников дота остался только он один. Фашисты это поняли. Они не стали даже возобновлять атаки. Оставив для блокировки несколько солдат, немцы навели переправу ниже по течению реки, за бугром. Это задержало их продвижение на несколько часов.

—Эй, рус! Нейн паф-паф! Плен, плен! — прокричал все тот же голос.

Плохо слушавшимися пальцами боец вытянул из диска патрон. От всех этих движений потемнело в глазах. Он обессиленно уткнулся лбом в черный приклад пулемета и закрыл глаза. Голова постепенно прояснилась.

Неловко вытянув руку, он начал царапать головкой пули по бетонной стене.

У него была заурядная фамилия — Сидоров. В педагогическом техникуме преподаватель методики любил в лекциях приводить стандартное словосочетание: «Иванов, Петров, Сидоров...» Услышав свою фамилию, он недовольно морщился. А студенты с улыбкой оглядывались.

«Сидоров» — написал он и передохнул. Потом нацарапал — «23 июня 1941 года».

Энергии в человеке всегда больше, чем он считает. Сидоров написал свою фамилию, дату, перевел дух и с удивлением почувствовал, что силы еще есть. Закусив губу, он нацарапал слово «Прощай». Отдохнул немного и начал выводить слово «Родина».

Патрон норовил выскочить из ослабевших пальцев, лоб затянуло липким потом, слух исчезал, а сознание словно проваливалось куда-то.

Начертив последнюю букву, Сидоров долго лежал неподвижно.

С реки потянул ветер, зазвенел пустыми пулеметными гильзами.

Сидоров медленно поднял веки. Прямо перед ним белела кривая, но четкая надпись. Но что-то в ней не хватало. Он упорно смотрел на нее. А мысли тянулись и таяли: обескровленный мозг работал вяло.

Чего же нет в этой фразе? Он еще раз пробежал ее глазами и все никак не мог понять. Было мгновение, когда буквы стали расплываться, но, собрав всю силу воли, Сидоров заставил их вновь стать четкими.

Запятая! После слова «Прощай» нет запятой. В школе он всегда вначале писал предложение, а уж потом расставлял знаки препинания. Учителя его за это бранили. И он потом бранил своих учеников, когда стал учителем, хотя сам продолжал поступать по-старому.

Сидоров вдруг с тоской почувствовал, что пальцы стали точно отморожнные и не ощущают патрона. Он не сводил глаз с фразы, дышал редко и глубоко, собираясь с силами. Запятая должна стоять там, где ей положено.

— Рус, сдавайсь! — вновь послышалось издалека.

Бойцу показалось, что он даже различает шуршание шагов немца и лязг затвора.

Сделав глубокий вдох, как перед прыжком в воду, он всем израненным телом приподнялся и с силой, как кинжалом, ударил по тому месту, где должна быть запятая. Это было последнее усилие в его жизни.

* * *

Зимы сменялись веснами. В небе то плыли кучевые облака, то тянулись косяки журавлей, то заливались жаворонки. Гремели грозами синие тучи.

Однажды весной молодой тракторист с рыжими засевами веснушек на щеках благоустраивал пашню. Он направил бульдозер на травянистый бугор, что возвышался на краю поля и очень мешал пахарям. Нож пронзительно заскрежетал. Из-под земли вынырнул зазубренный край бетонной плиты. Выскочивший из кабины парнишка, потрясенно ахнул.

— Что у тебя, варнак, опять приключилось? — закричал издали бригадир, хлопая по пашне резиновыми сапогами. Он хотел еще что-то сказать, но поперхнулся. Дряблое лицо бригадира окаменело.

Тракторист, покосившись на начальство, наметился прыгнуть в дот.

— Куда!? — заревел бригадир. —В святое место да с навозными сапогами!

Он медленно стянул с лысеющей головы картуз. Торопливо сдернул кепку со своих кудрей и парнишка.

— Милые вы мои...— прошептал бригадир и щеки его мелко затряслись. — Может, и мой где-то также лежит...

Весь день к доту шли люди. Они шли до позднего вечера и все следующее утро.

А днем печально загремела оркестровая медь, зашелестели под ветром знамена.

Сейчас в местном музее появился новый экспонат, возле которого подолгу простаивают экскурсанты. Это кусок бетонной стены, на которой нацарапано: «Сидоров. 23 июня 1941 года. Прощай, Родина!».

Как-то маленькая и серьезная пионерка в очках, прочтя надпись, заметила:

— А ведь в предложении ошибка: нет запятой.

— Есть! — загалдели ребята и дружно ткнули пальцами в небольшой крючок. Этот крючок был немного ниже уровня фразы и не сразу бросался в глаза. Но что это была запятая — не было никакого сомнения. Круглая, с хвостиком.

И глядя на эту надпись, люди задумывались. Они мысленно переносились в дот, стараясь представить себя на месте Сидорова. Израненного. Умирающего.

Вновь шагать бы...

ВНОВЬ шагать бы,
как бывало,
Вверх по речке Чусовой.
И устав, не ждя привала,
Освежить себя водой.
На утес взойти высокий,
Что вознесся над рекой.
Поглядеть на лес далекий
Скрытый в дымке голубой.
И на той седой вершине
Я б сказал тогда тебе:
—Нет нигде тебя
любимей,
Нет дороже и родней!
И я верю, что когда-то
Заберемся мы с тобой
На утес крутой, горбатый,
Над рекою Чусовой.

В. ОВСЯННИКОВ,
электрик эмальцеха.

■

НОЧЬ

ПОД сияньем месяца
Ясень у дорожки,
На березе светятся
Чудные сережки.
Блестками усеяна
Серебрится речка.
Месяц в ней рассеянный
Утопил колечко.
Росы ночь - цыганку
Умывают чисто.
А в косе смуглянки —
Звездное монисто.
Если б месяц - сказочник
Укатился прочь,
Не такой бы праздничной
Выглядела ночь.

В. ВЕТОШКИНА,
эмалировщица.

■

Для детей

В. ПОПОВ.

Калоши

ДОЖДИК стучит
В окошко.
Лужи стоят
На дорожках.
На улицу
Просится кошка.
Дает ей калоши
Лешка:
— Пусть велики
Немножко,
Зато не промочишь
Ножки!

Не любит сласти

Говорила Настя:
— Не люблю я сласти.
Ничего не надо.
Даже шоколада!
Дали ей варенье —
Съела за мгновенье.

АВТОМАТИЧЕСКИЙ ЗАМОК

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

АФРОДИТА Пахомовна и Нарцисс Денисович Зюзюковы явились в гости к своим знакомым, Опенкиным, когда до Нового года оставалось не больше сорока минут. Пришли не одни, а с детьми — Андрюшиком и Маринкой.

Опенкины гостей ожидали с нетерпением. И как только в квартире раздался звонок, на лестничную площадку выскочила сама хозяйка, Лариса Сергеевна, причесанная и надушенная, но еще в домашнем фартуке. Следом в праздничном костюме и с радушной улыбкой выплыл ее муж, Владимир Иванович, выбежали и их ребята — Борик и Галка.

Раздались радостные ахи и охи. Кто-то из взрослых заметил, что Борик и Галка без пальто.

— А ну-ка, ребятня, марш все в квартиру!

Дверь за детьми захлопнулась и... щелкнул замок.

— Хорошенькое дельце! — воскликнул Владимир Иванович, дергая за ручку. — У тебя, Лара, надеюсь, в кармане фартука лежит ключ?

— С чего он у меня там будет лежать? — удивилась Лариса Сергеевна. — Он, папочка, всегда находился у тебя в правом боковом кармане пиджака.

— Это в будничном костюме, — буркнул супруг и, постучав в дверь, крикнул: — Борис, сынуля, поставь табуретку, ухватись покрепче за головку замка и поверни ее справа налево.

— Чего? — раздался голос Борика.

— Я повторяю: поставь к двери табуретку, встань на нее ножками, ухватись за головку и поверни справа налево.

Некоторое время из-за двери доносился стук — детвора устанавливала табуретку, затем послышались шорох и пыхтенье — Борик на нее вскарабкался, потом последовал вопрос:

— А за какую головку?

— Господи! Да за головку замка! Она у тебя под носом торчит. Блестящая. Видишь? Поверни ее справа налево.

— А я не знаю, как справа налево, — донеслось из-за двери.

— Тьфу! Увалень!

— Не смей оскорблять ребенка! — воскликнула Лариса Сергеевна. — Он не виноват, что у него отец растяпа.

— От растяпы слышу! — парировал Владимир Иванович.

— Не надо ссориться, — остановила супругов Афродита Пахомовна. — Ведь через полчаса Новый год. Может, наш Андрей откроет? Андрюшик, влезай на табурет. Влез? Теперь крути блестящую шишечку, что перед тобой торчит из двери.

— Она не крутится.

— А ты поднатужься. А то нам не придется вместе встречать Новый год и дед-мороз не принесет гостинцев.

В ответ раздался дружный четырехголосый рев.

— Мужчины, ну неужели вы не в состоянии открыть какой-то паршивый замок? — возмутилась Афродита Пахомовна.

— Я могу открывать только банки с зеленым горошком, — признался Владимир Иванович.

— А я бутылки! — вздохнул Нарцисс Денисович.

— Но ведь есть домоуправляющий, есть специальный слесарь в доме, — напустились женщины на супругов. — Чего стоите? Зовите их. Ведь до Нового года всего восемнадцать минут. А мы постучимся к соседям.

Но оказалось, что соседей ушли в гости.

— Слесарь лежит возле унитаза и поет: «Приходите свататься, я не буду прятаться», — доложил вернувшись снизу Владимир Иванович.

— А домоуправляющий воюет с буфетом, — сообщил Нарцисс Денисович о результатах своего визита. — Все вопрошает его: «Уважешь меня, подлец?». Но так как буфет безмолвствует, то домоуправляющий выбил в его дверцах уже два стекла и сейчас хлопочет над третьим.

Все четверо подавленно притихли и, как по команде, взглянули на наручные часы. До Нового года оставалось ровно десять минут. Из-за двери неслись всхлипывания.

— Товарищи! — провозгласила вдруг Афродита Пахомовна, самая энергичная и догадливая. — Новый год нам придется встречать здесь, но дети должны его встретить по-настоящему. Лариса, у тебя, милушка, надеюсь, стол уже накрыт? Проинструктируй, голубушка, наших малышей.

Лариса Сергеевна, присев перед замочной скважиной, заговорила точно в микрофон:

— Алло! Борик! Ты меня хорошо слышишь, сынуля? Вот и отлично! Веди Андрюшу, Маринку и Галочку в комнату, где накрыт стол. Возьмите там по куску пирога с мясом. Когда скушаете его, угоститесь пирожными. В графине с фигурами петушков налит лимонад. Пейте его. А в вазе, что около бутылок, берите конфеты.

Последняя фраза вызвала по ту сторону двери ликование. До родительских ушей донесся удаляющийся топот четырех пар ног.

Некоторое время в квартире стояла тишина. Потом что-то треснуло и посыпалось.

— Мою именинную вазу раскокали! Уж это точно! — охнула Лариса Сергеевна и, сморщившись, словно от зубной боли, заколотила в дверь. — Борик! Борик!

В ответ раздался грохот и мелодичный звон.

— Узнаю звук графинчика с петушками, — с философским спокойствием изрек супруг и закурил.

Но когда до его слуха донесся выстрел, он бросился на злосчастную дверь и забухал в нее каблуками:

— Борька! Андрюшка! Выдеру! Они же шампанское открыли!

Однако детвора, включив телевизор, ничего не слышала.

То ли под действием восьми родительских кулаков, то ли под влиянием других каких причин, но только дверь внезапно распахнулась.

Перед вбежавшими в комнату супружескими парами открылась живописная картина. Под елкой с гитарой на коленях восседал Борик, возле него красовались наполненные лимонадом стопки.

— Первая — колом! — провозгласил он, выпивая. — Вторая — соколом, а третья — мелкой пташечкой!

Перед Бориком, подпоясанная фартуком, широко расставив ноги и уперев руки в бока, стояла сестренка Галочка и отчитывала его:

— Опять нажрешься, как эта свинья Нарцисс.

У трельяжа, облачившись в кружевную накидку, сдернутую с подушки, прохаживалась четырехлетняя Маринка и, разглядывая себя в зеркало, радостно восклицала:

— Представляю, как позеленеет от зависти воображуля Ларисса когда увидит меня в новом платье. У нее от досады опять разболится печенка!

Андрюшик самозабвенно колотил ложками по пустой тарелке и лихо напевал:

Прохиндей Опенкин Вовка
Блат везде себе завел —
Получил квартиру ловко,
«Волгу» где-то приобрел.

Заметив застывших на пороге взрослых, он звонко крикнул:

— Предки в квартире! — и первым нырнул под стол.

К. МАКСИМОВ.

Табуретка

Юмористический рассказ

Я СОВЕРШИЛ аморальный поступок.

А началось все с моей жены Таси. Мы с ней поженились после окончания курсов. Она стала маляром, а я—столяром. Сняли комнату. А так как у нас, кроме удостоверений об окончании учебных заведений, мастерка и набора столярных инструментов, больше никакого имущества не было, то домохозяйка дала нам кровать, два стула и стол.

И вот, когда к нам приходил в гости кто-нибудь из знакомых ребят или девчат, то я мчался к соседям за дополнительными стульями. Тося при этом принималась меня всенародно срамить:

— Вы только поглядите на него—столяр мебельной фабрики, а бегает, как бобик, клянчить стулья! Смех на палочке!

— Взяла бы и купила в магазине, — в сердцах бросал я.

— Ха-ха-ха!—разражалась Тося артистическим смехом. — Жена столяра покупает мебель! Из принципа не куплю ни стула, ни стола! Бегай, бобик, по соседям!

В общем, Тося меня допекла. Однажды после смены, покидая цех, я увидел, как наша уборщица тетя Паша, ухватив табуретку за ножку, колотит ею о пол в надежде, что она рассыплется и тогда будет отличная растопка. Тете Паше идти на мороз за стружкой не хотелось, а табуретка была старой, некрашеной. На ней играли в домино и прямили гвозди. Когда она расшаталась—пнули под верстак.

— Тетя Паша!—закричал я, осененный счастливой мыслью.— Остановите свою всесокрушающую руку! Я вам сейчас принесу целую охапку стружек, а табуретку отдайте мне.

—Она давно волочится и надоела мне хуже горькой редьки,— проворчала уборщица.

—Она не будет волочиться!— заверил я.

И вот с табуреткой я шагаю к проходной. Дома табуретку разберу, шипы смажу клеем, соберу, потом загрунтую, отшлифую шкуркой, покрашу, и она станет, как новая.

— Минуточку, молодой человек! — навстречу поднялся вахтер дядя Гриша. — Позвольте спросить, куда вы понесли готовую продукцию?

—Продукцию? — опешил я.— Табуретку? Но тетя Паша хотела ее...

—При чем тетя Паша!?—загремел вахтер, крепко ухватившись одной рукой за табуретку, а второй за мой локоть, хотя я бежать не собирался. — Да будет вам известно, что вы — расхититель государственного имущества! А попросту говоря—вор! Ясно? И сейчас я вынужден составить акт. Садитесь!

На следующий день начались мои нравственные мучения. Утром меня вызвал начальник цеха.

— Позор! — крикнул он, потрясая актом перед моим опущенным носом.

В обеденный перерыв комсорг Маша, собрав комсомольцев, с жалобной укоризной в голосе воскликнула:

— Ваня, скажи нам откровенно, как ты докатился до такой жизни?

Ребята из бригады песочили меня до седьмого пота. «Крохобор», «хапуга», «захребетник», «хозяйчик»—вот далеко не полный набор эпитетов, которые мне довелось услышать в свой адрес.

Затем с меня полчаса снимал стружку предцехкома. А после смены состоялось общее рабочее собрание. С него я шел малиновый, словно после бани.

На стене проходной висел свежий номер стенгазеты с броской надписью: «Позор расхитителю государственного добра Ивану Стамескину!».

Дома Тосе я, конечно, ничего не рассказал о своем позоре. Но мне всю ночь снились ряды наступающих на меня табуреток. Стуча ножками, они скандировали: «ра-схи-ти-тель!»

Утром Тося объявила:

— Ты всю ночь орал, как полоумный, про табуретку. Она тебе даже снится, а вот сделать ее не можешь.

Я хотел было послать Тосю ко всем чертям, но вспомнил, как выступая на собрании, наш профорг сказал:

— А ведь можно было сделать все по-хорошему. Написал бы товарищ Стамескин заявление на имя начальника цеха. Так, мол, и так. Прошу материалу на мебель. Неужели бы мы молодожена не уважили? Эвон сколько древесной обрези сжигаем.

И вот в конце смены, настрочив заявление и отобрав из кучи древесного хлама несколько досок, я отправился к начальнику цеха. Но у него трещал телефон, и о чем-то спорили мастера. Он досадливо махнул рукой:

— Некогда! Шагай к кладовщику.

Кладовщик дядя Петя, позванивая ключами, пробубнил:

— Эти, мил человек, обрезки уже списаны. Как быть? Доложи вахтеру, что со свалки взял. Только и делов. Да он сам не слепой. Увидит.

В обивочном отделении бригадир заметил:

— Давно надо было самому смастерить табуретку. А то покусился на какую-то рухлядь. Сейчас табуретки в моде обивать. — И оторвал мне кусок дерматина.

А приятель Витька, весело подмигнув зеленым глазом, сыпанув мне в карман горсть декоративных гвоздей, добавил:

— На две табуретки тут с лихвой хватит.

В конце цеха девчата резали поролон на сиденья кресел. Увидев меня, загалдели:

— Смотрите! Благотворное влияние критики налицо! Ванюша! Хочешь, чтобы твоей Тосе мягче сиделось?

И не успел я глазом моргнуть, как солидный пласт поролона очутился у меня за пазухой. В покрасочном отделении мне сунули бутылку мебельного лаку.

Когда я подходил к проходной, коленки у меня стали ватными. Но я сумел взять себя в руки. Пусть меня, черт побери, вновь хватает дядя Гриша, пусть составляет новый акт, пусть созывает новое собрание. Я всем скажу, что не виноват...

— Ага! — удовлетворенно воскликнул, откладывая газету, дядя Гриша, как только я перешагнул порог проходной. — нахлобучка, значит, помогла? Решил сам смастерить табуретку? Вот это дело!

Он с видом знатока осмотрел доски и недовольно сморщил нос:

— Выбрал, называется! Одни сучки да трещины. Чему вас только учили? Вон под навесом липовые тесины лежат. Возьми пару. Чего глаза вылупил? Сделаешь табуретку — приду смотреть, как ОТК. Лет двадцать назад в городе лучше меня краснодеревщика не было!

Из досок я сделал табуретку и два стула. Обил их поролоном и дерматином, покрасил лаком. Получилось одно загляденье. Хоть на выставку.

Дядя Гриша сдержал слово — явился. Он долго придирчиво разглядывал мебель, одобрительно крякал. А вскоре в стенгазете появилась заметка под его подписью и с заголовком «Талантливые руки молодого мастера».

Сейчас я подумываю об изготовлении таким же образом серванта, письменного стола и шифоньера.

К. МАКСИМОВ.

Сержант Колондач

НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ

Когда мне случается видеть мраморные фигуры титанов, подпирающих могутными плечами один из подъездов Ленинградского Эрмитажа, невольно вспоминается сержант Колондач.

Весной 1944 года с группой пополнения я прибыл в истребительный противотанковый артполк. Нас пересчитали, переписали и рассортировали по батареям.

С юным сержантиком Федей, с которым мы за время марша на фронт успели подружиться, попали в одну батарею. Меня направили в орудийный расчет, а Федю — в отделение связистов Колондача

Кряжистый, с хитроватыми украинскими глазами на курносом лице, Колондач с насмешливым любопытством разглядывал мальчишечью фигурку своего нового подопечного.

— Ты и вправду сержант? — осведомился он на всякий случай.

— Правда! — серьезно отвечал Федя, по-петушиному вскидывая голову.

— Ха! — ухмыльнулся Колондач. Его явно забавляло, что он, проведший три года под огнем, месивший фронтовую грязь и прошедший путь от солдата до сержанта, имеет одинаковое звание с мальчишкой, который жил где-то за Уралом, военную специальность постигал в полковой школе, а войну видел только в кино да на газетных иллюстрациях.

Впрочем Федя с Колондачом быстро подружились.

— Мужик — во! — говорил мне Федя о своем командире, поднимая вверх большой палец.

Через неделю, пользуясь затишьем, санинструктор нашей батареи организовал баню. Баня на фронте — известно какая. Роют на лесной полянке яму, ставят в нее железную бочку-печку, сооружают крышу из елового лапника — и мойся на здоровье. Предбанником служит вся поляна.

Со своим орудийным расчетом я пришел мыться в тот момент, когда в баню готовились спуститься связисты. Колондач сбросил на снег свой неуклюжий полушубок, снял гимнастерку, нательную рубаху, и среди солдат, ожидавших очереди на помывку стихла болтовня. Все головы невольно повернулись к Колондачу Ни раньше, ни после мне не доводилось видеть такого классически правильно сложенного тела. Тонкая талия и широченная грудь. Грудные, плечевые и брюшные мышцы, бицепсы — все было прекрасно, наполнено молодой силой и красотой. Как будто в этот неуютный прифронтовой лес спустился сам греческий бог Аполлон. Это ощущение усиливалось еще и тем, что тело Колондача было, как у всех рыжих людей, сметанной белизны. И только голова и шея, успевшие загореть, стали красными и казались чужими.

— Тебя, Колондач, после войны надо куда-нибудь в парк или музей поставить, — крикнул кто-то из солдат. — Заместо статуи!

— Бабы ночью эту статую мигом утащат, — заметил второй остряк.

Колондач ухмыльнулся и, взяв в руку фуражку, принял позу дискометателя. По поляне прокатился говорок восхищения.

— Точь в точь, как в нашем сквере! — ахнул чей-то тенорок. — Только у нас энта фигура без головы: мальчишки отшибли.

— А здесь это немцы могут сделать, — пошутил кто-то мрачно.

А на следующий день Колондача убило. До этого он сидел вместе с Федей в землянке над телефонами, если можно назвать землянкой яму глубиной с метр. Колондач услышал свист снижающегося снаряда, пригнул Федю под себя, а сам...

На фронте существовала своеобразная этика: о смерти не говорить, ей не удивляться. Но гибель Колондача потрясла всех.

— Ребята! — обратился замполит к солдатам, — у Колондача в гимнастерке партбилет. Надо его забрать. Кто это сделает? Я не могу — хоть режьте! У всех убитых забирал документы, а у этого не могу. Для меня он навсегда будет живым.

Стоит сейчас где-то под Пушкинскими Горами на реке Великой обелиск. А на нем надпись — «Сержант Колондач».

Девятого мая в минуту молчания я всегда с болью вспоминаю этого украинского богатыря.

К. МАКСИМОВ.

РЫСЬЯ ШАПКА

— ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ —

До поселка было еще более часа ходу, и я брел в сумерках по заросшей лесной просеке. Дорога утомляла. Сегодняшняя охота была неудачной. Я расстрелял почти все патроны, но ни один косач не выронил даже перышка. Бывают же такие невезучие дни!

Сзади тащилась моя спутница по лесным скитаниям — собака Верка. Без сомнения, она тоже проклинала весь белый свет и косачей, которые почему-то никак не хотели попадать ей в лапы, как она к этому ни стремилась.

Вот с таким настроением и брели мы по вечернему лесу, коротая время воспоминаниями о треске косачиных крыльев и их изогнутых хвостах.

Внезапно собака насторожилась, а в следующее мгновение бросилась в темноту кустов. Яростный лай Верки остановил меня. Но увидеть я ничего не мог при всем желании. Пришлось залезать в кусты, мокрые от вечерней росы. Не успел сделать и несколько шагов, как две тени мелькнули на дороге и скрылись по другую ее сторону.

Через секунду собака снова залилась частым и громким лаем.

«Уж не рысь ли?» — мелькнуло в голове. Взяв ружье наизготовку, я стал осторожно подходить на голос Верки. Еще пяток шагов и...с высокого дерева срывается какая-то зверина. Через несколько мгновений, преследуемая собакой, она снова оказывается на дереве.

Поправив нож и щелкнув предохранителем, я стал осторожно пробираться вперед, намереваясь выйти к дереву с противоположной стороны. Верка топталась под деревом в сильнейшем возбуждении, призывая весь мир в свидетели, что именно она нашла лесного разбойника.

На фоне светлого облака я увидел среди верхних веток маленькие стоячие уши. Чтобы не испортить шкуру, подвожу мушку чуть ниже.

Быстрел сбросил зверя прямо в зубы Верке. Пока я пробивался к дереву, там уже все было кончено. Отведя душу, Верка стояла в стороне, взбодив шерсть и зорко следя за поверженным врагом.

Осветив фонариком измятую траву, я увидел на ней... огромного кота. Его белая с темными пятнами шкура блестела безукоризненной чистотой. Неплохо, видимо, жилось разбойнику в лесном раздолье.

Простившись с мыслью о прекрасной шкуре, мы тем же порядком побрели дальше.

Напрасно я считал, что злоключения этого дня закончились. Стоило мне заикнуться дома о встрече с лесным котом, как жена заявила, что в зверях я ровно ничего не понимаю, что это была рысь — только молодая, что из ее шкурки можно сшить чудесную шапку. Тут же потребовала моего немедленного возвращения в лес. В случае отказа мое ружье могло оказаться на дне Травянского пруда.

Только рассказ моего друга о мстительности этого хищника несколько ее охладил. Но в течение ближайших дней все подруги жены знали, какая у нее была возможность щегольнуть рысьей шапкой и как непутевый охотник лишил ее этой прелести. Ей сочувствовали, вздыхали, но я видел, что подруги довольны таким исходом. Я тоже доволен.

Ю. ПОНОМАРЕВ.

РЫЖИЙ БЕС

РАССКАЗ

ОДНАЖДЫ свой отпуск мне довелось провести в деревне. Поселился я на окраине, в чистеньком домике одинокой старушки Анфисы Ивановны. Рядом протекала речка. Благодать для рыболова!

Из живности в хозяйстве Анфисы Ивановны был только толстенный рыжий кот по имени Прошка.

Знакомство с Прошкой у нас состоялось весьма своеобразно. Перед сном, лежа в постели, я люблю почитать. Вот и на этот раз Анфиса Ивановна дала мне книжку без начала и конца. В ней рассказывалось о страшных средневековых пытках инквизиторов.

Начитавшись, я увидел себя во сне в мрачном подвале. Человек в черном балахоне приковал меня к полу цепями и, положив на грудь жернов, выведывал удобное место для рыбалки. Я задыхался от тяжести жернова, я говорил, что еще сам не успел найти этого места. Завтра вот пойду на речку с удочкой, обследую... Но инквизитор был неумолим:

— Где хорошо клюют окуни и ерши? Отвечай!

Закричав, я проснулся. В приоткрытое окно гляделось утро, стекла запотели. А на моей груди, свернувшись клубком, спал здоровенный котище. Вот он, жернов-то! Брысь!

Анфиса Ивановна уверяла, что ее Прошка самый умный из всех котов деревни. Не знаю, как насчет ума, но хитрости у Прошки было предостаточно. Купил я в буфете на станции сосисок. Иду в деревню и мечтаю, как их отварю. Сосиски распухнут, аппетитно запахнут.

Дома положил сосиски на табуретку и принялся разуваться. Разулся, шагнул к табуретке, а сосисок и след простыл. Одна бумажка валяется. Прошка стянул!

Ну, погоди, рыжий бес! Закрыл я поплотнее окна и двери, загородил табуреткой подпечек и бросился ловить кота.

У Анфисы Ивановны посреди избы—русская печь, мебели почти никакой, так что коту некуда спрятаться. Несется Прошка с сосисками вокруг печки, за ним по пятам лечу я.

— Отдай, паразит, сосиски! — кричу.—Все равно догоню! У меня первый разряд по бегу.

Сделали мы вокруг печки семнадцать кругов, и вдруг Прошка исчез. Точно сквозь пол провалился. Пошел я шагом вокруг печки, внимательно рассматриваю предметы и замечаю на лавке вывороченный старый полушубок Анфисы Ивановны, а на нем, уткнув морду в мех, притаился Прошка. Конечно, воображает, что его никто не видит.

Обычно кот аккуратно ожидал меня с рыбалки за околицей и, подхалимски мурлыча и путаясь в ногах, шел со мной, не сводя сверкающего взора с пластмассового прозрачного бидона, где плавали рыбы.

Как-то ранним утром отправился я на облюбованное место, хотел на завтрак уху сварить—с луком и перцем, с лавровым листом.

Закинул удочки и тотчас вытащил пескаря, затем попался ерш, потом—снова пескарь. Наживив крючки, я решил оценить улов, притянул бидон к себе и—что за чертовщина! — в нем одна вода. Неужели рыбы выпрыгнули?

Вновь клюнуло. Роскошный окунь бережно снят с крючка и опущен в бидон.

Закинув удочки, оборачиваюсь, чтобы полюбоваться речным красавцем, и вижу в бидоне рыжую Прошкину лапу. Миг, и окунь в когтях у кота. Ах, тунеядец! Я выуживаю рыбу из реки, а Прошка—из бидона. Он так ловко пристроился у меня за спиной, что я его не замечаю.

Прогнал рыжего лежебоку. Прошка уселся на пенек, довольно облизывается — хорошо позавтракал! А у меня рыба клевать перестала. Словно отрубило! Вот тебе и уха с луком, перцем, лавровым листом.

За день до отъезда один деревенский мальчик, с которым я подружился, подарил чучело синицы. Вместо глаз сверкали бусинки, птичка была прикреплена к ветке и выглядела, как живая. Я повесил чучело над койкой и, глядя на него, представил, сколько восторгов услышу дома от родных и знакомых.

Но радость оказалась короткой. Возвращаясь из магазина, слышу в избе слезные причитания Анфисы Ивановны.

— Нет у тебя, Прошка, ни стыда, ни совести! Что ты натворил!?

Посреди избы сидит Прошка, перед ним кучка перышек от синицы, усы и лапы в вате, а на морде—величайшее удивление: что это за новая порода птиц объявилась—без мяса?

Заметив меня, кот проворно шмыгнул за окно.

Покидая двор Анфисы Ивановны, я отыскал глазами на крыше кота, погрозил ему кулаком.

— Будущим летом я из тебя чучело сделаю, рыжий бес.

Прошка плотно прижмурил глаза, всем видом показывая, что мои слова к нему не имеют никакого отношения.

К. МАКСИМОВ.

Лесной гость

ТРЕЩАЛИ морозы. Владимир Чудинов спешил по своей старой лыжне к избушке, которая затерялась возле глухого лесного ручья. Но что это? На лыжне чей-то крупный запорошенный снегом след. Присмотрелся охотник и похолодел: след медвежий, и шел он к избушке.

В. Чудинов осторожно двинулся по следу и обнаружил, что медведь потоптался перед дверью, а потом забрался на крышу, сбросил железную трубу и, вытащив из снега спрятанное для собаки мясо, удалился.

Охотник пошел по следу дальше. Рядом с избушкой на густой елке у него в целлофановом мешке висела соленая рыба. Медведь забрал и рыбу. Потом отошел метров на триста, разгреб до земли снег, улегся и пообедал. След исчез в глухом распадке.

Охотник не стал преследовать медведя, вернулся в избушку. Видимо, Топтыгина выжили из берлоги лесозаготовители, вот он и напал на тропу охотника. Если снова не заляжет в берлогу, то станет шатуном. А это опасный хищник.

Несколько дней спустя В. Чудинов обошел распадок на лыжах. Выходного следа медведя не обнаружил. «Значит, залег на спячку», — обрадованно подумал охотник. Пусть лежит до весны, лес без хозяина—это уже не лес.

Н. ПОРОХОВ.

Второй этаж. Хирургическое отделение. В операционной со-

слушательница народного университета журналистики.

ВНУКИ

РАССКАЗ

ИВАН Тимофеевич лежал на диване, задрав ноги в шерстяных носках на валик, и читал свежий журнал «Здоровье». Из его страниц выпало письмо от дочери. Старик поднял, вскрыл.

— Старуха! — крикнул он жене, вязавшей на кухне варежки.— Зойка с мужем в Сочи собирается, просит разрешения привезти к нам Петюшку с Гришуткой. Как смотришь на это дело?

— Господи, какой может быть разговор! — высунула из-за перегородки оживленное лицо жена.— Сегодня же отбей телеграмму. Пусть везут!

Вскоре в доме Ивана Тимофеевича появились внуки. Это были семилетние мальчуганы, очень развитые, как все близнецы, похожие друг на друга и дружные.

— Дедуля, — спросил Петюшка за вечерним чаем, — а если на носик чайника, когда он кипит, надеть воздушный шарик, он полетит?

— Что? Чайник или шарик? — потребовал точности Иван Тимофеевич. У Петюшки загорелись глаза.

— И шарик, и чайник!

— Гм. Не пробовал. Может, и полетят. Ты не капай варенье на рубаху, а то мухи нападут.

Час спустя, когда Иван Тимофеевич налаживал в сенях удочки для рыбалки, послышались грохот и звон. Вбежав на кухню, он увидел на полу осколки фарфорового чайника, сморщенный шарик и дымящуюся лужу воды, а рядом стояли Петюшка с Гришуткой и виновато улыбались.

— Бесенята! — ворчала Мария Ивановна, супруга Ивана Тимофеевича. — Какой чайник угробили!

— У него, бабуля, на боку была трещина, — успокаивал Марию Ивановну Гришутка.

— И кончик носика отбит, — добавил Петюшка.

— Так он же дареный! На свадьбу мне его мамаша-похойница презентовала!

— Не расстраивайся, Маша, — уговаривал жену Иван Тимофеевич, выпроваживая из кухни внуков. — Чайник действительно старый. Должен же он когда-то разбиться.

После обеда, едва Иван Тимофеевич улегся на свой диван, чтобы вздремнуть, и даже закрыл глаза, как дикий вопль подбросил его на пружинах. За окном на черном парашюте спускался кот Семка, сброшенный, по-видимому, с крыши дома. Кот орал густым басом, и сучил в воздухе лапами, видимо, удивлялся необычности своего положения. Приземлившись, он рванулся к забору. С подоконника, задетые стропами, полетели горшки с цветами.

Иван Тимофеевич похолодел: в парашюте он узнал свой зонт, который ему подарили сослуживцы по случаю пятидесятилетия.

— Отвечайте, негодные мальчишки, кому принадлежит идея переделки зонта в парашют? — строго допрашивал Иван Тимофеевич внуков, поставив их перед собой. В ответ — молчание.

— Вот ты мальчик... Тебя как звать?

— Гриша.

— Скажи, Гришка, это ты оторвал от спиц полотно зонта?

Гришутка отрицательно замотал головой.

— Значит ты, Петька?

Петюшка тоже замотал головой.

— Ну чего ты, старый, привязался к ребятам! — вступилась за внуков бабушка. — Этот зонт, почитай, уже лет десять валялся на чердаке. Одна из спиц у него сломана. Да и не в моде сейчас зонты. Люди в дождь плащи носят.

— Понимаешь ли ты, что он да-ре-ный!

А в один прекрасный день во дворе стариков раздался взрыв. Выбежавшие Иван Тимофеевич и Мария Ивановна увидели на земле дымящуюся самоварную трубу, пахло порохом. Гришка с Петькой стояли на коленях и протирали черными от копоти руками глаза.

Мария Ивановна в страхе охнула, но, убедившись, что внуки невредимы, отпустила им по шлепку ниже спины, а Иван Тимофеевич повел братьев в дом и расставил по углам.

— Будете стоять у меня целый час. Ясно?

Затем старик ринулся в чулан, где у него на полке хранились охотничьи боеприпасы. Увы, пороху явно поубавилось.

— Что вы задумали, негодные мальчишки? — грозно обратился Иван Тимофеевич к внукам. — Отвечайте сию же минуту!

— Миномет, дедуля! — послышалось из углов.

Вечером, когда Гришутка с Петюшкой спали, Мария Ивановна сказала супругу:

— Вот что, старик. Они нас с ума сведут. Занялся бы ты с ними. На рыбалку бы сходил, книжку почитал.

— Это идея! — согласился Иван Тимофеевич.

Следующий день выдался дождливым. Иван Тимофеевич, взяв из шкафа томик Пушкина со сказками, усадил рядом с собой ребят и раскрыл книгу. Когда-то далекими зимними вечерами он читал эти сказки своим детям. За стеной дома потрескивал мороз, потрескивали поленья в подтопке, над столом уютно светила лампа под оранжевым абажуром и звучали волшебные строки:

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет...

«Сказка о царе Салтане» пользовалась большой популярностью. Но вот чтение доходило до места, где царедворцы сажали в бочку царицу с сыном, и младшая дочь—мать Гришутки и Петюшки — заливалась слезами.

Внуки реветь не собирались.

— Дедушка, — осведомился Гришутка, — а как же бочка не потонула?

— Гм. Да потому что она была закупорена. Ты слушай, не мешай.

— Но ведь в ней был груз — люди.

Иван Тимофеевич цыкнул на ребят, и чтение продолжалось.

Превращение Гвидона в комара было встречено скептическими улыбками. «Так не бывает» — дружно объявили братья. Ивану Тимофеевичу пришлось втолковывать внукам, что это сказка. А затем разъяснять, что такое сказка.

Очередь дошла до тридцати трех богатырей, которые во главе с дядькой Черномором появились из вод морских. Последовал вопрос Петюшки:

— Дедуля, а чем они под водой дышали?

Иван Тимофеевич в досаде нахмурил брови, но его выручил Гришутка:

— У них были акваланги.

— Дедушка, а в баллонах акваланга воздух сжатый или жидкий? — не отставал Петька.

— Вот что, парни. Солнце вон проглянуло. Пошли-ка лучше рыбалить! — объявил Иван Тимофеевич и захлопнул книжку.

Ребята умчались во двор, а Иван Тимофеевич принялся копаться в энциклопедии. «Какой же все-таки воздух в баллонах акваланга?» Но выяснить этот вопрос помешал стук в окно и голос соседки:

— Тимофеевич! Там твои мальчишки зачем-то кадушку к речке покатили.

За месяц пребывания внуков Иван Тимофеевич заметно похудел. В его походке появилась прыть, исчезла одышка. Он узнал много любопытного. Ему стало известно, на каком топливе летают реактивные самолеты, мог объяснить принцип действия локатора, провести беседу о лазерах...

После отъезда Петьки и Гришки он несколько дней блаженствовал на своем диване, наслаждаясь тишиной и покоем, читал журнал «Техника—молодежи».

Но однажды, решительно спустив ноги с дивана, крикнул жене:

— Старуха! Напиши-ка Николаю, что если в отпуск пойдет, то пусть к нам привозит Соньку, Андрюху и Леньку.

К. МАКСИМОВ.

ПИШИТЕ. 618960. | ПРОШИТЕ Редактору — 0-78 зам. редакт

ЭТО БЕЗОБРАЗИЕ!

Юмористический рассказ

По объявлению «Горсправки» я обменял комнату. Комната была чудесной—в новом доме, на втором этаже солнечная и с балконом. Что заставило ее прежнего владельца польститься на мою северную комнату, расположенную внизу? Отвращенный недобрым подозрением, я спросил прямо:

— Вам, вероятно, не повезло с соседом. Наверно, пьяница и скандалист.

—Как раз наоборот, — последовал ответ, — очень уж любит порядок.

— Так это чудесно! Я сам люблю порядок и тишину.

С соседом я познакомился на следующий же день после переезда. Это был человек средних лет, интеллигентного вида и в круглых очках. Его голову покрывал нежный гусиный пушок, который очень хотелось пощипать.

— Порфирий Петрович! — отрекомендовался сосед и галантно пожал руку. — Надеюсь, что будем с вами жить в обстановке взаимопонимания.

Пару дней спустя, когда я был очень занят, ко мне в дверь требовательно и резко постучали.

— Выйдите, пожалуйста, на балкон и полюбуйтесь, что делается рядом с вами! — многозначительно изрек Порфирий Петрович. — Это же безобразие!

Мне было страшно некогда, и я решил отделаться шуткой.

— Вероятно, горлопанистой самке дерева корнями к небу?

Но Порфирий Петрович не собирался шутить. Он вцепился в мой рукав и потянул к балконной двери.

— Нет, вы выйдите и полюбуйтесь!

На соседнем балконе молодая женщина, повесив ковер на перилку, чистила его щеткой.

— Да, не совсем ладно, — согласился я. — Буквально над головами прохожих. Могла бы спуститься во двор со своим ковром.

— В том то и дело! — обрадованно заговорил Порфирий Петрович. — А ведь она учительница! С высшим образованием. Институт закончила.

— Абсолютно согласен. Но что вы от меня хотите?

Порфирий Петрович всплеснул руками.

—Вы меня удивляете своим равнодушием! А еще интеллигентный человек. Ведь она учительница! Член общества «Знание», выступает с лекцией «За культурный быт». Я не педагог, но и то понимаю, что взрослый человек должен воспитывать детей не только словами, но и своим поведением, личным примером. Ежедневно, ежечасно, ежеминутно! Об этом очень хорошо сказано у Макаренко, временно известного педагога. Погодите, как это у него? Минуточку...

— Простите, Порфирий Петрович, я вас прерву. Но за это время, пока мы с вами занимаемся демагогией, успели бы постучать в квартиру к этой неряхе и выложить то, что сейчас сказали мне.

— Я? Извините, но вы, я вижу, юморист! Вы только представьте: человек, имеющий за плечами семилетку, идет к человеку с высшим образованием. Я подчеркиваю — с высшим! Причем к учительнице, инженеру, так сказать, человеческих душ и почвает ее, что выбивать пыль из ковра на балконе нехорошо! Да это же не только куры будут смеяться, но цыплята!

Я почувствовал страстное желание выщипать с головы Порфирия Петровича гусиный пух.

— Хорошо. Я сам пойду сейчас к этой женщине. Вы довольны?

Порфирий Петрович посмотрел на меня сквозь очки, как на неизлечимого больного.

— Как вижу, вы ничего не поняли! Ни-че-го! И недалеко ушли от этой учительницы!

—Что я должен понять? Что-о-о? Скажите на милость!

— Я хочу, чтобы вы поняли, что эта женщина не понимает того, чего хорошо понимают другие люди!

— Простите, Порфирий Петрович, я давно уже понял, что эта женщина не понимает того, чего понимают другие люди! Вам понятно?

Порфирий Петрович открыл рот, чтобы еще что-то сказать, но я сорвался с места, вылетел на лестничную площадку и держал палец на кнопке звонка до тех пор, пока в дверях не появилось испуганное лицо учительницы.

— Простите, Вы давно живете в этом доме?

— Месяц. А какое вам, собственно, дело?

— А такое, что под вами проживает член исполкома горсовета. Когда вы чистили на балконе половик, он составил акт на привлечение вас к административной ответственности.

Ковер с балкона мгновенно исчез.

Как-то, возвращаясь с работы, возле подъезда дома я увидел Порфирия Петровича. Его непокрытая голова с пушком походила на одуванчик. Порфирий Петрович со строгим видом что-то совершал в сквере. Я попытался было прошмыгнуть мимо, увы, он меня тотчас заметил и энергично поманил пальцем.

— Полюбуйтесь на это безобразие! Какой пример в навычках для подрастающего поколения!

(Окончание на 4 стр.).

ЭТО БЕЗОБРАЗИЕ!

(Окончание. Начало на 3 стр.)

В сквере под грибком два парня трудились над опустошением бутылки.

— Греби отсюда, отец, пока по кумполу не получил, — лениво посоветовал один из типов на мое замечание, а второй выпустил мне в лицо клуб папиросного дыма.

— Видите гражданина в очках? — спросил я, указывая глазами на Порфирия Петровича. — Это переодетый майор милиции. Между прочим, мастер спорта по самбо.

Кутилы мгновенно испарились.

— Что вы им сказали? — подозрительно поинтересовался мой сосед, как только я поравнялся с ним.

— Что и требовалось!

— Меня удивляет ваше стремление вмешиваться во всякие истории. А вы учтите, что эти двое парней потом не подстерегут вас где-нибудь в темном переулке?

Ночью я был разбужен уже знакомым стуком в дверь. Я натянул на голову одеяло и нырнул под подушку. Я даже не дышал. Но Порфирий Петрович настойчиво и терпеливо тряс меня за плечо.

— Проснитесь и послушайте, что происходит внизу. Это безобразие творится у Пенкиных регулярно два раза в месяц во время выдачи зарплаты. Пьяница Пенкин ломает мебель, выгоняет из квартиры жену и детей. И когда это только наше общество избавится от подобных людей? Когда мы только их перевоспитаем?

Я рванулся к выходу, но Порфирий Петрович вцепился в полу моей пижамы.

— Не делайте глупость! Не вмешивайтесь в чужую жизнь. Не наживайте себе врагов. Вы, я вижу, большой любитель склок и скандалов. Уверяю вас, что Пенкин помирится с супругой, а вы останетесь в дураках.

Вырвавшись, я сбежал вниз. Из квартиры Пенкиных вывалился стул, хряпнулся пылесос, осколками серебряных брызг разлетелось зеркало. На пороге появилась лохматая личность в майке.

— Не могли бы вы побольше шума сделать? — спросил я.

Личность выпустила длинное непечатное предложение.

— Повторите фразу погромче. А то мой сосед, бывший следователь прокуратуры, который в настоящий момент записывает на магнитофонную ленту каждое ваше слово, сокрушается на слабость звука.

Личность несколько секунд смотрела на меня, пережевывая проспиртованными мозгами услышанное, потом грохнула дверью. Установилась могильная тишина.

На днях узнаю: квартиросъемщики единодушно избрали Порфирия Петровича председателем домового комитета, а меня — его заместителем.

К. МАКСИМОВ.

ДОЛГО НЕ СТИХАЛО ВЕСЕЛЬЕ

— Стой. Ни с места!

ИСКРА 2 стр. 23 февраля 1974 г.

Рассказ *К. Максимов*

МУДРЕЦ

ОН ПРИХОДИЛ рано утром, когда медсестры еще не начинали разносить по палатам градусники. Его тонкий пронзительный голосок проникал сквозь двойные рамы и раздражал сонный мозг, как писк комара.

— Теселкин! Теселкин! Сержант Теселкин!

Первым не выдерживал контуженный капитан из офицерской палаты, что прямо над нашей головой. Слышался стук костыля, звенькало стекло распахиваемого окна и гремел командирский бас:

— Ты чего, лешак, опять приперся в такую рань? Сам не спишь и людям не даешь. Сматывайся сейчас же, пока я не вышел.

С минуту царила тишина. А затем опять:

— Теселкин, пойдем в баню! Теселкин!

По коридору шелестели шаги дежурной медсестры, где-то далеко хлопала дверь, за окном трещал сухой репейник и грудной девичий голос обещал:

— Я вот тебе, чертенку, уши обрежу, если догоню! Зачем раненых тревожишь? Уходи!

Уши, по-видимому, оставались на месте, так как их владелец через некоторое время принимался за старое:

— Теселкин! Сержант Теселкин! Идем в баню!

Наша палата с ворчаньем просыпается. Ефрейтор Кузьмин усаживается на койку, крякает и набрасывается на своего соседа Теселкина:

— Витька, тебе сколько раз было говорено, чтобы этот пират в такую рань не являлся!

— Я его предупреждал. Не слушается, — глухо доносится из-под одеяла.

— «Не слушается»! — негодует Кузьмин, ловко сворачивая единственной рукой цигарку. — Крапивой бы твоего мудреца. Знаешь ли, какой сон у меня порушился? Будто приезжаю домой, а жена меня обнимает, как в первые дни женитьбы...

Из-под одеяла показываются головы. Теселкин рывком поднимается и, распахнув раму, взгромождается на подоконник.

В палату вплывает свежесть августовского утра с запахами хлебов, отцветающей картошки и полыни. Наш госпиталь стоит на холме. Внизу дымит трубой кирпичный заводик, бугрятся серые домишки рабочего поселка.

Виновник нашего внеурочного пробуждения сидит в зарослях репейника, как солдат среди колючего ограждения. Это семилетний мальчуган Вовка. Вовка сам похож на репейник. У него давно не стриженая голова на тонкой шее и такое худенькое тело, что, по выражению того же Кузьмина, вполне годится в качестве живого экспоната для изучения скелета.

Увидев в окне своего Теселкина, Вовка покидает репейник. Царапанье, легкое пыхтенье, и вот мальчуган рядом с сержантом.

— Я веник наломал. Идем в баню, Теселкин.

— Это неплохо, что наломал веник, — соглашается Теселкин, закуривая. — Но я тебя, мудреца, сколько раз предупреждал, чтобы не приползал в такую рань. Чего не спится?

Вовка поглядывает своими черными глазами на сержанта, шмыгает носом. У Вовки отца убили под Сталинградом. Кроме его, Вовки, у матери — работницы кирпичного заводика — еще трое таких же гавриков.

(Окончание на 4 стр.).

МУДРЕЦ

(Окончание. Начало на 2 стр.)

Теселкина, прославленного фронтового разведчика, жестоко изувечила мина. Левая его нога стала короче на пять сантиметров и не имела коленного сустава, а поясница была исхлестана осколками. В нечастные дни Теселкин корчился от сверляших болей и единственным спасением от них считал парилку.

В госпитали нас мыли раз в декаду в полухолодной ванне, и Теселкин ходил в поселковую общественную баню. Вовка подносил Теселкину воду, усердно хлестал веником. В баню они ходили чуть не ежедневно.

— А что у вас было на ужин? — интересовался Вовка.

— Что тебя все время «заботит еда? — добродушно удивлялся Теселкин. — Нет, чтобы в первую очередь спросить, какую сводку вчера передавало Совинформбюро. Мудрец ты, Вовка!

Сержант тушил о подоконник окурок, швырял его за окно, дотянувшись до своей тумбочки, доставал ломтик хлеба с кубиком сахару.

Возвращались из бани приятели в обед. Теселкин красный, очень довольный, а Вовка все такой же чумазый.

— Гляди-ка ты! — поражался сержант, когда раненые обращали его внимание на это обстоятельство. — Ведь собственноручно мыл поросенка! Когда ты успел измазаться?

Вовка помалкивает. Сидит у Теселкина на койке, косит глазом на тумбочку, где под салфеткой топоршатся тарелки с остывшим обедом.

Суп сержант съедает сам, второе делится поровну с Вовкой, зато стакан с компотом целиком идет в распоряжение мальчугана.

— Маловато, — вздыхает Теселкин, наблюдая, как Вовка облизывает ложку. — Ничего, парень, после войны отъешь брюхо.

В один из августовских прохладных дней, собираясь в баню, Теселкин посетовал, что уже холодно становится ходить в одном белье и халате.

На следующее утро за окном чуть свет послышался комариный Вовкин голос:

— Теселкин, я тебе штаны принес. Вставай, Теселкин!

Вовке тотчас открыли окно. Сержант, похваливая и восторгаясь Вовкиной сметливостью, начал примерку брюк.

— Чьи такие штаны?

— Ночью снял с забора у соседки тети Клавы, — выпалил Вовка и даже приосанился, ожидая похвалы.

— Та-а-к! — ласково пропел Теселкин, снимая брюки. — Значит, прославленный разведчик фронта, кавалер пяти боевых орденов сержант Теселкин будет носить краденые штаны? А ну пошел отсюда! Вор!

Вовку, как ветром сдуло с подоконника. Вслед ему, трепыхая штанинами, вылетели брюки. Теселкин с треском захлопнул раму, крикнув напоследок:

— Чтобы духу твоего я больше не чуял! Ах, мудрец!

Мы решили, что он больше не появится. Но ошиблись. Буквально на следующее утро послышалось:

— Теселкин! Я отнес брюки тете Клаве! Теселкин!

Теселкин даже не открыл глаза. Однако Вовка был упорен.

— Теселкин! Идем в баню!

На Вовку сверху цыкнул капитанский бас, а дежурная медсестра посулила отрезать не только уши, но и вздернутый нос. Мальчуган не уходил.

После завтрака и врачебного обхода сержант открыл створку окна и закурил. В проеме рамы вмиг появилась Вовкина лохматая голова.

— Теселкин, я же отнес штаны обратно к тете Клаве. Идем в баню. — Мальчуган чуть не плакал.

— С ворами не знаюсь!

— Я не украл, а просто взял. Потом бы обратно их повесил.

Палата грохнула хохотом. Вовка насупился и медленно сполз с подоконника.

Два дня он не приходил и, откровенно говоря, мы соскучились по мальчугану. Считали, что Теселкин слишком строг к малышу. Сержант отмалчивался. Но мы заметили, что в бумажный кулечек он от своей порции продолжает отделять сахар.

Он явился на третье утро. Нет, Вовка не звал Теселкина. И мы увидели его лохматую голову среди шишек бурьяна уже после врачебного обхода. На улице дул холодный ветер, неслись низкие тучи. Вовка на этот раз был в залатанной курточке и с красными, как у гуся, замерзшими лапами.

Теселкин распахнул раму.

— Ну иди сюда, мудрец. Чего там мерзнешь?

Вовка не торопясь, с достоинством вскарабкался на окно, буркнул:

— Идем в баню! Уже пять дней прошло.

— Без тебя дорогу знаю.

— Никто не поможет.

— Свет не без добрых людей.

— Идем! — настаивал Вовка, ковыряя босую пятку. — А сахару твоего мне больше не надо!

— Вот мудрец! — поразился Теселкин. — Сбондил штаны, да еще на упреки дуется! Право, мудрец!

Подумав, Теселкин начал собираться. Вернулись они из бани часа через два. Сержант раздобыл кипятку, ссыпал туда все содержимое кулька, протянул Вовке:

— Пей!

— Не буду!—заупрямился мальчуган.

—Я тебе дам «не буду»! Еще куражится! Вот как тресну по затылку! Мудрец!

Они сидели рядом на койке. Вовка с плохо сдерживаемым наслаждением тянул чай, а Теселкин курил. В глазах обоих светилась тщательно скрываемая, как и полагается мужчинам, нежность друг к другу.

Следую совету

ВСЕ началось с того, что я прочел в одной газете доброжелательную статью кандидата медицинских наук о режиме питания для людей пожилого возраста. Ученый советовал поменьше есть мяса, особенно свиного сала. Он убедительно доказывал, что из-за мяса, яиц, копченостей, к которым я был так неравнодушен, в кровеносных сосудах постепенно просвет сужается, что, в свою очередь, ведет к различным сердечно - сосудистым заболеваниям.

«Черт подери! — в смятении размышлял я. — Значит, скоро кровь во мне остановится. Ей некуда будет течь».

И я решил одним ударом покончить с источниками скрытой болезни — перестал употреблять мясо и сало, перешел на крупяную и молочно-овощную диету. Действительно, вскоре почувствовал удивительную легкость в теле.

Гуляя по улице и наблюдая, как люди тащат из магазинов сумки со свининой и говядиной, я с сожалением думал: «Самоубийцы!».

Одного гражданина с архитектурными излишествами вокруг талии, несущего окорок, я даже попытался спасти:

— Несчастный! — крикнул я. — Неужели тебе надоела жизнь? Отнеси обратно в магазин эту свиную ногу и купи квашеной капусты и перловки.

Гражданин посоветовал мне проспаться.

Спустя некоторое время я прослушал по телевизору беседу врача, который высказал мнение, что мучные и крупяные блюда способствуют у человека отложению жира. Особенно вредно для людей моего возраста увлекаться пирожными и тортами.

«Господи! — подумал я. — Почему этот доктор не выступил пораньше со своей беседой».

И я начисто отказался от каш, шанег, пирогов и булок. В моем меню остались только молочно-овощные блюда.

Но вскоре пришлось расстаться и с ними. Случилось это после того, как услышал по радио выступление академика на тему «Еда — враг человека». Академик говорил, что хотя молоко и овощи до некоторой степени полезны, но содержащиеся в них различные соли оседают вредоносным шлаком в человеческом организме.

Я перешел на один чай.

Неделю спустя, ознакомившись в журнале со статьей терапевта, я расстался и с чаем. Терапевт очень популярно разъяснил, что чрезмерное потребление жидкостей ведет к водянке и диабету.

С того момента жизнь моя потекла без забот и волнений. Я лежал на кушетке, глядел в потолок и радовался, что не надо идти за продуктами, варить обеды, мыть посуду...

Однажды утром в дверь постучали и на пороге появилась пятиклассница Леночка с подружкой.

— Дядя Петя, — сказала моя соседка. — У нас завтра урок зоологии. Не смогли бы вы присутствовать на нем в качестве экспоната? Мы изучаем скелет человека. Вас сами унесем и принесем.

— Дорогие мои девчушки!— умилился я. — С удовольствием выполню вашу просьбу. Но прежде достаньте мне из почтового ящика газеты и журналы. Я уже давно не вытаскивал их.

Я подозревал, что найду в них очередную статью на медицинскую тему. Я даже угадывал ее содержание. Это, наверно, статья о вреде воздуха. Там, наверно, говорится, что кроме нужного для организма кислорода, воздух содержит окись углерода, пыль и прочие вредные примеси. И я готовился не дышать.

Когда почта была принесена и я развернул одну из газет, то в глаза бросилась статья профессора под заголовком «Все полезно, что в рот полезло». Профессор, опираясь на последние достижения науки, опровергал все прошлые теории и настоятельно советовал есть мясо и сало. А в журнале доктор медицинских наук рекомендовал потреблять каши и овощи. В еженедельнике я прочел статью, что сахар полезен во всяком возрасте, а чай придает организму бодрость и долголетие.

— Девчонки! — воскликнул я. — Забирайте мои сумки и марш за мясом, рыбой, овощами, пирожным, тортом и салом!

К. МАКСИМОВ.

НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ

ЛЕНЧИК

СУББОТНЕЕ утро. Общая кухня коммунальной квартиры. Домохозяйки Мария Сергеевна и Надежда Петровна месят тесто и беседуют.

В прихожей сын Марии Сергеевны Вовка, собираясь в школу, наводит глянец на ботинки. Макнет в гуталиновую баночку старую зубную щетку, проведет ею по башмаку, а потом — щеткой - щеткой, а затем еще суконкой. Сияют ботинки!

За превращением тусклых ботинок в сверкающие наблюдает двухлетний Ленчик, сын Надежды Петровны. Он в белых валенках, заложив ручонки за спину, стоит и сосредоточенно следит за действиями Вовки. Нижняя губка слегка оттопырена, в карих глазах серьезность. Вовка склонит голову набок, любуется своей работой, и Ленчик склоняет голову набок, тоже любуется.

Приведя обувь в порядок, Вовка швырнул гуталин со щеткой под скамейку и умчался.

— Вы знаете, — сказала Надежда Петровна, — у меня мама делала великолепный хворост по какому-то особому рецепту. Жаль, что я его не запомнила.

— Моя мама пекла чудесное печенье, — вздохнула Мария Сергеевна. — Оно буквально таяло во рту. И тоже не знаю, как она его стряпала. Жаль!

Женщины на минуту замолкли, меся тесто.

— Послушайте, что-то в квартире у нас подозрительно тихо. Вовка в школу ушел. Я слышала, как дверь хлопнула,—заметила Мария Сергеевна. — Ваш Ленчик спит?

— Давно встал, — сказала Надежда Петровна. — Чем же он, интересно, занят? Спички у меня все здесь. Ключ от книжного шкафа спрятан. Отцовские молотки, стамески и гвозди под замком. Любопытно...

Обеспокоенная, женщина побежала в комнату, заглянула в ванну, затем — в прихожую и ахнула: ее Ленчик походил на негра. Вооружившись щеткой и высунув от усердия язык, он старательно начищал свои белые валенки гуталином, добиваясь глянца.

* * *

СТАРЫЙ «ЗАПОРОЖЕЦ»

СТАРЫЙ «Запорожец» инвалида войны дяди Пети являлся предметом самого пристального внимания граждан мужского пола от двух до семи лет. Дядя Петя, выкатив автомобиль из сварного гаража, разложит на тряпках ключи и отвертки. А мальчишки стоят стеной, галдят и спорят, обсуждая назначение каждого инструмента. Дядя Петя пробовал отгонять ребят — не помогло.

И вдруг галдеж возле гаража прекратился. В чем дело?

Или дядю Петю кто-то надоумил или он сам догадался, но только увидел я его сидящим на чурбаке перед открытым капотом. Дядя Петя покрикивал:

— Витя, подай ключ на «11», Вася, тащи торцовый на «14». Андрюша,—масленку! Сережа, подай-ка тряпку.

Мальчишки со всех ног бросались к гаражу, приносили требуемое. Работа кипела.

В награду за услуги по текущему ремонту транспорта дядя Петя нагружает своими помощниками полный кузов «Запорожца» и везет ребят вокруг дома. Иногда автомобиль в дороге ломается и тогда объединенными усилиями с гиком и веселым шумом его толкают до гаража. И вновь начинается ремонт.

Дядя Петя и ребята чрезвычайно довольны друг другом. Недовольство выражали только матери ребят: теперь по вечерам им приходилось отмывать сыновей не только от грязи, но от автола и нигрола. В конце концов они примирились, резонно рассудив, что у занятых мальчишек не останется времени на озорство, на лазанье по деревьям, беганья по улице, где мчатся автомашины и мотоциклы, со всеми вытекающими возможными последствиями.

К. МАКСИМОВ.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

В ДЕНЬ 30-летия разгрома фашистской Германии колонны лысьвенцев направятся на городское кладбище. Там, у подножия скульптуры советского воина, лежат те, кто не дожил до светлого Дня Победы. Печально запоют трубы оркестров, на могилы лягут венки. Так было каждый год, так будет всегда: благодарные потомки свято чтут память тех, кто своей жизнью заплатил за их счастье.

В военные годы был лозунг: «Все для фронта, все для победы!». И наши солдаты получали в первую очередь и питание, и одежду, и медикаменты. Но обстановка на фронте часто складывалась так, что приходилось сутками мерзнуть на снегу, мокнуть в болотах, голодать, а тут еще ранение. И далеко не всякий человеческий организм выдерживал. Терялась сопротивляемость, и боец погибал, уже будучи в глубоком тылу. И врачи не всегда могли спасти человека. Они еще не имели в своем арсенале такого мощного средства, как пенициллин. Это чудодейственное лекарство появилось только в конце войны.

Автору этих строк довелось видеть живыми некоторых воинов, что лежат в братской могиле.

Вот младший сержант Г. Горбов. Это был плечистый, черноволосый и веселый человек. Он был ранен в ногу. Несут, бывало, медсестры Горбова на носилках, он сидит да еще шутливо подгоняет. Те возмущаются.

— Вот встану на ноги, так я вас, милушек моих, обеих посажу себе на загривок и бегом по коридору.

Не пришлось Горбову встать. Осень 1944 года была сухой и ясной, но все же прохладной. Младший сержант частенько сиживал в палате у открытого окна и простудился до гнойного плеврита. Врачам его спасти не удалось.

Старшина С. Журавлев. Лежали мы с ним в одной палате. Это был с кудрявыми белокурыми волосами юноша, раненый в бедро и потому закованный в гипс до пояса. Медсестры — это были преимущественно девчата 20—25 лет — заглядывались на красивого парня.

Журавлева мучали приступы боли, но он находил в себе мужество шутить. Принесут Журавлева из перевязочной, он постонет, помолчит и вдруг «выдаст» какой-нибудь анекдот, да так, что все за животы хватаются.

И вдруг у Журавлева началось заражение. Ногу ампутировали. Не помогло. Когда его выносили из палаты, то вместе с ним из тумбочки старшая сестра отделения унесла несколько коробочек с боевыми орденами.

Хоронили умерших воинов, понятно, не в одном месте: ведь смерть не объявляет о своем приходе. Но какое это имеет значение? Важна память людская. А она, судя по любовно оборудованной братской могиле к 30-летию Победы, будет вечной.

К. МАКСИМОВ.

Юмористический рассказ

АВТОТУРИСТ

ИТАК, я купил автомобиль «Москвич». Салатного цвета. Сверкающий никелированными частями, он вызвал бурный восторг всего семейства Жена, сын и дочь, даже теща нежно гладили его лакированные бока и вслух выражали сокровенные желания.

— Знаешь, папа, как только отпустят нас на каникулы, так махнем в Прибалтику, — говорила дочь Лена, мечтательно прищуривая глаза. — Представляешь: Рижское взморье, дюны, гудящие под ветром сосны...

— Чепуха! В Прибалтике капризная погода! — прервала ее супруга. — Только на юг! Черное море, пальмы, виноград...

— Я бы предпочел, отец, Карпаты, — заявил сын.—Горные кручи, поросшие буком, бурные речки, форель.

— Волгу-матушку я ни на что не променяю! — воскликнула теща. — Только туда!

— За полтора месяца мы объедем все,— успокоил я своих домочадцев, потрясая атласом автомобильных дорог СССР. — Прибалтику, Волгу, Карпаты и Крым. Давайте лучше готовиться к путешествию. Расспрашивайте всех знакомых, кто совершал автомобильные круизы. Их опыт мы обобщим, осмыслим и возьмем на вооружение, чтобы никакие неожиданности не застали врасплох.

У себя на работе я также рассказал, что намерен стать автотуристом, и попросил сведущих людей поделиться советами.

— Запасись сальниками полуосей задних колес, — посоветовал наш экономист. — В прошлом году тысячи километров не проехал, как масло потекло. Стоят сальники какие-то копейки, а не купишь. В автомагазинах обычно бывает то, что тебе в данный момент не надо.

— Не забудь положить в багажник амортизаторы, — заметил бухгалтер. — Когда мы ездили в Одессу, так намучались: оба амортизатора вышли из строя. Пары две тормозных колодок захвати. Не помешают.

— Мужики, а вы знаете какой дикий случай произошел со мной во время поездки по Средней Азии? — вступил в беседу плановик Федя. — Подъезжаем к Самарканду, хлоп! — переднее левое спустило. Дыра с гривенник! Ставлю запаску. С километр проехал — бац! — два колеса сразу! Дырья по пятаку! Мой тебе совет: добудь полный комплект резины, уложи аккуратненько на крышу своего «Москвича» — и душа не болит.

Я раздобыл и амортизаторы, и сальники, и колодки, и даже резину. Один бог знает, что это мне стоило.

Однажды сын, придя с работы, сообщил:

— Сегодня наш начальник цеха вернулся из Омска. Понимаешь, на своем «Москвиче» умудрился кольца у поршней сжечь и масляный картер разбил.

«А разве я гарантирован от этого? — размышлял я. — Но ведь у двигателя, кроме поршней и масляного картера, есть еще и карбюратор, и бензиновый насос, и стартер, и — черт те что. И все это может в любую минуту выйти из строя. Прямо в дороге». И, не долго раздумывая, я купил двигатель. Целиком.

Дочь Ленка мне рассказала, что у брата ее подруги во время путешествия по Кавказу «полетел» передний мост. Моя супруга поведала, как муж ее приятельницы неделю загорал в Ростовской степи со сломанной коробкой передач, а теща услышала в очереди о разбитом в пути ветровом стекле.

Пришлось покупать передний и задний мосты, коробку передач, а заодно карданный вал, ветровое стекло, фары и подфарники.

«Как мы это все повезем, — ломал я голову, в растерянности разглядывая покрытые смазкой запасные узлы автомобиля, разбросанные по гаражу. — Хоть прицеп покупай!»

Надоумил мой друг.

— Послушай, старик, — сказал он. — Так у тебя же здесь полный автомобиль! Приобретай кузов и монтируй на нем все эти железяки. Ведь кузов тоже можно по дороге помять. Мало ли сейчас автолихачей.

Я так и сделал.

Через неделю мы всем семейством отправились в автопоход. Салатный наш «Москвич» весело бежал по дороге, а на прицепе у него пылил второй «Москвич», темно-серого цвета. Запасной.

К. МАКСИМОВ.

Редактор Н. В. МАКСАРОВ.

Юмористический рассказ

ПОКАЗАТЕЛЬНАЯ СХВАТКА

РУКОВОДИТЕЛЬ секции классической борьбы Виктор Иванович после тренировки отозвал меня и Петьку в сторонку и сказал:

— Ребята, нам надо пополнить секцию. Я решил завтра пригласить сюда мальчишек из школ, а вы проведете показательную схватку. Согласны?

Еще бы! Я заметил, как Петькино курносое лицо приятно зарделось, да и у меня радостно подпрыгнуло сердце.

— А почему, собственно, мы должны провести показательную схватку? — с деланной наивностью осведомился Петька, хотя и без того знал, что ответит тренер.

— Да потому, что вы самые техничные, самые дисциплинированные, самые перспективные борцы, — с улыбкой ответил Виктор Иванович и ласково потрепал нас по головам.

На следующий день в спортзале все места были забиты мальчишками. Виктор Иванович коротко рассказал присутствующим об истории и правилах классической борьбы, член нашей секции Вадик Рудман запасся чистой тетрадью и ручкой, чтобы записывать желающих вступить в секцию, мы с Петькой вышли на ковер, пожали друг другу руки, и схватка началась.

Вначале все шло, как полагается — разные там захваты, броски... Петька попытался провести прием двойного нельсона, но я сумел вывернуться и... тут же полетел на ковер от подножки. Что это Петька? С ума сошел? Подножка — это же против правил! Виктор Иванович засвистел.

Однако Петька вместо того, чтобы остановиться, дал мне пинка. Вот псих! Что такое с ним?

И тут, случайно бросив взгляд на скамьи со зрителями, понял. Меня даже бросило в жар. Все ясно! Ну это еще посмотрим, кто будет на лопатках! Чтобы я был внизу—фигушки! Классическая борьба у нас перешла в вольную, а вольная — в бокс, а бокс — в черт те что.

Пыхтя, как паровоз, Петька хотел двинуть меня в грудь головой, но я вцепился в Петькину дамскую шевелюру и так крутанул, что он покатился кубарем.

Между нами заметался Виктор Иванович со своим свистком.

— Прекратите сейчас же борьбу, то есть драку! — кричал он. — Какое безобразие!

Но мы его не слушали. Я врезал Петьке в челюсть, он мне — в солнечное сплетение. Петька больше действовал головой, а я орудовал руками и ногами. Мы тузили друг друга, не жалея сил.

Нас бросились растаскивать ребята из секции во главе с тренером. Мы отбивались от них. Наконец, нас скрутили. Но перед этим Петька успел кого-то укусить, а я — исцарапать.

— Кто желает записаться в секцию? — крикнул Вадик. Ответом ему был стук двери за последним посетителем.

В раздевалке Виктор Иванович бушевал:

— Стыд и позор! Да я вас обоих из секции вышвырну, как щенков! Но сначала ответьте мне, паршивцы, что произошло?

Мы не отвечали. Только хлюпали расквашенными носами. Разве могли признаться, что среди зрителей сидела девчонка, в которую мы с Петькой были безнадежно влюблены?

К. МАКСИМОВ.

РАЗВЕДЧИК

С Павлом Пашовым я познакомился в госпитале инвалидов Отечественной войны. Павел — коренной уралец, участвовал в боях на Северо-Западном фронте, жестоко изранен. Ему за пятьдесят, но держится он с той подтянутостью и щеголеватостью, с какой, наверно, до конца своих дней держатся бывшие кавалеристы и разведчики.

«Разведчик? — попробовал угадать я. «Точно!» — улыбнулся Павел. Разговорились. Меня всегда интересовали эти люди.

РОМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

— Какая там романтика! — задумчиво произнес Павел — Разведка — это тяжелый фронтовой труд, балансирование на грани жизни и смерти, это психологическое испытание. Конечно, разведчики находились в привилегированном положении по отношению к другим родам войск. Подчинялись мы, например, в полку только трем лицам: начальнику разведки, начальнику штаба и командиру полка.

Как-то приказали нам добыть «языка». Обычно поиску предшествует тщательная подготовка Сидишь на нейтральной полосе и с неделю наблюдаешь за немецким передним краем в стереотрубу. В специальный журнал записываешь, что увидел у врага: где стоят часовые, как они сменяются, изучаешь подходы к окопам, расположение огневых точек и т. п.

Перед тем, как идти в поиск, старшине отдаешь все документы до последней бумажки, даже обрывки газеты, из которой сворачиваешь цигарку. Знаки различия также снимаешь. С тобой только нож, пистолет или автомат.

Темной ненастной ночью отправились на задание. Справа и слева в некотором отдалении от нашей группы захвата ползли разведчики групп обеспечения. А позади, на пригорке, притаилась группа прикрытия с двумя пулеметами.

Группы обеспечения приходят на помощь, когда разведка обнаружена противником и завязывается схватка. Группа прикрытия отсекает огнем врага

До немецких окопов добрались без происшествий, сняли задремавшего часового. Выяснилось, что он один обслуживал два пулемета. Постреляет из одного и направляется ко второму метров за двадцать. Неожиданно обнаружили блиндаж. Наши наблюдатели его проглядели.

Врываемся в блиндаж. Немцы спят на нарах, на столе горит мигалка, лежит офицерская сумка с документами.

Работаем ножами. Кто-то из ребят хватает сумку, еще одну сумку замечаем на стене, тоже забираем и без потерь возвращаемся домой. Задача считается выполненной, если привел «языка» или захватил документы противника.

НОВЫЕ ХАЛАТЫ

Утром старшина роты принес нам новые маскхалаты и сказал:

— Берегите. Долго не получите

Есть такая пословица: на ловца и зверь бежит. Ее в какой-то степени можно отнести к разведчикам. Отправились мы в ту же ночь за «языком». Предстояло не только добыть «языка», но и проверить в деле молодое пополнение, которое прибыло в роту.

Натянули пахнущие свежей материей халаты, обернули бинтами автоматы, на лица накинули сетки. Пошли впятером. Двигались, как обычно, гуськом: впереди шел самый опытный разведчик — командир группы, в середине — молодежь. Группу замыкал я.

Нейтральная полоса была довольно широкой. Неожиданно впередиидущий резко махнул рукой вниз — сигнал лежать и не двигаться. Падаем в снег. Замыкающий группы обязан поворачиваться лицом к тылу.

Лежу я, посматриваю на наши следы на снегу и гадаю, что это там померещилось нашему командиру? Мое внимание привлекли невысокие кустики на возвышенности, которые еле просматривались в темноте. Странно! Когда шли, никаких кустиков не видели.

И вдруг замечаю, что кустики тихо двигаются. Я даже глаза протер: уже не мираж ли! Нет, это немецкие разведчики направляются к нам. Их тоже пятеро. Они в белых халатах, замаскировались ветками — не отличишь от сугробов.

Двоих я срезал из автомата сразу же, третьего ранил. Оставшиеся во весь дух помчались к своим окопам. Я, охваченный азартом, бросился следом, но тотчас покатился от подножки командира нашей группы.

— Дурак! — кричал он, прижимая меня к земле, — тебе жизнь надоела?

Последние его слова утонули в грохоте фашистских пулеметов. Немцы открыли кинжальный огонь. Наши окопы им ответили.

Из этой заварухи мы, прихватив раненого гитлеровского разведчика, выбрались невредимыми, если не считать маскхалатов: немецкие пули на наших спинах изодрали их в клочья.

Старшина ворчал:

— Не напасешься на вас, чертей, спецодежды.

Но это он так, для порядка ворчал.

К. МАКСИМОВ.

Юмористический рассказ

ПОКУПАЙТЕ ВЕЛОСИПЕД!

КАК-ТО повстречал я на улице стародавнего знакомого Павла Ивановича и поразился его виду: лицо расплылось, а вокруг талии появились архитектурные излишества.

— На пенсию вышел, «Жигули» купил, — ответил он на мой удивительный вопрос. — Надо чем-то заниматься.

Минул год. Однажды шагаю по площади и вижу впереди себя человека с рюкзаком и удочками, укрепленными на велосипедной раме. Вгляделся. Ба! Да это же Павел Иванович! Но что опять за метаморфоза произошла с его фигурой? Где же его «Жигули»?

— Продал! — радостно заявил мой знакомый.

Разговорились.

— Купил я, значит, «Жигули». Давно о них мечтал, — начал рассказ Павел Иванович. — Поездил с недельку на них. Скучно одному. Сам знаешь: я — вдовый, дочери с внучками за тридевять земель живут. Постучался в одно из воскресений к соседям. Так и так, мол, не желаете ли в лес прокатиться? Черемуха цветет, кукушка кукует, бабочки порхают. Сосед Гриша аж подпрыгнул от радости, его супруга меня в щеку чмокнула. Гриша пригласил своего дружка Петю, а у того жена с ребятами. Еле втиснулись в «Жигули». Но я не сетовал.

Расположились на поляне. Женщины вмиг развернули на траве скатерть, а мужчины за бутылки взялись. «Обождите, говорю, мужики, хоть лесным воздухом подышите.» «А вот сейчас по стопке тяпнем, тогда и подышим. Держи!» «Не могу, говорю, ибо я за рулем. Пейте без меня».

Выпили они сначала по одной, потом — по другой, третьей.... Закусили. «Не нравится мне твоя трезвая рожа», — говорит сосед Гриша. «Он лучше нас хочет быть, — сказали женщины, — купил «Жигули» и воображает». «Хочешь я тебе в лоб врежу?». — поинтересовался Петя и ухватился за горлышко бутылки.

Одним словом, зарекся я в лес компании возить. А одному там скучно.

Окна моей квартиры выходят на привокзальную площадь. Когда поезд прибывает, то у стоянки такси людей полно. Дай-ка, думаю, помогу нашим транспортникам. Завел «Жигули», подъезжаю. «Граждане, кричу, кому куда? Мой автомобиль к вашим услугам. Проезд бесплатный!» Человек двадцать рванулись ко мне, едва автомобиль не опрокинули.

Только тронулись — на пути милиционер: «Гражданин водитель, вы кого везете?» «Пассажиров, — отвечаю, — на общественных началах». «Знаем мы эти общественные начала! Предъявите документы!» Едва выпутался.

По дороге из милиции еду по центральной улице, понятно, в расстроенных чувствах. Гляжу, из гастронома вышла хрупкая синеглазая женщина средних лет и аж сгибается под тяжестью двух авосек.

Подруливаю к тротуару, открываю дверцу. «Позвольте, говорю, подвести вас до места вашего проживания». Женщина покосилась на меня своими васильками, буркнула: «Спасибо! На своих двоих как-нибудь дойду». «Да чего вы боитесь? Не съем! Садитесь!» А она: «Не приставайте, гражданин, а то дружинников крикну. Верно пословица говорит, что седина — в бороду, а бес — в ребро».

Плюнул я и принялся катать ребятишек из дома, в котором живу. Натолкаю их полные «Жигули» и с ветерком вдоль по Питерской...

Но через неделю заявляется ко мне целая делегация родителей. «Павел Иванович, — говорят, — прекратите свои филантропские замашки, не портите нам детей. Они сейчас ни уроков не желают учить, ни дома помогать. Только и ждут, когда вы в гараж пойдете».

И вот я расстался с автомобилем и купил велосипед «Урал». В первый же выходной отправился в лес вместе с соседом Гришей и его приятелем Петей. На велосипедах. На полянке они распечатали бутылку, себе налили, а мне объявили: «Развезет тебя, Иванович, педали не заможешь крутить, свалишься, возись тут с тобой!»

В тот же день я отправился на привокзальную площадь. «Кому, спрашиваю, багаж подвезти?». Бабушка повесила на раму «Урала» котомку, а девушка - студентка пристроила на багажник сумку. Я специально повел свой велосипед перед самым носом уже знакомого милиционера, и звонок звякнул, крикнул: «А я багаж везу». «Ну и вези на здоровье!» — благодушно ответил сержант и зевнул во весь рот.

И надо же так случиться: на следующий день, у того же гастронома повстречал, ту, синеглазую, и опять с авоськами. «Разрешите, обращаюсь, доставить вам покупки до квартиры». Она так мило улыбнулась: «Окажите, говорит, такую любезность!».

С ребятней получилось иначе. Подойдя к стайке детей, я воскликнул: «А ну, малышня, кого прокатить?» Ни один не шевельнулся. А Толик, самый ярый приверженец моих бывших «Жигулей», презрительно оттопырил губки, фыркнул: «Подумаешь — катание на велосипеде! Да у меня их два!». «А у меня три! — похвасталась черноглазая пятиклассница Ленка, — детский, подростковый и взрослый — мамин».

На своем «Урале» я исколесил все проселки. Знаю каждую речушку, талия обрела былую фигуристость; а сплю без снов — как двадцатилетний. Покупай велосипед!

К. МАКСИМОВ.

Следующий номер «Искры» выйдет 5 мая.

Редактор Ш. ТАРХАНОВ.

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Туристский поход

Ранним субботним утром, когда я, уютно разместившись на поролоновом сиденье дивана, почитывал газету «Футбол-хоккей» и потягивал прохладное «жигулевское», только что выуженное из холодильника, ко мне ворвался приятель Дима.

— Поглядите на него! — заорал он на всю квартиру. — За окном замечательная погода! А он, сибарит несчастный, дышит спертым воздухом благоустроенной квартиры, нежит свои телеса на диване, а утробу заливает алкогольными напитками. Прочь!

Бутылка со стаканом полетели в один угол, а газеты — в другой.

— А теперь слушай меня, байбак! — провозгласил Дима. — Сегодня мы становимся туристами. Вперед! В поля и леса, к речкам и лугам, на лоно матери-природы! Согласен, лежебока?

Я не возражал. Наоборот, димина идея меня привела в восторг. Я энергично встал, с презрением пнул диван, а остатки пива с наслаждением вылил в унитаз. Действительно, как это великолепно идти по проселку и вдыхать настоянный на разнотравье воздух. Ветерок гладит твое лицо, над головой заливается жаворонок. А потом, хорошо утомившись, ты опускаешься на травку где-нибудь под ивой и пьешь ледяную воду из ручья.

Дима вытащил блокнот и шариковую ручку:

— Но вначале мы должны составить список вещей, необходимых для нашего туристского похода. Итак, записываю: две пары кедов, два рюкзака и трикотажные спортивные костюмы. Твои предложения?

— Кеды, конечно, вещь хорошая, — заметил я. — Однако у меня в них млеют ноги.

— У меня также, — вспомнил Дима, и подумав, вычеркнул кеды. — Ладно, отправимся в босоножках. На улице сухо.

Послушай, а чего мы будем класть в рюкзаки?

— Как что? Продукты, котелок, кружки, ложки...

— А стоит ли? Ведь на нашем пути будут попадаться населенные пункты. А в них — магазины, чайные и столовые. В конце концов бутерброды с колбасой вполне уместятся в карманах. Для чего мозолить спины какими-то рюкзаками?

— Да, ты прав, — охотно согласился мой друг и вычеркнул рюкзаки. — В таком случае нам не к чему покупать и спортивные костюмы. В них нет карманов, где бы мы разместили бутерброды, папиросы, спички и кошельки с деньгами на обеды.

Одним словом, отправимся путешествовать в обычных пиджаках и брюках, — заключил я. — Но куда мы отправимся?

— Предлагаю в Сосновый Бор, — объявил Дима. — Представь себе гудящие под верховым ветром сосны, целебный смолистый воздух, дятлы постукивают! Поэзия!

— А как добираться до твоей поэзии?

— Известно как. На автобусе или такси едем до станции, а там на электричке до разъезда. Пять километров пешком по полевой дороге, и мы на месте.

Димино предложение мне пришлось по вкусу. Но сегодня суббота, следовательно, такси нарасхват, а автобусы переполнены женщинами с празднично одетыми детьми и их пьяненькими мужьями с туго набитыми сумками. Не лучше и в электричках. Теснота, толчея, визг транзисторов и магнитофонов. Стоит ли портить себе выходной? Свои сомнения я высказал Диме.

— Согласен, — ответил Дима. — Может, у тебя есть на примете другой маршрут?

— Есть! Махнем-ка на реку! Золотистый песок, зеркальная водная гладь, ионы. Невдалеке квасной киоск.

— Придумано неплохо! — оценил Дима. — Но, во-первых, золотистый песок в данный момент весь усеян телами загорающих, а зеркальная река —купающимися. Во-вторых, за кружкой кваса надо стоять в очереди на жаре не менее часа. Но самое главное неудобство — пауты. Меня как только укусит паут, так моментально вскакивает шишка! И репудин их не пугает. Приспособились.

— Тогда займемся микротуризмом! Это сейчас в моде! — сказал я. — Пройдемся пешком, допустим, до городского парка и обратно.

— Уж лучше до угла нашего квартала, — предложил Дима. — Это ближе. Заодно в гастроне бутылочку купим. Боржоми.

Так и решили. Но пока собирались в туристский поход, небо затянули тучи, вот-вот брызнет дождь.

— Рухнули все наши планы, — уныло вздохнул я.

Но недаром Дима в нашем цехе имеет славу лучшего рационализатора. Он на секунду задумался и вдруг бодро скомандовал:

— Садись на свой диван! — с этими словами включил мой цветной телевизор «Рубин» — шла передача «По родному краю». Затем Дима поставил на столик вентилятор, а из кухни принес целый бидон водопроводной воды.

И, знаете, у нас получился отличный туристский поход! Мы любовались красотами природы, потягивали из запотевших стаканов студеную влагу, а лопасти вентилятора усердно обдували нас ветром. И все это без паутов, жары и дорожных треволнений. На диване!

К. МАКСИМОВ.

Редактор Ш. ТАРХАНОВ.

РАССКАЗ

Пусть солдаты поспят

30 апреля 1945 года начальник штаба немецких сухопутных войск генерал Кребс просил командование советских войск, штурмовавших Берлин, о перемирии. «Никакого перемирия. Только полная и безоговорочная капитуляция» — было заявлено ему. Кребс вслед за Гитлером покончил с собой. Бои возобновились. Они шли весь день первого мая. Второго мая гитлеровцы снова попросили принять парламентеров. На этот раз командующий гарнизоном Берлина генерал Вейдлинг дал согласие на капитуляцию. К трем часам дня второго мая бои прекратились. Настала тишина.

Что делали наши солдаты, когда сражение в столице Германии прекратилось? Этот вопрос я задал одному из участников штурма Берлина моему знакомому Ивану Матвеевичу. Я ожидал любого ответа, но только не этого.

— Спали! — кратко изрек Иван Матвеевич.

— То есть как? — не понял я.

— Очень просто. Как люди спят? На бок — и храпака.

Мой собеседник окутался папиросным дымом, взгляд его стал далеким.

— Капитуляция фашистов нашу роту застала на какой-то площади с замысловатым названием, — начал рассказ Иван Матвеевич. — Разместились мы возле разбитого фонтана, выставили часового и, как убитые, повалились на асфальт возле бетонной чаши фонтана. Сказались и бессонные ночи, и нервное перенапряжение.

Утром 3 мая меня с трудом растолкал часовой — настала моя очередь сменять его. Он долго дергал меня за уши, шлепал по щекам, плеснул из фляжки водой в лицо. Наконец, разбудил.

И вот я с автоматом прохаживаюсь вдоль спящей роты. Впрочем, от роты осталось только название. Солдат и на взвод не набиралось. Подложив под головы кто вещмешок, кто просто кирпич, накрыв его для мягкости шапкой, солдаты крепко спали, худые, пропыленные, небритые, в обнимку с оружием.

Площадь окружали полуразрушенные серые дома, из окон которых торчали белые флаги. Грудились горы кирпича, под ботинками хрустело битое стекло, что-то горело, дым плыл к голубому майскому небу. А солдаты спали.

Полным ходом работали штабы, мчались с приказами и пакетами офицеры связи, по руинам лазали похоронные команды, а солдаты спали.

Из узкой улицы вынырнул наш ротный старшина Семибаба верхом на кобыле. Вместе с поваром Кутявиным он вез в походной кухне завтрак, ну и, конечно, по сто граммов... Кухня дымила трубой, тяжело переваливалась через каменные россыпи.

— Хальт, проклятая! — гаркнул Семибаба на лошадь. — Не понимает зараза русского языка. Только немецкий и слушает. Давай буди хлопцев, пока каша горячая, — приказал он мне.

Я принялся трясти солдат, до хрипоты орал: «Подъем!». Никакого впечатления! Как мертвые. Только сонно мычат и отбрыкиваются. Успели уж усвоить, что война в Берлине закончилась.

— Кричи «тревога!» — посоветовал старшина, и сам откашлялся, чтобы своим басом помочь мне.

— Отставить тревогу! — послышался властный голос. К нам через кирпичные завалы в сопровождении двух автоматчиков пробирался генерал, командир нашей дивизии. Я, как положено, доложил, что рота находится на отдыхе.

— Хватит тревог, старшина! Пусть спят, сколько влезет.

— Да ведь, товарищ генерал, скоро сутки... — вытянулся Семибаба.

— Хоть трое! — ответил генерал. — Вся дивизия спит. Не войско, а сонное царство.

Он медленно прошелся вдоль спящих, вглядываясь в лица. Остановился.

— Отработались славяне. Жить будут! А сколько не дожило!..

Генерал подошел к чаше фонтана, по-стариковски крякнув, присел на ее край, задумался. И мы вдруг увидели, что он очень усталый, пожилой и, видимо, больной человек. Он снял фуражку, и ветерок затеребил седые волосы.

— Что же мне с кашей делать? — опять заволновался старшина. — Ведь перепреет, а в ней двойная порция свиной тушенки.

— Что делать? Вон, корми! — генерал тяжело поднялся и кивнул на подвальные окна ближайшего дома. В одном из окон бледнели две ребячьи рожицы, видимо, привлеченные запахом каши.

— Эй, киндер! — крикнул Семибаба, считавший себя знатоком немецкого языка, — коммен сюда! Иди сюда! Каша ессен! Вкусно!

Долго никто не появлялся на свет божий. Но вот из развалин вылезла худенькая фигурка девочки лет десяти, в грязных гольфах и с плоским немецким котелком в руках. Девочка была миловидная, но чумазая и нечесаная. Она еще издали заискивающе заулыбалась. Робко подойдя к кухне, присела в приветствии и пролепетала: «Гитлер капут!» Эта фраза вызвала злорадный хохот Семибабы и Кутявина.

— Ах, едят тебя мухи с комарами! — ахал старшина. — Сейчас «Гитлер капут!», а пять лет назад другое пели! Кутявин, положи ей двойную порцию каши! Она еще пацанка. В политике не разбирается!

У девочки расширились голубые глаза, когда в ее котелок шлепнулись два черпака каши. «Данке, герр солдат!» — прошептала она, не отрывая восхищенных глаз от котелка, и вновь присела.

Дальше дело пошло веселее. После девочки с кастрюлей и миской подошли два мальчика. Они также объявили, что Гитлеру капут. За ними изо всех щелей потянулись взрослые, и все заверяли нас, что Гитлеру капут.

— Без вас знаем, что подох! — ворчал Семибаба. — Благодарите русских мужиков. Вон они лежат. Отработались. Отсыпаются за все четыре года.

Синело берлинское небо, сияло весеннее солнце, солдаты крепко спали.

К. МАКСИМОВ.

Не стареет дружба фронтовая

Тридцать два года прошло с тех пор, как умолкли пушки на полях сражений. 1418 дней и ночей бушевал ураган войны над нашей Отчизной, и эти дни занимают особое место в истории нашей Родины.

По зову ленинской партии и нашего правительства миллионы советских солдат сели за рычаги танков, штурвалы самолетов, взяли в руки оружие. Среди них были и тысячи лысьвенцев.

Особенно много было воинов-лысьвенцев в составе 112-й Пермской стрелковой дивизии. Так, один из дивизионов артполка полностью состоял из парней Лысьвы, и командовал им бывший рабочий Лысьвенского завода коммунист капитан Николай Федорович Микрюков. Он погиб под Москвой.

В яростных боях под г. Краславой Латвийской ССР 112-я стрелковая дивизия, отражая натиск четырех фашистских дивизий, почти полностью полегла, но выполнила приказ Родины. Немногие вернулись в Лысьву.

Сейчас в городе живет бывший артиллерист-разведчик Иван Максимович Курсанин, героически дравшийся с врагом под Краславой. Многие годы работает и врач-хирург Георгий Михайлович Зязин. Сотни воинов вернул он в строй в годы войны.

Недавно мне довелось побывать в Лысьве. Через 36 лет после боев под Краславой я встретился с однополчанами, велика была радость этой встречи.

Прошумели бои, прошли десятилетия, поседели наши головы, но неизменны наша солдатская дружба и верность Отечеству.

П. ЗОРОАСТРОВ,
бывший командир передового отряда 112-й стрелковой дивизии, полковник в отставке.

БРЕВНО

РАССКАЗ-БЫЛЬ

В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ войну мне довелось служить в противотанковой артиллерии в качестве помощника наводчика.

...Март 1944 года. Второй Прибалтийский фронт. После артподготовки наши войска форсировали реку Великую и очутились в районе Пушкинских Гор.

Свое орудие мы установили на холме, на месте, где раньше была деревня. От деревни остались только печи да подполья, которые солдаты не замедлили использовать под жилье. Мы тоже облюбовали себе подполье.

Согласно боевому уставу орудие полагается устанавливать в ровике. Ровик — это неглубокий круглый котлован с земляным бруствером от осколков. Рядом выкапывается щель для укрытия расчета.

Наш командир орудия старший сержант Мамонтов рассудил, что незачем тратить силы и время на ковыряние мерзлой земли. Поэтому бруствер мы сделали из валунов, которыми так богата Калининская область, а чтобы эти валуны не раскатились, солдаты притащили огромное бревно от нижнего венца дома и придавили им камни. Получилось отлично!

Мне было приказано копать еще укрытия. Всю ночь до ломоты в костях бил киркой землю. К утру меня сменил заряжающий.

Едва прикорнул в углу землянки, как чей-то истошный крик «Артиллеристы, танки!» заставил вскочить.

Вылетев наружу, мы бросились к пушке, раскидали маскировку—солому. В сизой утренней мгле развернутым строем медленно ползли фашистские танки. Изредка они останавливались, башни выплевывали огонь. На скатах высоты плясали взрывы.

Наводчик сержант Арбузов, плечистый крепыш, лихорадочно крутил маховик, ловя в перекрестке панорамы ползущий снизу на нас танк. Вдруг он обернул белое лицо:

— Ребята, сектор обстрела мал!

Вместе с Мамонтовым бросаемся к станинам, разворачиваем орудие. Кто-то, стоя на коленях, бешено тяпает землю под сошники.

Но—новая беда: ствол пушки лег на бревно. Линия прицела оказалась выше: чем идущий на нас танк. Арбузов воет не своим голосом:

— Бревно, братцы! Бревно проклятое сбрасывайте к чертовой матери! Скорей, скорей!

Плечами и спинами упираемся в бревно. Ни с места! Мешают валуны, что наложили с наружной стороны. Постарались!

Мамонтов попытался высунуться — в ту же секунду от бревна полетели щепки: немцы ударили из пулеметов. А рокот мотора все ближе.

Под руки попадается лом. Конец бревна подважен и с треском сброшен.

— Заряжай! — вопит Арбузов, припадая к панораме, и тут же ахает: — Боже мой! «Тигр!».

Лобовая броня «тигра» нашей пушке не по «зубам». В прорез орудийного щита мне видны приземистая глыба танка, черный крест с белой окантовкой. Хоть бы чуть-чуть повернулся боком! Там броня тоньше. Об этом мечтает и Арбузов.

— Ну повернись, миленький! Повернись, тигреночек! — умоляет он плачущим голосом. — Я тебе так врежу!

Танк не повернулся. Его водитель сделал «лучше»: подставил нам под выстрел днище машины. И этому помогло откатившееся бревно.

Фашисты отлично видели, что у пушки в растерянности мечутся солдаты. Они поняли, что танку ничего не угрожает и решили не тратить снаряды, а просто раздавить орудие, а потом наехать на щель укрытия, выключить одну гусеницу и, елозя волчком, размолоть притаившихся в ней людей. Вот только через бревно надо перевалить. Ну для танка это пустяк.

Выстрел орудия и взрыв бронебойного снаряда в танке последовали почти одновременно. Вместе с Арбузовым меня вышвырнуло из ровика, сдавило дыхание, помутилось сознание.

Когда очнулся, то первое, что увидел—это горящие танк и наше орудие — оно загорелось от соломы. Воняло жженой резиной. В ушах звенело.

Возле меня без шапки сидел чумазый Арбузов и тряс головой. Его выворачивало, видимо, от контузии.

— А почему резиной пахнет? — задал я нелепый вопрос.

— Колеса у пушки горят и фашисты. Запах одинаковый,— буркнул сержант и согнулся в очередном приступе. — Пусть горят гады! А бревнышко нам славно подсобило!

К. МАКСИМОВ.

набежавший С. Карякин нанес

А. ТОРТУЛЕНКО.

строго предупрежден.

БУМАЖНАЯ ВОРОНА

САТИРИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

За час до отчетно-выборного собрания к председателю цехового комитета Хвостикову зашел технолог Шпонкин.

— Александр Петрович, не мешало бы Боровкова со сборочного участка грамотой отметить, — заметил он, закуривая. — Его последнее рацпредложение дало такую дикую экономию, что наш цех в передовые выскочил по заводу.

Хвостиков на несколько секунд оторвался от бумаг, потом резво вскинул вверх обе руки:

— Видишь? Обеими руками «за»! Уверен, что и члены цехкома, и администрация не будут против. На собрании и вручим ему под бурные аплодисменты.

Предцехкома захлопал ящиками стола в поисках бланка Почетной грамоты, но его не оказалось.

— Послушай, — обратился он к Шпонкину, — толкнись-ка к комсомольцам, позаимствуй бланк. Разбогатеем — отдадим.

Бланк Почетной грамоты, одолженный у комсорга, выглядел ярко и впечатляюще Несколько смущало изображение румяющеих юноши и девушки, красующихся по бокам серебристой огромной шестеренки: Боровикову как-никак уже перевалило за пятьдесят. Но зато шестеренка была словно настоящая. Хоть вырезай из грамоты и ставь в машину.

По ходу доклада, когда речь пошла о вкладе цеховых новаторов в дело экономии, Хвостиков, придав голосу торжественность, провозгласил:

— Пользуясь случаем, сообщаю, что администрация цеха и цехком решили отметить Почетной грамотой одного из лучших рационализаторов Ивана Емельяновича Боровкова!

Хвостиков поднял на лоб очки и первый ударил в ладоши. Зал живо поддержал его, но из задних рядов крикнули:

— Боровкова срочно вызвали в крупномеханический: у них карусельный барахлит.

Спустя неделю, наводя в столе порядок, Хвостиков наткнулся на грамоту. «Вручу-ка я ему прямо на участке. Преподам, так сказать, наглядный пример окружающей молодежи как мы уважаем ветеранов».

Свернув в трубку грамоту и поправив галстук, предцехкома направился на сборочный участок. Боровкова с бригадой он увидел за сборкой очередного станка.

«Неудобно от дела отрывать мужиков, — подумал Хвостиков. — Да и обстановка не совсем подобающая: лязг, грохот, руки у нашего передовика по локоть в масле. Стоп! Ведь в конце месяца у нас планируется семинар бригадиров по обмену опытом воспитательной работы. Вот и вручим Емельянычу на этом семинаре грамоту».

Но вскоре Боровков уехал в командировку на родственное предприятие, а потом ушел в отпуск.

Как-то Хвостиков, копаясь в своих бумагах, опять увидел грамоту со знакомой шестеренкой и самокритично крякнул:

— Безобразие! Полгода не можем вручить!

В обеденный перерыв, лавируя с подносом между столиками, он увидел Боровкова:

— Иван Емельянович, зайди-ка в конце смены в цехком: там грамота для тебя!

Однако в конце смены Хвостикова вызвал начальник цеха для разрешения спора с технологом: на что лучше ловится окунь — на опарыша или мормышку? Предцехкома пользовался славой великого знатока всех тонкостей рыболовства. В свой кабинет он вернулся через час.

— Вас тут Боровков все дожидался, — сообщила уборщица тетя Дуся, мозоля шваброй пол. — Разодетый, как жених в день свадьбы.

— Тьфу! — в досаде на себя плюнул Хвостиков.—Что же делать с грамотой? Выбросить? Но о ней Боровков уже знает. Мужик он ехидный. При случае кольнет.

Подумав, Хвостиков направился в бухгалтерию.

— Мария Ивановна, — обратился предцехкома к экономисту, сорокалетней молодящейся вдовушке, — цехком поручает вам важную общественную миссию!

— А что я буду за это иметь? — игриво повела бровями Мария Ивановна. — Путевку в Сочи или безвозвратную ссуду?

— Мой пламенный поцелуй в ваш пухленький локоток! — воскликнул Хвостиков, чмокая экономиста в руку.

— Ловелас несносный! Ну что там? Выкладывайте!

— Вы с Боровковым в одном доме живете? Прекрасно! Так вот, дорогуша, зайдите после работы к нему и вручите торжественно от имени цехкома эту грамоту.

После работы экономист поднялась на пятый этаж и долго жала на кнопку звонка. Никто не открывал. «Связалась дура с этой грамотой! — ругала себя женщина. — У меня билет в театр». Она сложила грамоту пополам и опустила в почтовый ящик квартиры Боровковых.

Второклассник Вовка, внук Боровкова, возвращаясь из школы, рассмотрел через дырочку ящика что-то красно-голубое. Он решил, что это «Юный натуралист», и мигом открыл ящик. На пол выпала Почетная грамота. Вовка с минуту деловито разглядывал ее, хотел вырезать серебристую шестеренку, чтобы наклеить на обложку тетради по русскому языку. Но исследовал качество бумаги, и мысли его приняли новое направление. Он сделает из грамоты ворону! Ворона будет прочной и полетит на целый километр! Пусть Лехя из девятой квартиры не хвастается своими воронами, которые он мастерит из отцовской миллиметровки.

Задумано — сделано. Вовка вышел на балкон и, потрясая вороной, заорал ребятам, что играли во дворе:

—Эй, парни, смотрите, что у меня! Бью Лехин рекорд!

Ворона из Почетной грамоты под восторженные крики мальчишек пролетела над двором и приземлилась на середине улицы, прямо под колеса мчащихся «Жигулей». Алеха из девятой квартиры был посрамлен.

К. МАКСИМОВ.

Веяние моды

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

НАШ заведующий кафе Егор Семенович, лысоватый и сухонький человек, пришел на работу в расстроенных чувствах.

— Фитиль нам «Снежинка» поставила. Да еще какой! — мрачно ответил он на наш вопрос. — Потому и план не тянем. Погрязли в рутине, благодушествуем! Ни прогресса, ни новаторства. Гнать следует нас всех из общепита поганой метлой!

Больше Егор Семенович ничего не сказал.

— В перерыв сбегаете — увидите, — буркнул он на наши настойчивые расспросы.

В перерыв мы помчались к «Снежинке». Но оказалось, что это уже не «Снежинка», а «Кнехт». Кнехт, как объяснили, нам — это две чугунные тумбы на пристанях, к ним привязывают пароходы.

У входа стоял швейцар дядя Ефим. На нем была не традиционная ливрея с позументами, а черный китель с блестящими пуговицами, фуражка с белым верхом и «крабом», а на груди болталась боцманская дудка.

«Кнехт» штурмовали посетители. И когда они особенно ретиво ломились, дядя Ефим свистел в свою дудку и зычно кричал:

— Полундра! Дай задний ход! А то получишь по корме!

Заметив нас, дядя Ефим высокомерно подкрутил усы и подмигнул: мол, знай наших.

В «Снежинке», то есть теперь «Кнехте», работала официанткой моя подружка Люська. Я ее даже не узнала: На Люське были тельняшка и синие брюки-клеш. Люська тащила поднос, уставленный мисками с флотским борщом.

В кафе на стенах красовались спасательные круги и якоря. Вместо столов на канатах висели доски, а пол равномерно покачивался, имитируя корабельную качку.

Улучив минутку, Люська сообщила мне, что от клиентов нет отбою, и она сапожки в этом месяце обязательно купит. Вот только пол напрасно сделали качающимся.

А пару дней спустя закрыли наше кафе на переоборудование. Егор Семенович потирал руки и все твердил:

— Ох, девчата, утрем мы нос «Кнехту»!

И действительно утерли. Когда наше кафе открыли, оно называлось не «Огонек», а «Трактир». Вместо столиков с дюралевыми ножками стояли некрашеные столы и лавки, на стенах висели хомуты и расписные дуги. Кушанье мы подавали в деревянной и глиняной посуде. В качестве спецодежды нам выдали кокошники, лапти и капроновые косы до пояса. Егор Семенович щеголял в атласной рубахе и лаковых сапогах гармошкой. А наш швейцар Степаныч несмотря на июль, был облачен в бараний тулуп. Когда посетители особенно настойчиво лезли в двери «Трактира», Степаныч свистел, гикал и звонко щелкал кнутом. Магнитофон прокручивал «Тройка мчится, тройка скачет», «Как в степи глухой», «Ямщик, не гони лошадей».

Но торжествовали мы недолго. В один прекрасный день Егор Семенович вновь пришел мрачнее тучи.

— Опять нам фитиль «Кнехт» поставил? — поинтересовалась я.

— Поставил, едят их мухи с комарами Сейчас это уже не «Кнехт», а «Дно морское». Посетители рвутся туда — аж двери трещат Милицию вызывали.

Мы, конечно, побежали смотреть. Швейцар дядя Ефим стоял на крыльце полуголый. Роскошная зеленая борода опускалась у него до колен, утреннее солнце играло на золотой короне. Размахивая вилами-трезубцем, дядя Ефим отбивался от особо настырных клиентов.

Стены обеденного зала в «Морском дне» были расписаны осьминогами и акулами. Еду подавали в тарелках, которые имели вид ракушек, а девчата-официантки носились по залу в сверкающих блестками трико, и у каждой торчал пластмассовый рыбий хвост.

Ко мне подлетела Люська, раскрасневшаяся и веселая.

— Знаешь, — шепнула она, — мои ножки всем клиентам нравятся. Я это заметила. Как выхожу из раздаточной с подносом, так все головы поворачивают. Двое уже дружбу предлагали.

Она поправила наколку с нашитыми кораллами и заметила:

— К сожалению, в нашем коллективе не все сознательные. Галька, которая обслуживает вон те столы, заявила, что скорее уволится, чем выйдет к людям в трико. Да и муж у нее оказался отсталым типом: расшумелся в кабинете заведующего, грозился хвост у Гальки оторвать, если ее только увидит в зале.

Однако Егор Семенович не дремал. Вскоре наше кафе опять переделывать начали. Вместо столов и стульев навезли глыбы камней, на стенах выдолбили мамонтов и тигров, для нас, официанток, сшили из синтетического меха спецодежду, а над входом повесили вывеску «Кафе «Питекантроп». Ох, что было! Наш Степаныч, одетый в медвежью шкуру, еле успевал осаживать с помощью бивня слона, взятого напрокат в городском музее, толпу посетителей.

И вдруг поток обедающих иссяк. В чем дело?

—Опять на «Дне морском» нам ножку поставили? — спросила я заведующего.

— Хуже! — буркнул Егор Семенович. — Открылось третье кафе.

Мы, конечно, все направились перенимать опыт. И долго ходили, с интересом разглядывая обыкновенные столики и стулья, щупали тарелки и платья на официантках.

К. МАКСИМОВ.

ПОДАРОК

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Когда моей Нюре исполнилось сорок лет и мы пригласили в гости наших друзей — Сарафановых, то жена в подарок получила роскошную мохеровую шапочку.

— Шапочка, видимо, из Москвы, — говорила Нюра после юбилейного вечера, вертясь перед зеркалом. — Рублей двадцать, не меньше она стоит. Через два месяца у Сергея Петровича тоже день рождения. Надо что-то для него сообразить.

— Я ему преподнесу бамбуковое удилище! Он же отчаянный рыбак! — сказал я.

— Ты что? Чокнулся? Удилище стоит рубля три.

После недолгого совещания мы с женой решили подарить Сергею Петровичу модный портфель. За тридцать рублей.

Спустя три недели нашей Светке исполнилось шестнадцать. И представляете восторг нашей дочери, когда Сарафановы, явившись к нам на день рождения, вручили лакированные сапожки. Импортные!

— Знаешь, — озабоченно вздохнула Нюра, когда гости ушли, и мы занялись мытьем посуды. — Мне не дает покоя мысль, что подарить Клавдии Анатольевне (это жена Сергея Петровича). Ведь у нее скоро именины.

— Она когда-то выражала мечту иметь рыжий парик.

— Господи, какие вы все мужчины глупые! — вздохнула Нюра. — Во - первых, парики уже выходят из моды, а во-вторых, самый дорогой парик рублей сто, не больше. А Светкины сапоги стоят сто двадцать!

— Может, купить Сарафановым спальный гарнитур? — съязвил я.

— Гарнитур не гарнитур, а японский чайный сервиз будет весьма кстати. Дороговато правда, но что поделаешь.

— Лучшего подарка вы придумать и не могли. — растроганно благодарила нас Клавдия Анатольевна. А когда прощались, Сергей Петрович, тряся нам руки, сказал:

— Вашему Николаю скоро двадцать и он кончает музыкальное училище. Я уже придумал, чем его порадовать.

— Ради бога, — взмолилась Нюра. — У нашего мальчика все есть! Прошу и умоляю: ничего не надо дарить!

Сергей Петрович предупреждающе поднял руку и самодовольно ухмыльнулся: это, мол, наше дело.

В день своего рождения наш Колька получил пианино.

Приближается день рождения Марины Сарафановой. Мы с Нюрой, взяв взаймы денег у знакомых, купили для нее в комиссионном магазине ковер за 800 рублей.

День моего рождения ожидали с тоской и тревогой. И когда Сергей Петрович, улыбающийся и пахнущий «Красной Москвой», явился во главе своего семейства в гости и протянул ключи от «Запорожца», у меня что-то оборвалось внутри.

— Спасибо, — пролепетал я и изобразил подобие улыбки.

Ночью с Нюрой мы долго не могли уснуть — советовались: в конце года, у сына Сарафановых Генки день рождения, и, кроме того, в этот самый день намечалась его свадьба.

Решили: продаем дареные «Запорожец» и пианино, но в грязь лицом не ударим: Генка получит однокомнатную кооперативную квартиру.

К. МАКСИМОВ.

Крокодилова кожа

Юмористический рассказ

Я ЛЕЖАЛ на диване и рассеянно листал зеленый том МСЭ на букву «К». Жена вязала шапочку для внучки.

— Крокодил, — лениво прочел я вслух, — распространен во всех тропических странах.

Когда дошел до слов, что из кожи этого пресмыкающегося изготовляют портфели, чемоданы и т. п., супруга мечтательно вздохнула:

— Вот бы заиметь кошелек из крокодиловой кожи.

— Сходи в галантерею и купи,— посоветовал я.

— Иди! Купи! Сейчас кругом синтетика. Послушай! — жена вперила в меня круглые от осенившей идеи глаза. — А если нам завести крокодильчика, покормить с месяц, а потом... как барана! Думаю, что на кошелек его шкурки хватит.

Я фыркнул, но у моей супруги был чисто практический склад ума. Она уже звонила в зоомагазин.

— Есть! Есть свеженькие крокодильчики! Только что поступили из Египта! — торжествующе объявила она, спешно натягивая кофту. — Бежим, пока не расхватали!

— Помилуй! Где же мы будем его держать?

— В аквариуме. Ведь нам кожи только на кошелек и нужно.

Принесенный из магазина и пущенный в аквариум крокодильчик мгновенно сожрал всех рыб и, повиснув в воде у борта, уставился на нас выпуклыми глазами.

— Тащи котлету, что ты не съел в обед! — приказала жена.

— А что будем ужинать?

— Выпьем по стакану кефира. Пора бы знать, что в нашем возрасте мясо употреблять вредно.

Крокодильчик (мы назвали его Геной) рос не по дням, а по часам. Он быстро опустошил наш холодильник. К концу месяца, когда жена стала поговаривать о его закланин, на побывку приехал сын — студент Виктор.

— Хорошенькое дельце! — недовольно забубнил он. — Растите себе для кошельков крокодилов, а о том, что единственный ваш сын ходит на лекции с обшарпанной сумкой, вам до лампочки!

— Виктор прав, — согласилась жена. — Будем растить Гену и на сумку.

В одну из ночей в кухне, где стоял аквариум, послышался треск стекла, плеск воды и шлепок: выросший Гена покинул свое убежище. Крокодила поместили в бак для кипячения белья.

—Белье станем отдавать в стирку, — заявила супруга. — Так делают все прогрессивные люди.

Вскоре пожаловала в гости дочь Людка с зятем и внуком — Андрюшкой. Узнав о наших намерениях, Людка воскликнула:

— Я давно мечтаю о чемодане из крокодиловой кожи!

— Говорят, что босоножки из его шкуры в моду входят, — заметил зять. — Учтите!

— Мне нужен ранец! — подал голос Андрюшка.

Гену переселили в ванную, где он слопал все мыло и проглотил мочалку словно галку.

—Мыться будем в общественной бане, — заключила жена. — Это древнерусский здоровый обычай. Ванну придумали сибариты.

Со временем Гена оккупировал кухню, и нам пришлось, накрепко заколотив дверь, перебраться в комнату. Вверху двери выпилили окошечко и, встав на табурет, кормили крокодила.

— Он уже на два метра вытянулся, — восхищалась жена, бросая Гене из авоськи рыбу.

Во время покупки очередной порции хека продавщица полюбопытствовала:

— Куда вы столько рыбы ежедневно покупаете?

Узнав о наших планах, она изрекла:

— Думаю, что и мне на радикюль кожи найдется. — При этом многозначительно повела подведенными глазами на мою раздутую авоську. Пришлось продавщицу включать в список претендентов на Генину кожу.

Изделия из крокодиловой кожи пожелали иметь сосед, чьей кухней мы пользовались, мой начальник, врачиха, у которой жена лечила радикулит, парикмахерша, у которой супруга красила волосы.

В одну из июльских ночей над городом прошумела гроза с обильным ливнем. Когда все стихло, мы пошли узнать о самочувствии Гены.

Кухня с ванной на нас дохнули пустотой, из дыры проломанной входной двери несло озоном. То ли ливень пробудил у Гены дремавшие инстинкты к вольготной речной жизни, то ли по другой какой причине, но только он исчез. Прошлепал брюхом шесть лестничных маршей, вдохновил сидевшего у подъезда пьяного слесаря дядю Колю к исполнению песни «Я играю на гармошке у прохожих на виду»..., подкрепился мимоходом бесхозной собачонкой Жулькой, повернул к набережной и был таков.

Сейчас мы с супругой отверженные люди. Сын, дочь, зять и внук забыли к нам дорогу, сосед по квартире перестал здороваться, продавщица демонстративно отказывается отпускать нам товар, врачиха признала жену совершенно здоровой, парикмахерша выкрасила ей голову в зеленый цвет, а мой начальник твердо убежден, что я лгун и бездельник, и учреждение только выиграет, если напишу заявление об уходе по собственному желанию.

К. МАКСИМОВ.

Доброволец танкового

МОСКВА шумела машинами, сверкала майской бледнозеленой листвой скверов, окружающих площадь. А на площади стояли группы пожилых людей, грудились вокруг табличек с номерами воинских частей, которых сейчас давно уже нет. Ждали. И следовали радостные восклицания, объятия, слезы, мелодично звенели ордена и медали.

На одной из таких встреч ветеранов в Москве и был два года назад Александр Федорович Бобков, в прошлом боец 29-й мотострелковой бригады Уральского Добровольческого танкового корпуса.

В нынешнем году исполнилось ровно тридцать пять лет со дня создания этого корпуса, который с боями прошел от Орла до Праги. Танки уральцев видели Брянск и Киев, Каменец-Подольский и Львов, Бреслау и Берлин, Потсдам и Прага. Корпус создавали все уральские города. Машины давали Челябинск и Нижний Тагил, каски — Лысьва, сапоги для солдат — Кунгур, обмундирование — Пермь.

Александр Федорович невысок, худощав, его подвижности и энергии могут позавидовать молодые. Коммунист. Работает электромехаником в железнодорожном цехе ЛМЗ. Трижды дедушка.

— Как все начиналось? — интересуюсь я.

— Как начиналось — переспрашивает Александр Федорович, и взгляд его становится далеким.

Работал в одном из цехов металлургического завода 19-летний парнишка, комсомолец Саша Бобков. Цех выпускал продукцию для фронта. В обязанности Саши входило определять твердость металла у детали. Делалось это с помощью особого прибора, основу которого составлял шарик. Этот шарик делал вмятину на металле, и по ее глубине судили о качестве. Иногда этот шарик вдруг расплывался в Сашиных глазах, исчезал, тогда к Бобкову подходил его наставник, старший мастер С. И. Мазилов с землистым от усталости лицом. Легонько шлепал по шее:

— Сашок! Проснись!

Бобков встряхивал гудящей от двенадцатичасовой работы головой, и вновь шарик обретал свои очертания.

Однажды в марте 1943 года на цеховой стене появился огромный плакат, призывающий молодежь вступать в ряды создаваемого уральского танкового корпуса. Желающих оказалось много. Одним из первых подал заявление и Александр Бобков. Всего же из цеха пожелали идти на фронт свыше 130 человек.

Проводы новобранцев проходили в Доме пионеров (теперь драмтеатр). С речью перед будущими солдатами выступил главный инженер завода А. И. Трегубов. Он говорил о том, что Красная Армия разбила фашистов под Москвой и Сталинградом, и задача уральцев сейчас помочь вышвырнуть с советской земли как можно скорее захватчиков. В общем, парни должны доказать фрицам, что такое уральцы.

Каждому из отъезжающих был вручен пакет с роскошным по тому времени содержимым: булка, кружка, ложка, пачка табаку и зажигалка.

Всю весну на месте формирования ребят упорно обучали тактике боя. Потом обмундировали, а первого мая Саша принял военную присягу.

В июне корпус был переброшен под Орел. Солдаты догадывались, что назревают большие события — готовится наступление.

В 29-й мотострелковой бригаде, входящей в корпус, Саша Бобков был десантником танка.

— Помню, — говорит А. Ф. Бобков, — на рассвете наши части выдвинули на исходные позиции. Но вначале предстояло форсировать речку и выбить немцев из окопов на другом берегу — создать плацдарм. Речушка неширокая, но глубокая. Отобрали 40—60 наиболее крепких ребят, умеющих плавать. С нами — два офицера. Вооружение — автоматы, ножи, гранаты и ручные пулеметы. Часть группы открыла по немецким окопам отвлекающий огонь, а другая ринулась в воду. Мысль одна — поскорее добраться до немцев. Весь ты собран в комок нервов. Плохо помню, как ворвались в фашистские траншеи. Выстрелы, вскрики, одним словом, рукопашная. Задачу мы выполнили. К нам на плацдарм начала переправляться вся бригада.

Под самым Орлом Александра Федоровича ранило. Три месяца провалялся в госпитале. А после лечения попал в 3-й танковый корпус 4-ой танковой армии. В качестве стрелка-радиста участвовал в тяжелых боях под Львовом, Сандомиром...

— На подступах к самому Берлину наш танк подожгли немцы фауст-патроном, — рассказывает А. Ф. Бобков. — Почувствовали удар и запах гари, пылал мотор. Еле выскочили. Из люка вытащили оглушенного водителя. Огляделся я, а Берлин весь в пожарах, горы кирпича на улицах. Дома какие-то странные — с высокими черепичными крышами и узкими окнами, а из подвальных окон бьют немецкие пулеметы, фаустники. Ох, много наших танков там сгорело на этих проклятых улицах.

Тридцатого апреля 1945 года Берлин капитулировал. А 3-му танковому корпусу было приказано немедленно идти на Прагу: чехословацкие патриоты подняли там восстание, но сил было мало. С захваченной ими радиостанции в эфир беспрерывно неслось: «Руде Армия, на помощь!» (Красная Армия, на помощь!)

— И автомашины наши к Праге мчались на предельной скорости. Радиопереговоры между танками были запрещены, — рассказывает ветеран. — Под Берлином меня слегка царапнуло по глазу. Так и ехал с перевязанным глазом уже в качестве автоматчика. Трое суток добирались до Праги. Надо было видеть, с каким восторгом нас встречали чехи. Машины и танки буквально забрасывали цветами. О конце войны мы услышали уже в столице Чехословакии. Немцы везде сложили оружие, а в Праге шли кровопролитные бои. Дело в том, что пражский немецкий гарнизон хотел сдать город американцам, но из этого у них ничего не вышло. С десятого на одиннадцатое мая мы, наконец, вышли из боя. Настал долгожданный мир.

Неумолимое время вершит свое безжалостное дело. Из тысячи двухсот человек, по словам А. Ф. Бобкова, в живых осталось не более тридцати. Но никто из них не сидит сложа руки. Многие ветераны возглавляют различные добровольные общества. В Перми, например, секцию ветеранов Пермской бригады возглавил бывший ее офицер А. П. Байбарин.

Когда вы станете читать эти строки, Александр Федорович будет в Москве на очередной встрече ветеранов уральского танкового корпуса. Начнутся воспоминания, шутки. Потом замолкнут на минуту эти пожилые люди в печальной задумчивости, и всплывут перед их мысленным взором дорогие лица павших и ушедших из жизни друзей.

К. МАКСИМОВ.

На снимке: А. Ф. Бобков.
Фото Н. Костылева.

И медики сражались

ШЕЛ последний год Великой Отечественной войны. В январе дни короткие. Наша 65-я армия под командованием генерала Батова продвигалась по территории Восточной Пруссии на запад в сторону Данцигского коридора. В один из дней наш полк, в котором я был командиром санитарной роты, вступил в поселок, расположенный у небольшой железнодорожной станции. За целый день мы не встретили немцев — они беспорядочно отступали под неослабевающим натиском наших войск.

Вступив в поселок, штаб и тыловые подразделения полка стали расквартировываться. Наша санитарная рота разместилась в самом первом доме, при въезде в населенный пункт.

Немцы, видимо, незадолго до нашего прихода в спешном порядке покинули насиженные места, ибо на кухне осталась даже свежая похлебка.

Расквартировавшись, в первую очередь развернули полковой медицинский пункт на случай приема раненых. Наступила темнота. Первым часовым для охраны роты был поставлен ездовый по фамилии Несоленый. Ему было уже за пятьдесят.

Около десяти вечера по дороге с тыла появились две тени, которые хорошо просматривались на фоне только что выпавшего снега. Был слышен стук приближающихся копыт. Часовой различил человека на лошади, а рядом — пешего. Окликнул:

— Стой! Кто идет?

Ответа не последовало. Часовой выстрелил. Едущий на лошади немец свалился на шоссе. Второго часовой взял в плен. Это был молодой немецкий офицер, которого мы отправили в штаб полка.

Пришлось усилить охрану роты вторым часовым. В середине ночи с тыла вновь последовала группа немецких солдат. Мы поняли, что в тылу есть какая-то группировка немцев, которая посылает разведку, пытаясь узнать обстановку. Наши предположения оправдались. Перед рассветом снова показалась группа немецких солдат численностью в пятнадцать человек. Началась перестрелка, фашисты отошли.

С наступлением рассвета с переднего края начался минометный обстрел поселка. Нам приказали отступать.

Вскоре обоз из двухсот повозок растянулся по шоссе.

Отступив километра на два, мы заметили справа от дороги цепь немцев численностью до ста человек. Начальник штаба дал команду всем свободным от лошадей взять оружие. Мы вооружились карабинами и автоматами, залегли в кювет и открыли огонь по неприятелю. Немцы ответили автоматным огнем. Настало критическое состояние, но в роте связи оказался танковый пулемет «Максима» быстро установили на бруствер кювета, и пулеметный огонь прошелся точно по цепи шагающих на нас гитлеровцев. Немцы разбежались в разные стороны.

Л. ЧЕРНЫШЕВ.

Мир — дорогой ценой

ПРОШЛО тридцать три года, как отгремели последние залпы орудий, но никогда не изгладятся из памяти трудные военные годы.

1939 год. После окончания медицинского училища, полная энергии, силы и радужных надежд, начала я работать в детских яслях медицинским инструктором. Вскоре меня избрали секретарем комсомольской организации горздравотдела.

И вдруг врывается война. В Лысьве организуется несколько эвакогоспиталей, в которые поступали раненые с фронта.

Я в числе многих медицинских работников города пошла медсестрой в один из них.

В августе 1943 года, когда в городе был сформирован военный госпиталь Второго Украинского фронта, я поехала с ним.

Вместе со мной были лысьвенские девушки Нина Иосифовна Шихова, Полина Васильевна Заключных и другие.

Прибыли мы сначала в разрушенный войной Харьков. От больничного городка, где должен был разместиться госпиталь, остались одни стены. Все мы на время превратились в каменщиков, маляров и печников. Электричества не было, клали печи в первую очередь для кипячения инструментов и материалов.

Поступали раненые. Одни шли сами, других несли на руках. Коек не хватало, на носилках делали обработку ран и тут же оставляли лежать. Работали по ночам, а иногда и целыми сутками, уставали так, что еле на ногах держались.

Мы, медики, всегда поражались мужеству советских солдат — только немного подлечившись, они снова рвались на фронт, большинство выписывалось из госпиталя досрочно. Сколько у каждого было ненависти к врагу и веры в победу!

А. П. Черных. Фото 1943 года.

Наш госпиталь продвигался вслед за Вторым Украинским фронтом, шли мы от одного города к другому. В дороге нас часто бомбили. Иногда до назначенного места добирались пешком. И в каждом городе развертывали госпиталь, начиная с восстановления разрушенных зданий.

Тридцать три года прошло, как закончилась война. Но горе не забывается. И сейчас у меня перед глазами девочка, которую мы видели на одной из станций. Ей было лет 8-9, и она была почти вся седая. Это страшно!

Сейчас, когда я вижу улыбки наших детей, слышу веселый смех юношей и девушек, хочется сказать молодому поколению: берегите и цените мир, который достался нам такой дорогой ценой.

А. ЧЕРНЫХ

Юмор — *К. Максимов*

КАЧЕСТВЕННЫЙ СКАЧОК

Из всего коллектива работников прилавка никто вначале не придавал значения тому факту что за день в магазине не побывало ни одного покупателя.

— Получки пойдут, тогда в торговом зале палец не просунешь, — спокойно заметила заведующая, щелкая костяшками счет.

Но когда и на третий день товару не продали ни на копейку, продавцы забеспокоились. В конце недели заведующую вызвал директор торга.

— Почему выручку не сдаете?—строго спросил он, подозрительно разглядывая дородную фигуру завмага.

— Потому что ее нет! — чуть не плача выкрикнула женщина.

— Вы мне басни не рассказывайте! — заметил директор и пригрозил: — Вот пошлю к вам ревизоров, они разберутся, что вы там фокусничаете. Организуйте, наконец, выносную торговлю. Улыбайтесь покупателям!

Заведующая приказала установить прилавок с товаром на улице продавцы вместе с заведующей оптом и в розницу раздавали улыбки, скандировали «по-ку-пайте!» и даже произносили слово «пожалуйста»—не помогло. Люди с гордым презрением проходили мимо.

В конце месяца коллектив магазина в полном составе явился в контору с заявлениями об увольнении по собственному желанию. Директор торга тупо разглядывал сводку товарооборота, рядом стоял главбух и сосал валидол.

— Если бы сказали, что на моей лысине завтра появятся кудри, я бы скорее поверил, чем этому... — признания директора прервал телефонный звонок.

— Послушай, что у тебя творится? — рокотал в трубке голос управляющего Госбанком. — Ведь финплан летит!

— А скажи, дорогой, давно ли ты был в магазине, что напротив нашей конторы? — вопросом на вопрос ответил директор.

— Ну, знаешь, у меня печень!

— А у меня почки! — отрезал директор и бросил трубку. С минуту подумав, он связался с ЗАГСом:

— Будьте любезны, сообщите, сколько у вас в этом месяце было свадеб? Так! А похорон? Мда! Ничего не понимаю!

А за квартал от конторы в помещении, уставленном койками, стоял человек в форме и требовал:

— Разбудите меня, черт побери!

Человека усердно трясли, щипали. Он морщился, с удивлением разглядывал свежие подушки и уверенно заключал:

— Нет, все-таки я сплю!

Что же произошло?

Многолетние и упорные старания радио, газет и телевидения, терапевтов, психологов, социологов и лекторов общества «Знание» увенчались блистательным успехом: произошел качественный скачок — люди наотрез отказались покупать спиртное.

ВУНДЕРКИНДЫ

Вундеркинд — слово немецкое и в переводе на русский означает: чудо-ребенок, то есть ребенок, обнаруживающий необыкновенные для своего возраста способности.

Когда я предложил нашему редактору объявить конкурс по выявлению чудо-ребенка, он согласился, но при условии, что участники конкурса заявятся в редакцию после окончания рабочего дня. Мы дали в газету броский [illegible]шлаг. и в конце дня я, вооруженный авторучкой и стопкой [illegible]тал ожидать вундеркин-

обсуждался

Редакционный коридор вскоре наполнился детским топотом и визгом, плачем и смехом. Редактор не смог пробиться к выходу. Держа в зубах папку, он вылез из своего кабинета в окно, добрался по карнизу до моего окна, крикнул: «Старик, я тебе не завидую!» и ухнул со второго этажа в крапиву.

Первыми в кабинет колобком вкатилась румяная старушка и вошла рослая женщина в кримпленовом костюме, которая толкала перед собой трехлетнюю девочку с испуганными глазами. Двое дюжих молодцев тащили следом на лямках пианино.

— Это будущая Зыкина! — бодро воскликнула бабушка, представляя девочку, и ударила по клавишам. — Оленька, лапушка, давай: «Огней так много золотых на улицах Саратова»... Ну!

— Парней так много холостых, — подсказала кримпленовая мама. — Ну!

Оленька молчала.

— Пой! — прошипела мама и втихаря ткнула дочь.

— А я люблю женатого, — пролепетала Оленька и заревела во весь голос под аккомпанемент пианино.

Дверь за посетителями захлопнулась, тотчас послышались шлепки, верещание Оленьки и бас мамы: «Вот тебе, вот тебе, вредная девчонка! Дома пела, а здесь язык проглотила! Вот тебе!»

А в мой кабинет ворвались уже двое, судя по всему—зять и теща.

— Вот, полюбуйтесь на Ромку. Вундеркинд, — затараторила теща, кладя передо мной упитанного карапуза. — Ему только пять месяцев, а он уже говорит «баба». Ромик, скажи — «баба!»

— Он говорит не «баба» а «папа», — возразил мужчина и потянул двухзубого Ромку к себе.— Скажи, мое солнышко, — «папа». Это будущий Райкин!

Малыш закряхтел, теща с зятем замерли в счастливом ожидании, но, кроме лужи, что расплылась по стеклу, ничего от будущего Райкина не дождались.

Потом ко мне вошел плечистый папаша с полуторагодовалым отпрыском. Поставив его на мой стол, гордо объявил:

— Будущий Олег Блохин и Валерий Попенченко.

— Откуда это видно? — усомнился я.

— Андрюшик, покажи, как ты играешь в футбол.

Андрюша, поддерживаемый папашей, высунул от усердия язычок, приподнял ножку, и настольный календарь полетел к шкафу, затем приподнял вторую ножку, и пузырек с клеем окатил мой импортный костюм.

— Видели! — торжествующе крикнул папаша, целуя свое чадо в пухлую щечку.

— Допустим... — согласился я, уныло разглядывая испорченный пиджак — Но боксер...

— Андрюшик, покажи дяде бокс.

Будущий Попенченко взмахнул зажатым в кулаке жестяным грузовичком без колес, и на лбу у меня стала расти гуля.

Тщетно я доказывал папашам и мамашам, что их ребята самые обыкновенные. Ничего не помогало. Через час голова у меня гудела, на полу валялись порванные воздушные шарики и конфетные обертки, пахло пеленками.

И вот когда во главе с массивным дедом порог переступили трое крепких близнецов с хоккейными клюшками, я не выдержал: я малодушно укрылся от будущих Харламовых и Петровых в кабинете редактора, открыл окно и спрыгнул в крапиву. Со второго этажа.

„ОБРАЗЦОВАЯ СЕМЬЯ“

Юмористический рассказ

Однажды ко мне зашел знакомый инженер Дима. Портрет Димы не сходит с заводской Доски почета. Он способный рационализатор, штатный член президиума всех торжественных собраний, примерный семьянин.

Под стать Диме и его жена, врач Рая — энергичная женщина, лучший лектор общества «Знание». В качестве заключительного мазка характеристики этой семьи остается добавить, что у супругов растет школьник Вовка — круглый отличник и неисправимый общественник. Одним словом, образцовая семья.

Дима был навеселе.

— Обмываешь новую квартиру, — заключил я (несколько дней назад горисполком обменял Диме двухкомнатную квартиру на трехкомнатную).

Дима отрицательно мотнул головой, расслабил узел галстука, расстегнул пуговку сорочки и щелкнул портсигаром. Выпустив клуб папиросного дыма, он начал исповедь:

— У большинства людей есть увлечения в жизни. Один собирает марки, другой зимой и летом торчит с удочкой на реке, третий лепит из глины зверей. Не без увлечений оказалась и Рая. После института нам повезло: горисполком сразу же предоставил однокомнатную квартиру. На протяжении нескольких месяцев Рая деятельно прихорашивала наше гнездышко: перекрашивала стены, покупала мебель.

Наши с ней диалоги были своеобразны.

— Сегодня подошла моя очередь на «Янтарное ожерелье», — сообщил я за обедом. — В отделе у нас эта книга нарасхват.

Рая радостно всплескивала руками, восклицала:

— Идея! Знаешь, какого цвета купим портьеры? Янтарного!

Или:

— В кадрах опьянения, мне кажется, артистка несколько переигрывает, — замечал я после просмотра иностранного фильма «Ключ от квартиры» — Ты как считаешь?

— Я завтра пойду на него еще раз, — заявила Рая. — Не успела запомнить, как расставлена мебель у письменного стола.

Все годы, пока мы жили в этой квартире, над нами с Вовкой тяготели десятки запретов: нельзя касаться руками мебели, нельзя шаркать по ковру ногами, нельзя садиться на диван и стулья. Все нельзя, черт побери! На наши слабые протесты обычно слышали: «Хлопочи о двухкомнатной квартире. Так и быть, одна комната будет ваша с Вовкой». И я хлопотал.

И вот мы получаем двухкомнатную квартиру. Рая бродила по ней с видом лунатика и, пошатываясь от счастья, изрекала:

— Вот здесь поставим кровать. Только не спорь! А тут торшер. Впрочем, нет: кровать лучше там. Ты, пожалуйста, лучше не спорь!

А я и не думал спорить, я блаженно улыбался: у нас с Вовкой будет своя комната! Сын будет делать самолеты, а я выпиливать полочки из фанеры. Господи, знать бы мне, что произойдет в дальнейшем! А в дальнейшем произошло вот что.

Явившись как-то с работы, я с изумлением обнаружил, что из спальни исчезла вся мебель.

— Продала старье, — заметила Рая. — Купим спальный немецкий гарнитур. Будет как у людей!

Полтора месяца мы спали на полу, постелив газеты. Зато сколько было радости у жены, когда в квартире появился этот гарнитур. Рая приводила всех своих знакомых. Знакомые восхищенно ахали и охали.

— Ты видел, какие глаза были у Марии Филипповны, когда она рассматривала трельяж? А Евдокия Ивановна даже позеленела при виде тахты, — восторженно вспоминала Рая после ухода гостей.

Она заперла спальню на ключ, спрятала его в карман халата и торжественно объявила:

— В спальне вы будете только спать!

— А в этой заниматься творчеством, — подсказал я.

Рая энергично замотала головой:

— Должна же быть у нас комната для приема гостей! Скоро ожидается поступление рижской гостиной мебели. У меня вторая очередь в магазине. Надо позаботиться о деньгах.

Рая взяла совмещение в двух или трех местах, я выпросил дополнительную работу, а Вовка собирал тряпки и кости и сдавал их в киоски Вторсырья. Вскоре в гостиной засверкал лаком новый гарнитур. К нам опять идут экскурсии. А мы с Вовкой обитаем на кухне. Однако всякому терпению приходит конец. Мы начали роптать, и Рая смилостивилась:

— Вот если бы у нас была трехкомнатная квартира, то одну из комнат, так и быть, я бы предоставила в ваше распоряжение.

— Не кажется ли тебе, что ты уподобилась широко известному персонажу из Пушкинской сказки? — заметил я.

— А тебе начихать на семейный уют! Можешь не беспокоиться — хлопотать буду я.

В ход было брошено все: и письма в разные инстанции, и сверхактивное участие в общественной жизни, и угрозы. Уверен, что председатель горисполкома ушел раньше времени на пенсию из-за Раи. Заведующего горкомхозом она довела до стенокардии.

Дима смолк и закурил новую папиросу.

— А что же сейчас? — поинтересовался я.

— Зайди — увидишь...

Инженер мрачно ухмыльнулся и вышел, не попрощавшись.

К. МАКСИМОВ.

Редактор Ш. ТАРХАНОВ.

* *Творчество читателей*

Е. Соснина. Из поэтической тетради

Озерцо на тоненькие пяльца
Надеваю. За окном снега...
Я сегодня исколола б пальцы,
Вышивая гладью берега.

Даже без канвы легко и плавно
Вышью каждый камешек со дна.
Ты бы видел, как свежо и славно
Я рисунку придаю тона.

Замело дома... А тут озера —
Белый цвет и ярко-голубой...
Только все не подберу узора
К месту, где расстались мы с тобой.

* * *

Настрою день на новую волну,
Отброшу груз воспоминаний лишних,
Рукою легкой лодку оттолкну
И в царство дремоты скользну неслышно.
Но робкий всплеск тяжелого весла!
Я не хотела! — Реченьку разбудит,
Пугливо вздрогнет сонная ветла
И сны уже досматривать не будет.
Встревоженная птица прокричит.
В местах, где берега совсем отлоги...
Лишь солнца равнодушные лучи
Останутся и холодны, и строги.
Настрою день на новую волну,
Рукою легкой годы оттолкну...

К. Максимов. Юмореска

„ЗАПОРОЖЕЦ“

Я купил «Запорожец». Он и [illegible] меня за грибами с малиной, к теще в село и за харчами, пока однажды сосед, который прогуливал собаку, не остановился около моего автомобиля. Я запирал гараж, чтобы ехать к сыну в пионерлагерь, а сосед внимательно слушал работу мотора на холостых оборотах.

— Послушай, — сказал сосед, — у тебя барахлит третий цилиндр. По-моему, свеча не работает.

Я скептически усмехнулся и поехал, но всю дорогу прислушивался к мотору. Да, черт возьми, сосед, видимо, прав: что-то ненормальное почудилось и мне. Вдруг встанет «Запорожец» среди дороги. Вот будет номер! Придется просить попутные машины, чтобы взяли на буксир. И далеко не каждая остановится! Сколько нервов истреплешь. От этих мыслей у меня сжалось сердце. Я развернул автомашину и направился домой.

Вернувшись, постучался в квартиру пенсионера дяди Васи. Дядя Вася когда-то работал механиком по швейным машинам. Он с глубокомысленным видом долго вывинчивал и опять ввинчивал свечи, стучал по электродам, пока не сломал один. После чего объявил:

— Можешь спокойно ездить на трех цилиндрах — потянет! Между прочим у твоего «Запорожца» не мешало бы тормоза подрегулировать. Но мне не время.

Регулировкой тормозов по моей просьбе занялся сосед с сыном. Они долго ползали под машиной с ключами, спорили, оборвали один из шлангов и ушли, заверив меня, что сейчас «Запорожец» будет останавливаться, как хорошо объезженный конь, едва я коснусь педали. На прощанье заметили, что у автомашины нарушено схождение колес.

Очередное воскресенье я посвятил схождению колес. Возле моей машины собралась целая толпа автолюбителей.

— Крути вот эту гайку, — советовал один знаток.

— Что ты понимаешь? — возражал ему второй знаток. — Наоборот, надо крутить ту!

Кто-то обнаружил, что у «Запорожца» стучит в коробке передач, не все ладно с рулевым управлением. Устранить стук и неполадку на мой призыв вызвались сразу трое автолюбителей. Они полдня ковырялись в шестеренках, охрипли от дискуссий, но дело, по их словам, сделали как на станции техобслуживания.

Когда я завел мотор, «Запорожец» с чиханием и скрежетом помчался вправо, хотя я крутил влево, потом вдруг понесся задом, сделал круг, хрюкнул, гавкнул и треснулся о бетонный столб.

Вы случайно не знаете, где принимают металлолом?

Юмореска

ПОДАРОК

К. МАКСИМОВ

НАКАНУНЕ восьмого марта жена Нюра сказала мне:

— Завтра наш праздник. Утром у нас торжественное собрание, а потом девчата замыслили лыжную вылазку. Вернусь к обеду. Так что хозяйничай один. Посмотрим, на что ты способен.

Вы заранее, конечно, ухмыляетесь: знакомая, мол история. У мужа, конечно, ушло тесто, убежало молоко, вместо соли он положил порошок для бритья, шланг пылесоса прикрутил не к той дырке, и квартира стала похожа на хлев, а трехлетний сын — на поросенка. Ничего подобного!

Когда ровно в двенадцать вернулась Нюра, квартира у меня сверкала чистотой, на белоснежной скатерти красовался капустный пирог, а на ковре сидел наш Санька, умытый и сытый, и сооружал из кубиков плотину.

— Извините, я попала не в свою квартиру, — пробормотала потрясенная Нюра. — А, может, я сплю?

— Ты не спишь и попала в свою квартиру, — заверил я жену. — Раздевайся, пока не остыл пирог.

— Расскажи, как тебе все это удалось сделать за каких-то три часа? — полюбопытствовала Нюра после того, как от пирога остались одни крошки. — Тебе, наверно, кто-то помогал? Может, ты применил научную организацию домашнего труда? Открой секрет!

— Ничего я не изобретал, никто мне не помогал. Все очень просто. Итак, после твоего ухода я пошел хлопать ковер. На лестнице мне повстречалась тетя Нина с третьего этажа. Я не стал с ней обсуждать новый метод лечения гипертонии. Когда я мыл пол, я не высовывал голову за дверь, чтобы выяснить, кто стучится в квартиру напротив. В овощном магазине я не перебирал по получасу капустные кочаны, а в кулинарном, покупая тесто, не гадал вместе с твоей знакомой продавщицей, кто родится у ее снохи — мальчик или девочка. Когда во время приготовления обеда позвонила сестра Лариса, я не дискутировал с нею о способе вязки жилетки, а с зашедшей за сковородкой соседкой Наташей не разбирал достоинства и недостатки ее женихов. На протесты нашего Саньки против купания я не бегал для него в киоск за мороженым и не стоял на голове, когда он отказывался есть манную кашу. Все остальное, говоря языком хоккейных комментариев, дело техники.

— Ты гений, милый! — восторженно захлопала в ладоши Нюра. — А скажи, дорогой, какой подарок приготовил ты мне к празднику?

— Боже мой! В хозяйственной суете я совсем забыл про подарок. Нюра, уловив мое смущение, снисходительно улыбнулась.

— Ладно, я тебе сама помогу. Но прежде дай слово, что выполнишь мое желание.

Разве можно отказать в такой день в чем-нибудь любимой женщине? Я торжественно обещал.

— Возьми на себя, как ты выразился, дело техники.

У меня потемнело в глазах, похолодело в животе. Но слово надо держать. С того дня я мою, стираю, глажу, пеку, варю, скребу, штопаю и покупаю. Нюра же делает все остальное.

Редактор Ш. ТАРХАНОВ.

«СПОРТСМЕНЫ»

Юмореска

ПОЗДНИМ утром мы с Лешкой нежились под одеялами в своем общежитии. Лешка пыхтел над кроссвордом «Спортивный», а я наблюдал за мухой, которая кружилась вокруг плафона. Я загадал: если муха, устав вертеться, усядется на плафон, то вечером со Светкой пойдем в кино, а если на потолок — то на танцы.

— Послушай-ка, — сказал Лешка, — что такое: схватка двоих, в которой каждый старается осилить другого.

— Драка, — сказал я.

— Не подходит. Тут шесть букв. А что такое: бег или гонки с препятствиями по пересеченной местности?

— Кросс.

— Точно! — обрадовался Лешка и вдруг уселся на койке. — Знаешь, гениальная идея пришла мне в голову: давай с сегодняшнего дня заниматься спортом. Например, кроссом. В техническом училище быстрее меня никто не бегал. Бег укрепляет мышцы ног, развивает легкие.

Лешкина мысль мне понравилась. Но где достать спортивный костюм? В пиджаке и брюках бежать неудобно, прохожие будут удивленно оборачиваться: куда это, мол, два охломона мчатся сломя голову.

— У меня есть костюм! — воскликнул Лешка на мои опасения и, вскочив, выволок из шифоньера ярко-красные свитер и шаровары. — Вот! Ты наденешь свитер, а я — штаны. И все будет в норме.

Мне тотчас представилось, как мы выбегаем из дверей общежития. А напротив него универмаг, где на готовой одежде работает Светка. Сейчас утро, покупателей в магазине почти нет, и продавщицы стоят у огромного, во всю стену окна, глазеют на улицу и базарят. «Девочки! — кричит на весь универмаг Лариса с галантереи, самая ехидная девчонка. — Посмотрите-ка, Светкин дружок где-то штаны посеял, летит в свитере и трусах». Естественно, всеобщий хохот, самолюбивая Светка поцапается с Ларисой, а со мной не только на танцы не пойдет, даже здороваться не будет.

—Да, кросс отпадает, — вздохнул Лешка, выслушав меня. — Притом вон дождь пошел. А не заняться ли нам тяжелой атлетикой. Поднятие тяжестей развивает мускулатуру рук и брюшного пресса. Штанги у нас, правда, нет, но нам ее заменят четыре кирпича, привязанные к концам карниза. Сними-ка с окна карниз, а я сбегаю за кирпичами.

Штанга у нас получилась на славу. Я ее поднял двадцать семь раз. Лешка решил перекрыть мой рекорд, но не удержал вес. На грохот явилась комендант тетя Дуся.

— Вы что хулиганите? — задребезжала она. — Кирпичей в комнату натаскали! Шторы сорвали! Да я вас сегодня же выселю!

Еле успокоили тетю Дусю.

— Не дают прорасти спортивным талантам, — посетовал неугомонный Лешка. — Может, нам в шахматишки сыграть? Шахматы развивают мышление, вырабатывают терпение и выдержку. Тоже спорт!

Встав на стул, он достал с шифоньера шахматы, смахнул с них пыль, но когда расставили фигуры, оказалось, что не хватает ферзя, двух слонов, трех коней и одиннадцати пешек.

— Тьфу! — плюнул в досаде Лешка и завалился с кроссвордом на койку. — Что же это такое: схватка, в которой каждый старается осилить другого?

— Борьба! — догадался я.

— Правильно! — определил Лешка. — Поехали дальше!

К. МАКСИМОВ.

К. МАКСИМОВ

ИЗ ФРОНТОВЫХ БЫЛЕЙ

Был у нас в орудийном расчете зенитной пушки солдат Иванников. Щеголь, балагур, но лентяй. Числился он пятым номером. Этот номер во время стрельбы подает заряжающему снаряды, он же и отвечает за их состояние. И надо сказать, что снаряды у Иванникова в редкую проверку оказывались в порядке. То, смотришь, в пыли, то ржавые.

Командир огневого взвода лейтенант Нистратов, часто проверявший снаряды, бывало, направляясь к нашему орудию, еще издали кричит:

— Иванников, открывайте!

Иванников, сокрушенно вздыхая, под ехидное хихиканье всего расчета и негодующее ворчанье командира орудия распахивает ящики. Так и есть: опять ржавые!

У лейтенанта был своеобразный тариф. В ящике четыре снаряда. За первый ржавый снаряд следовало замечание, за второй — предупреждение, за третий — выговор, а за четвертый — наряд вне очереди.

Однажды, как обычно, Нистратов проверял снаряды.

— Так! Делаю вам, Иванников, замечание. Показывайте второй снаряд. Ага! Предупреждаю вас. Поворачивайте третий. Получайте выговор. А как выглядит четвертый?

Но четвертый снаряд лейтенанту проверить не удалось— объявили тревогу. Убегая, он пообещал Иванникову:

— После отбоя тревоги обязательно приду!

Появился фашистский самолет, батарея открыла огонь. Я заметил, что во время стрельбы Иванников проявил необычайное проворство, подавая снаряд за снарядом заряжающему.

Едва объявили отбой, как появился Нистратов.

— Показывайте снаряды.

— Их нет, товарищ лейтенант! — доложил Иванников.

— Как это «нет»?

— К фрицу улетели!

Долго в тот вечер смеялись солдаты.

Во время воздушного налета на мост через Оку наша батарея подбила «Юнкерс-87». Об этом сообщили с нашего наблюдательного пункта, что в семи километрах от батареи. «Юнкерс» сел на покос. Женщины и старики не испугались, с граблями и косами окружили самолет.

Экипаж «Юнкерса» (он состоял из двух человек) доставили на батарею и поместили в землянку хозотделения до прибытия машины из штаба.

Батарейный повар ефрейтор Иван Петрович Крылов, пожилой, человек добрейшей души решил покормить летчиков. Повар жил еще довоенными представлениями о немцах. Он считал, что Гитлер и его приспешники задурили им головы, внушили, что русские — враги. Вот они пообедают и сразу поймут, что мы их друзья.

Пыхтя от переполнявших его высоких чувств, Петрович поставил перед каждым летчиком чуть не по полному котелку макарон, щедро заправленных тушонкой, и отступил на шаг в предвкушении приятного эффекта. Летчики сидели за столом, гордо дымили сигаретами и не обращали никакого внимания на толпившихся в землянке солдат. Пленными они себя не чувствовали.

— Кушайте, пожалуйста! — улыбаясь, сказал Петрович.

Стрелок, скосив глаз на макароны, о чем-то спросил своего командира, тот презрительно усмехнувшись, что-то ответил. И тогда стрелок смахнул оба котелка на пол.

Солдаты возмущенно загалдели. Петрович побледнел и, развернувшись, так трахнул по щеке стрелка, что тот ударился головой о стенку.

— Ефрейтор Крылов, как вы смеете бить пленного! — послышался строгий голос: в землянку спускались комбат с комиссаром.

— Да он свинья такая... — повар не мог даже говорить от обиды, губы его тряслись.

— Надо было и второму врезать! — заметил комбат.

— Я это могу... — встрепенулся Петрович.

— Отставить! — приказал комбат. — Идите к себе!

У выхода повара задержал комиссар:

— Ну как, Петрович, понял теперь, что такое фашист? Политбеседу проводить не требуется?

— Понял, товарищ комиссар

С ПОЗИЦИИ СИЛЫ

ТЕЛЕВИЗОР испортился в тот самый миг, когда Михайлов забил шайбу в ворота «Торпедо». Анатолий Семенович завыл от огорчения, бросился к соседу, но сколько ни трезвонил, никто не открыл. Видимо, сосед куда-то ушел. Со вторым соседом по лестничной площадке Анатолий Семенович находился в ссоре.

— Проследи, чтобы Андрюша выполнил домашнее задание по русскому да проверь его дневник, — попросила Анатолия Семеновича жена, — пока я буду на родительском собрании. Вообще не мешало бы с твоей стороны побольше уделять внимания сыну, а не торчать все вечера у телевизора.

Жена ушла. Анатолий Семенович с минуту слонялся по комнате, на всякий случай постучал по темному телевизору и, наконец, заглянул к сыну. Лопоухий пятиклассник Андрюшка выстругивал из сломанной лыжи саблю.

— А ну-ка, аника-воин, как у тебя дела с русским?

— Нормально!

— Все выполнил? Тогда давай в шахматишки сгоняем. Слышал, что мать рекомендует? Побольше заниматься с тобой!

Первую партию Анатолий Семенович играл рассеянно — все прикидывал, как будет выглядеть турнирная таблица чемпионата, если сегодня ЦСКА победит. Поэтому для него было полной неожиданностью, когда сын воскликнул:

— Мат!

— Погоди, погоди, приятель... Как это так?

— Нечего годить, — отрезал Андрюша. — Продул партию!

— Ну, знаешь, это у меня была разминка. Давай-ка еще сыграем!

— Я тоже играл в полсилы, — великодушно ответил Андрюшка, расставляя фигурки.

В конце второй партии у Анатолия Семеновича на доске остался

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

только король, у Андрюшки — король и слон.

— Ничья! — заключил сын. — Такими силами мата не сделаешь. Поражение пошло тебе на пользу. Контрольную будем играть?

«Ух ты, чертенок! — поднявился Анатолий Семенович. — Давно ли я его учил шахматам? Кажись, в первом классе. А уже Карповым себя мнит».

В третьей партии Анатолий Семенович долго размышлял над каждым ходом. Андрюшка же двигал фигуры, почти не задумываясь. «Ишь, насобачился, — с неудовольствием констатировал Анатолий Семенович. — Поди еще разряд имеет. Но обыграть я его обязан. Для авторитету».

Однако, когда Анатолию Семеновичу, по его расчетам, оставалось сделать два-три хода до победы, Андрюшка крикнул:

— Мат тебе! Ха-ха-ха!

— Ладно, радуйся, торжествуй, — недовольно пробормотал Анатолий Семенович, сгребая фигурки в коробку. — Ты вот лучше скажи мне, гроссмейстер: выгладил себе брюки к завтрашнему дню?

— А че их гладить? Выгладишь, наденешь — они опять изомнутся.

— Сейчас же включай утюг и гладь!

Андрюшка, ворча что-то себе под нос, отправился с брюками на кухню, а Анатолий Семенович принялся вышагивать по комнате. «Эх, надо было мне конем ходить, а не ладьей. Вот не додумал». Он выпил стакан боржоми, полистал журнал, а досада от проигрыша не проходила. Из кухни звонко доносилось:

— Пора... пора... порадуемся!..

«Распелся! Радуется негодный мальчишка, что обыграл отца. Завтра всем товарищам расхвастается».

Анатолий Семенович направился в кухню, в раковине громоздилась гора грязных тарелок.

— Выгладишь брюки — помой посуду. И прекрати эту дурацкую песню!

— Мама вымоет...

— Поменьше рассуждай, а побольше делай!

Когда Андрюшка разделался с посудой, Анатолий Семенович потребовал у него дневник.

— Ба! Да у тебя почти одни тройки! Хорош гроссмейстер!

— А у тебя были двойки, — парировал сын. — Мне мама твой дневник показывала.

— Не твое дело! — рявкнул Анатолий Семенович, наливаясь багрецом. — Показывай, как выполнил упражнение по русскому. Так и знал: грязь! Перепиши!

—Чего придираешься? — взвился Андрюшка. — Проиграл и придираешься. Кто виноват, что ты слабак.

— Я тебе покажу «слабак»! — взревел Анатолий Семенович и бросился на сына. С наслаждением отпуская Андрюшке увесистые шлепки пониже спины, он чувствовал, как досада покидает его сердце. Анатолий Семенович окончательно ощутил прежний подъем духа, когда услышал за стеной знакомый голос Н. Озерова, ведущего репортаж с хоккея, — вернулся сосед. Отшвырнув ревущего сына, Анатолий Семенович помчался к входной двери, весело напевая:

— Пора... пора... порадуемся!

К. МАКСИМОВ.

Вниманию слушателей факультета журналистики!

26 ноября в 17-15 при редакции газеты «Искра» состоится очередное занятие.

Зам. редактора А. МАМЕТЬЕВ

Юмористический рассказ

НАЖИВКА

В ОТПУСК я поехал к своему другу Степану. Поселок, в котором он живет, стоит на берегу обширного озера. И вполне понятно, все его жители — отчаянные рыболовы. Остряки утверждают, что первые слова, которые выговаривают поселковые младенцы, не банальное «уа-уа». а «рыба, рыба».

Поэтому когда я утром проснулся, Степан уже готовил удочки, чтобы попотчевать меня свежей ухой. Делал он это с таким вдохновением, точно изобретал колесо.

У меня к рыбалке глубокая антипатия. Сидеть часами неподвижно, уставясь на воду, я считаю глупейшим занятием, бессмысленным расточительством дорогого времени. И нетрудно понять мое неудовольствие, когда за Степаном вдруг приехали на мотоцикле из мастерской, где он работал механиком, чтобы решить какое-то неотложное дело, и он протянул мне удочку со словами:

— Прошу тебя — займи место у коряги. Это мое любимое. Леску знаешь как закидывать? Не беда! Там рыболовов тьма. Увидишь. А удилище надо брать не за тонкий конец, а за толстый. Вот так. Это крючок. Не уколись. На него прикрепляют наживку: муху, червяка или, там, хлеб. В общем, поторапливайся. Через полчаса вернусь.

И он укатил. А я побрел на пруд. Всходило солнце, по берегу торчали рыболовы, в навозе копошились куры.

Я оседлал корягу, машинально нашарил в кармане крошку от бутерброда, что съел вчера в электричке, (ловить мух и копать червей я просто брезговал), насадил на крючок и забросил леску. Очень хотелось спать. Я широко открыл рот, позевывая, но закрыть его не успел: дедок в соломенной шляпе, что стоял в трех метрах от моей коряги, крикнул:

— У вас клюет! Подсекайте!

Я посмотрел на кур. Они ничего у меня не клевали, просто купались в пыли.

— Да гляните быстрей! — раболов подскочил ко мне, дернул за леску, — и на траве затрепыхалась красноглубая золотистая рыбина.

— Боже мой! Сазан! — ахнул дедок и, вытянув из кармана дрожащими руками портновский сантиметр, приставил его к сазану. — Сорок три сантиметра! Чудо! И это в нашем озере!

«Сазан!». «Почти полметра!» — возбужденно загалдел берег. Не менее десятка рыболовов ринулось к коряге, человек пять окружили меня, требуя сообщить, какую я насадил на крючок наживку. Они трясли меня, вывернули и обнюхали все карманы. Допрашивали с пристрастием:

— Какая была колбаса: докторская, краковская или диетическая?

— А я откуда знаю?

— Какой был хлеб: заварной, московский или сдобный?

— Идите к лешему!

Когда я, держа под мышкой сазана, шел поселковой улицей, на всех встречных мужчин и мальчишек нападал столбняк.

У Семена глаза сделались квадратными, он ахнул от удивления и умчался на озеро, позабыв обо всем.

В тот день, куда бы я ни шел, слышал одно: «Вот он! Представляете, всего раз в жизни закинул удочку и, пожалуйста, — метровый сазан!». «Везет же дуракам», «Все дело в наживке, но он ее держит в строгом секрете, жмот несчастный!»

Чтобы избавиться от докучливого внимания, я взял книгу и уединился в огороде под липой. Но одиночеством наслаждался не больше часа. Ко мне заявился Степан с бутылкой.

— Если меня уважаешь, то скажи, какую наживку использовал на сазана.

— Отвяжись от меня! — крикнул я. — Я уже сто раз говорил: крошка хлеба от бутерброда!

— Расскажи об этом своей бабушке, — буркнул Степан, и мне стало ясно: друга я потерял навсегда.

Едва стемнело, я потихоньку вылез из кустов, где скоротал остаток дня, и вышел к дороге, надеясь уехать на попутной машине на станцию. Громоздкий «ЗИЛ» вскоре затормозил возле меня.

— До станции? Это не ты сегодня выудил полутораметрового сазана?

Я сделал попытку выскочить из кабины, но шофер вцепился в меня точно клещ.

— Послушай, приятель, довезу бесплатно, на руках в вагон занесу, только открой секрет: какая была наживка, — умолял он.

Перед радиатором замаячила фигура поселкового милиционера.

— В чем дело, граждане? А ну-ка, пройдемте в отделение.

Составив протокол и сделав внушение шоферу, милиционер подмигнул мне.

— А вас я выпущу только тогда, когда сообщите мне про наживку.

— Сто лет просижу, но не скажу, — заявил я и демонстративно растянулся на жесткой скамье.

— Дежурный строго наказан за злоупотребление служебным положением, — уведомил меня утром начальник отделения. — Приносим глубокие извинения. Я вас лично доставлю к утреннему поезду, а по дороге, — начальник перешел на шепот, — вы мне скажете, какой наживкой пользовались...

К. МАКСИМОВ.

Редактор Ш. ТАРХАНОВ.

НОВОГОДНЕЕ ПЛАТЬЕ

ЮМОРЕСКА

К. МАКСИМОВ

Моя жена Таня купила к новогоднему балу платье. Я на ее месте выбросил бы упаковку, в которую завернули ей платье в магазине, бечевку спрятал бы в столик — пригодится, а платье повесил в шифоньер и спокойно стал бы дожидаться Нового года. Но Таня — женщина! Едва она сбросила с плеч шубку, надела это платье, прошлась перед трюмо и спросила:

— Как находишь платье?

— Чудесное! — ответил я.

— Нет, ты мне скажи: нравлюсь я тебе в нем или нет?

— Ты мне нравишься в любом платье.

— Гм, «нравишься», — обиженно скривила губы Таня. — А у самого ехидство в глазах и этакая насмешливая улыбка. Нет, что-то в платье неладно.

Видит бог, что у меня не было ни ехидства в глазах, ни насмешки на губах. Платье, действительно, очень шло Тане. Оно василькового цвета, и голубые Танины глаза от него казались еще глубже, а поясок подчеркивал стройность фигуры. Все это я не замедлил высказать жене. Но, презрительно фыркнув, она позвала соседку Марию Степановну, чтобы получить рецензию на покупку.

— Господи! — воскликнула Мария Степановна, выслушав жалобы Тани по моему адресу. — Что понимают мужчины в платьях? Они вообще ничего не понимают: глупы от природы. Платье, конечно, премиленькое, но для вас длинновато. А вы молодая. Подшейте его сантиметра на четыре.

Таня не привыкла откладывать дело в долгий ящик, и застучала швейная машина.

На очередные смотрины платья была приглашена соседка Соня.

— Преотличное платье! — восхитилась Соня. — Вот если бы еще белую отделку пустить по краям рукавчиков и воротника, было бы просто прелестно! А укоротила ты его зря: сейчас в моде длинные, тем более ты идешь на бал.

В квартире вновь застучала машинка, на рукавах и воротнике появилась белая отделка, а платье обрело прежнюю длину.

— Знаешь, на кого ты похожа с этой отделкой? — определила тетя Нина, зашедшая к нам за дрожжами. — На швейцара из ресторана. Отпори немедленно! А если уж хочешь быть на балу неотразимой, сделай вышивку на груди. У меня есть узор, канва и мулине. Вечерок с иголкой посидишь, зато мужики от тебя глаз не оторвут, на танцы наперебой будут приглашать.

Отделку Таня отпорола и до ночи сидела над вышивкой.

Утром к нам заглянула подруга школьных лет — Валя.

— Танюха! Какая пошлость! Кто сейчас с вышивкой ходит? Если хочешь моего совета, так вот: сделай из светло-голубого шелка аппликации по всему подолу. Нашей, допустим, силуэты рыбок и корабликов. Будет свежо и оригинально.

До Нового года оставалось не больше четырех часов, когда Таня, ликвидировав вышивку, заканчивала аппликации корабликов и рыбок. Прибежали из цеха Лариса и Оля, чтобы вместе идти на бал. Таня надела платье и гордо прошлась перед подругами: «Ну как?»

— Танюша, ты не обижайся, — сказала Оля, — Платье, конечно, что надо! Но своей аппликацией оно напомнило фартучек моей Оксаны: там точно такие кораблики.

— А глядя на рыбок, я вспомнила слюнявчик моего Андрейки, — сказала Лариса.

Общими усилиями аппликации были спешно отпороты, платье тщательно вычищено и отглажено.

— Вот теперь ладно, — сказала Таня.

Когда я заметил Тане, что платье стало точно таким, каким она его принесла три дня назад из магазина, ответ был уничтожающим: «Много ты понимаешь в платьях».

Следующий номер «Искры» выйдет 6 января 1981 г.

Редактор Ш. ТАРХАНОВ.

К. Максимов

ЛЕЧЕБНОЕ СРЕДСТВО

Юмористический рассказ

СЕЙЧАС у нас многие лечатся. Полистайте любую подшивку газет или журналов, послушайте радио или телевизор, и вы прочитаете или услышите немало благожелательных советов специалистов по применению того или иного народного средства. И трудящиеся охотно следуют этим советам, и это хорошо, ибо в здоровом теле — здоровый дух, как говорили древние римляне.

Вот недавно вместе со своим другом, песиком Кузей, еду в автобусе к излюбленному месту отдыха — березовой рощице, что в десяти километрах от города. Там мечтательно шумят березки, пересвистываются пичуги, суетятся возле своих куч муравьи, цветет земляника.

Вдруг рядом садится мой знакомый Пал Палыч с полиэтиленовым мешком солидных размеров. А в пакете какая-то темная шевелящаяся масса.

— Что это такое? — спрашиваю.

— Муравьи, — отвечает Пал Палыч. — На садовый участок везу. Вывалю их возле грядки с клубникой, сяду на кучу — пусть мой ревматизм вылечивают, а заодно всех вредных насекомых с растений истребляют. Вот читай! — И протягивает мне журнальную вырезку, где видный ученый очень популярно рассказывает о пользе муравьев.

Когда мы с Кузей приехали в свою рощицу, то не обнаружили ни одного муравейника.

А спустя некоторое время я прочел в еженедельнике статью академика о том, что настой корней земляники способствует укреплению волос. После его выступления из рощицы исчезла вся земляника. Вместе с корнями.

— Не будем, Кузя, расстраиваться по пустякам, — сказал я своему четвероногому другу. — Жизнь прекрасна и удивительна. Не правда ли? Смотри, как набухли почки на березах. Они скоро распустятся и, как поется в песне, лес захлопает в зеленые ладошки.

Через неделю, когда мы с Кузей вновь ступили в рощицу, мое сердце екнуло: под каждым деревом хлопотали люди. Звенели бидоны, летели щепки, стонали деревья.

— Что ты делаешь, негодяй? — крикнул я долбившему березу лохматому, как пудель, парню в резиновых ботфортах.

Вместо ответа парень нажал на кнопку магнитофона. Приятный баритон запел о том, как Россия поила его березовым соком. Затем песня прервалась лекцией, из которой я узнал, что березовые почки — прекрасное мочегонное средство, а отвар из березового листа способствует выделению желчи.

Вскоре от рощицы остались одни лопухи. Но мы с Кузей по старой памяти ездим на любимое место, как родственники на могилу дорогого человека. Я читаю, а Кузя шныряет под лопухами, собирая, к моему неудовольствию, на хвост и спину репьи. Это мне надоело.

— Послушай, — сказал я однажды знакомому аспиранту. — Ты ищешь тему для диссертации? Подумай-ка об использовании лопухов.

— А это идея! — загорелся аспирант. И через год в знак благодарности он мне прислал брошюрку, в которой доказывал, что настой из корней лопухов хорошо помогает при радикулите. На титульном листе стояла фамилия знакомого аспиранта, теперь уже кандидата наук.

На месте березовой рощи мы с Кузей обнаружили только консервные банки, бутылки и окурки.

В порыве ожесточения я настрочил статью, в которой утверждал, что если жестяные банки размолоть на наждаке, а бутылки растолочь в ступке, а окурки сжечь, полученные опилки и пепел смешать, прокипятить, остудить и тщательно процедить, то получится микстура от всех существующих и несуществующих болезней. Статью я подписал «доктор наук» и отослал в газету. Ее напечатали.

И через пару дней наша полянка засверкала чистотой, как футбольное поле в день ответственного матча.

Редактор Ш. ТАРХАНОВ.

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

НАТРЕНИРОВАЛАСЬ...

В городе проходили соревнования по четырехборью, в которые входили бег, прыжки, гиря и самбо. И когда эти соревнования закончились и судьи приступили к награждению спортсменов и самый главный судья в модных сиреневых очках выкликнул в микрофон фамилию победителя, на поле стадиона выскочила миловидная худенькая женщина лет двадцати пяти с небольшой родинкой на щеке. В ярком цветастом платье, лучезарно улыбаясь, она вспорхнула на ступеньку под цифрой «1».

— Гражданка, — строго сказал главный судья. — Здесь не место для шуток. Освободите пьедестал!

— Но вы меня вызвали! — удивилась женщина. — Моя фамилия Быстрых, а имя — Евгения. Я участвовала в соревнованиях. У вас там, правда, в протоколе ошибка: написано «Евгений».

— Минуточку! — крикнул в микрофон главный судья. — Сейчас разберемся. Как же так? — обратился он к младшим судьям. — Неужели эта женщина поднимала гирю и боролась? Тут какая-то путаница.

— Никакой путаницы, — отвечают младшие судьи. — Она самая. Вон и родинка на щеке...

— Но неужели по костюму и прическе не могли отличить женщину от мужчины? — удивляется главный судья.

— Да они все в брюках и все с дамскими локонами, — отвечают судьи.

Делать нечего. Пришлось Евгении вручать медаль и подарок, тем более, что зрители на стадионе, особенно женщины, начали аплодировать, топать и кричать по складам: «На-гра-ду Же-не Бы-стрых-».

Ну, конечно, возле Жени закрутились фоторепортеры, корреспонденты из газет и радио.

— Скажите, Женя, — подошел к ней с микрофоном самый дотошный корреспондент. — Как вам удалось достичь таких показателей?

— Ежедневными тренировками, — ответила Женя. — А они у меня начались, как только вышла замуж.

— Сколько же секций вы посещаете?

— Ни одной! — ответила Женя.

— Как? — удивился корреспондент. — Нельзя ли поподробнее.

— Пожалуйста, — ответила Женя. — Можно поподробнее. Дом, где я живу, находится на окраине. До автобусной остановки километр. Торопясь на работу, я это расстояние вначале пробегала за две минуты, а сейчас в два раза быстрее. Подготовиться к соревнованиям по прыжкам мне помогли строители: в нашем районе они оставили незасыпанные ямы и канавы. Сейчас я, как кенгуру, преодолеваю без разбега двухметровую траншею. Гирю я довольно быстро освоила благодаря магазинам, прачечным и мастерским: ежедневно доставляю к себе в квартиру на пятый этаж по пуду различных продуктов, постиранного белья, починенной обуви. Когда появились дети, к этому грузу добавился их вес, а также вес санок, колясок, велосипедов, ковров, которые каждую субботу выхлопываю, и ведер с мусором. Сейчас за день из квартиры и обратно перетаскиваю по двести килограммов.

Поэтому двухпудовую гирю я легко выжала пятьдесят раз. А самбо пришлось изучать из-за мужа. Трезвый он ничего, нормальный человек, даже иногда посуду вымоет, а как нарежется — начинает нецензурно выражаться и кулакам волю дает. Раздобыла я в библиотеке самоучитель по самбо, ознакомилась. И сейчас, как только мой благоверный начинает поднимать хвост, делаю ему подсечку или там провожу бросок через бедро. И через минуту лежит он связанный ремнем от собственных брюк и с кляпом во рту на диване, только мычит, да глазами хлопает.

К. МАКСИМОВ.

Зам. редактора А. МАМЕТЬЕВ.

К. Максимов

ПРИМЕРНЫЕ ДЕТИ

ЮМОРЕСКА

Мы с сестренкой Людкой решили стать примерными детьми. Нам надоело ежедневное: «Людмила, вымой посуду!», «Григорий, вычисти ботинки!», «Людмила, подбери книги», «Григорий, повесь пальто на вешалку!» и т. д. и т. п.

Гринька, — сказала Людка, — завтра первое число, и мы начинаем жить по-новому.

— А почему именно с первого числа? — спросил я. — Может, лучше со второго или с пятого?

— А потому, — ответила Людка, — что историю любого события легче всего вести с первого числа. Пройдет месяц, и мы можем похвастаться, что, мол, уже целый месяц мы — примерные дети. А во-вторых, завтра папа и мама пойдут в кино, а когда вернутся, то с радостным изумлением увидят в квартире шик-модерн. Сюрприз для них. Усек? На меня и тебя посыплются благодарственные родительские поцелуи, деньги на фруктовое мороженое и обещание подарить мне пуделя, а тебе — зеленого попугая.

Задумано — сделано. Едва за папой и мамой захлопнулась дверь, мы принялись наводить в квартире порядок. Скребли, мыли, терли и попутно совершали немало удивительных находок и открытий.

— Гринька, смотри, что я нашла! — кричала Людка из прихожей, вытягивая из-за трюмо пропыленные джинсы, которые она затолкала туда еще позапрошлой осенью, когда вернулась с копки колхозной картошки, а потом целую неделю безуспешно искала.

— Смотри, я что нашел! — кричал я, сбрасывая с настенных часов отцовский тапочек, который улетел туда неделю назад, когда мы с Людкой подрались из-за шпионской книги.

И вот после нашей двухчасовой трудовой деятельности трехкомнатная квартира засверкала чистотой, как перед большим праздником. А мы с Людкой сидели на диване и обсуждали, куда поместим щенка и попугая. Хлопнула входная дверь — это вернулись из кино родители.

— Боже мой! Что такое? — послышался испуганный голос мамы.

— Может, мы попали в чужую квартиру? — усомнился папа.

— Нет, — ответила мама, — квартира наша. — Вот стоят мои красные боты и висит твоя рыбачья куртка с заплаткой на левом рукаве, которую я пришила утром.

— Людмила! — крикнул папа.

— Григорий! — позвала мама.

— Что вы опять натворили? — хором спросили они, когда мы явились на зов.

— Мы решили стать примерными детьми! — объявила Людка.

— Не морочьте нам головы! — возмутился папа. — Лучше говорите, что разбили или сломали. Чистосердечное признание смягчит наказание.

— Ничего мы не ломали! — сказал я.

— И не разбивали! — сказала Людка.

— Так я вам и поверила! — сказала мама. — А ну, марш по углам. И будете стоять до тех пор, пока не признаетесь.

— Мне кажется, они опять кокнули что-нибудь из хрусталя, — предположил папа.

Мама приняла валидол и рванулась к серванту.

— Это ироды, а не дети! Они загонят меня в гроб! Так... шесть ваз... на месте! — бормотала она. — Двенадцать фужеров... Все здесь! Четыре пепельницы, двадцать стаканов, десять бокалов... Вроде, в наличности. Знаешь, я чувствую, что в квартире пахнет порохом.

— Что!? — воскликнул папа и завертел носом. — Точно! Опять ракету делали? Обоих высеку! — он побежал в комнату, загремел ключами, отпирая железный ящик, где хранились охотничьи припасы. Порох оказался в целости.

— Доченька! — сказала мама, нежно привлекая к себе Людку. — Ты давно хотела иметь пуделя. Я завтра же куплю. Но скажи своей мамочке, что вы с братиком натворили?

— Сынок, — сказал папа, обнимая меня. — Давай поговорим как мужчина с мужчиной. Ты мечтал о попугае. Он у тебя будет! Но вначале признайся, что вы напроказничали.

— Мы хотели быть примерными, — захныкали мы с Людкой.

— Марш по углам — заревел папа. — Будете стоять до ужина!

На следующий день наши родители ходили в гости. Когда они вернулись, то облегченно вздохнули, увидев, что возле вешалки валяется один Людкин сапог, а на телефонном столике — второй, что моя шапка висит на люстре, а куртка — на ручке холодильника, что Людкин портфель покоится на кастрюле с лапшой, а мой ранец — в коробке с картошкой, что тарелка с недоеденным винегретом красуется на телевизоре, а объеденная ромовая баба — на диске радиолы.

И началось знакомое: «Людмила, приведи в порядок обувь!», «Григорий, повесь на место свою одежду! и т. д. и т. п.

Жизнь вошла в нормальную колею...

Следующий номер «Искры» выйдет 11 марта.

Редактор Ш. ТАРХАНОВ

К. Максимов

РОЗЫГРЫШ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Председатель постройкома Авдей Матвеевич весь день мотался по объектам, а к концу рабочего дня, видимо, от жары почувствовал себя неважно. Дома он принял таблетку папаверина и выпил стакан «Боржоми». Полегчало. «Прилечь бы на часок-другой», — подумал Авдей Матвеевич. Но предстояло написать еще характеристику сыну прораба Петушкова для поступления в институт. Младший Петушков, чтобы заиметь рабочий стаж, оформился каменщиком к отцу на объект и целыми днями лежал без рубашки на солнце где-нибудь на стене строящегося дома, подсвистывая транзистору. Авдей Матвеевич ни за что бы не стал писать характеристику на этого охламона, да жаль было отца — одного из лучших прорабов стройуправления.

Когда характеристика с присущим ее стилю фразами — «трудолюбив», «дисциплинирован», «пользуется авторитетом» и т. п. — была почти написана, зазвонил телефон.

— Матвеич! — загремел левитановский бас экономиста Пробкина. — Не раздумал в отношении завтрашней рыбалки? Как здоровье?

— Со здоровьем будет полный ажур, — заверил приятеля Авдей Матвеевич. — Сейчас еще пачу таблеток сглотну, завалюсь на боковую, а к утру — как огурчик.

— Послушай, у тебя есть японская жилка? Выручи. У меня была, да куда-то запропастилась. Оставь на столе и ложись. Я вечером заберу.

Положив характеристику на самое видное место стола (за ней хотел зайти Петушков-старший) и придавив ее катушкой с японской жилкой, Авдей Матвеевич не без удовольствия включил магнитолу. Это была заграничная вещь — последнее чудо техники. В установленное хозяином время хитроумное устройство автоматически включало магнитолу, и на ленту заносились, допустим, последние известия или выступления Райкина. Прослушав сводку погоды, которую магнитола записала днем, Авдей Матвеевич направился в спальню.

Проснулся он под утро, рядом похрапывала супруга. Председателю спать не хотелось. Он направился в свою комнату. Ни катушки с японской жилкой, ни характеристики на столе не было. На тумбочке солидно поблескивала магнитола.

Авдей Матвеевич щелкнул клавишей. Автоматически записанные последние известия читал Левитан. Он сообщил об успехах кубанских хлеборобов, рассказал о скоростных плавках уральских сталеваров, а потом огласил постановление, в котором говорилось, что ответственные лица, дающие характеристики или письменные ходатайства, будут подкреплять документ материально, то есть вносить денежный залог. И если человек, на которого дана характеристика, не оправдал описанных достоинств, залог идет в доход государству.

«Вот это правильно, — одобрил Авдей Матвеевич, — а то раздаем эти характеристики направо и налево и никакой ответственности. Появись это постановление вчера, ни за что бы не написал характеристику на лоботряса Петушкова. Однако, слава богу, закон обратной силы не имеет». Словно в ответ на его мысли диктор закончил чтение фразой: «Постановление распространяется на все документы, выданные после первого июня».

Авдей Матвеевич похолодел: на перекидном календаре ехидно ухмылялась девятка. Значит, Авдей Матвеевич, согласно постановлению, должен внести за младшего Петушкова двести рублей. С ума можно сойти! Ну, тут, допустим, выход найдется: деньги вместо председателя внесет Петушков-старший. А как быть с ходатайством, которое Авдей Матвеевич подписал неделю назад в нарсуд, где слушалось дело о хулиганстве электрика Розеткина? Общественность просила отдать Розеткина на поруки. Где гарантия, что этот алкаш опять кого-нибудь не изобьет? А ведь председателю предстоит раскошелиться...

Авдей Матвеевич почувствовал себя совсем худо, когда припомнил позавчерашнее письмо в административную комиссию горисполкома, где разбиралось аморальное поведение буфетчицы Дуськи из соседнего подъезда. Дуське грозил штраф. Но предусмотрительная бабенка состряпала письмо, в котором говорилось, что общественность будет бдительно следить за каждым ее шагом, и обошла с ним авторитетных квартиросъемщиков, собирая подписи. Авдею Матвеевичу придется платить штраф и за Дуську, так как она, вернувшись из горисполкома, разодралась с соседкой.

Зазвонил телефон. В трубке загудел пробкинский бас:

— Матвеич? Как здоровье? Через пять минут мой «Москвич» будет у твоего подъезда. Ты готов?

— Не поеду я на рыбалку, — слабым голосом ответил председатель постройкома. — В висках стучит, в груди ломит. Ты, между прочим, не слышал вчера постановление?

В ответ грохнул такой хохот, что у Авдея Матвеевича в ухе заколола, а от сердца точно бетонный блок отвалился.

— Так это ты, негодяй, тут у меня с магнитолой напроказил! Ну, знаешь... Этак человека заикой можно сделать! До инфаркта довести!

— Так едешь на рыбалку? — спросил левитановский бас Пробкина.

— Какой может быть разговор? Конечно, еду!

К. Максимов

ИНТЕРВЬЮ

ЮМОРЕСКА

МЕНЯ попросили взять для газеты интервью у модельщика Василия Петровича Деревянкина. Тому, кто не знает, что такое интервью, объясню: корреспондент задает вопросы, а человек на них подробно отвечает. Это и есть интервью.

Дядю Васю, его жену тетю Феню и всех их ребят я знаю превосходно — росли вместе. Я пришел к Василию Петровичу в тот момент, когда он чинил валенок внучке Оксанке.

— Дядя Вася, — воскликнул я, усаживаясь рядом,— вот уже четверть века, как я вас знаю. Вы пять лет работали в ОКСе, а затем перешли в модельный цех. Там же встретились с Феней, своей будущей женой. Так?

— Да, — ответил дядя Вася.

— Помнится, за рацпредложение, сулящее десять тысяч экономии, вас премировали путевкой на ВДНХ, где вы познакомились с коллегой из ГДР, переписывались и ездили к нему в Дрезден. Там соревновались с местными модельщиками и победили.

— Да, — ответил дядя Вася.

— В день пятидесятилетия вам вручили орден, и в тот же день ваши близнецы Гришка с Митькой, вернувшись из армии, оформились в модельный. Ваш и их портреты сейчас красуются на Доске почета завода.

— Да, — ответил дядя Вася.

— Я знаю все ваши увлечения. Какие чудные корзины из бересты демонстрировались позапрошлый год на городской выставке! Никто не мог поверить, что их смастерил простой модельщик с помощью ножа и шила. А рыбалка! Ведь вы ни одного выходного не пропускаете, чтобы не посидеть с удочкой на пруду. В прошлом году вам удалось выловить метрового леща.

— Да, — ответил дядя Вася.

— А тетя Феня, ваша верная подруга, мало того, что растила своих троих, но еще по ее совету вы удочерили осиротевшую соседскую девочку. Сейчас Маша — учительница?

— Да, — ответил дядя Вася.

— Вы, я знаю, давно на пенсии, но не мыслите себя без цеха. Когда вернулись туда через год, то друзья и товарищи принялись вас качать и кричать «ура».

— Да, — ответил дядя Вася.

Когда я, вооружившись ручкой и бумагой, сел за стол, то подумал: а зачем, собственно, я ходил к дяде Васе?

ПАПА КУПИЛ АВТОМОБИЛЬ

Юмористический рассказ

ИТАК, папа купил автомобиль. Он заранее построил гараж со смотровой ямой и всю зиму посещал курсы автомобилистов. Мама, выпросив у Веревкиных, наших соседей, заводскую инструкцию по обслуживанию «Москвича» проштудировала ту часть книги, где говорилось про содержание кузова и шасси.

— Пять тысяч на дороге не валяются, — поговаривала она. — На эти деньги можно построить кооперативную квартиру или купить венский гарнитур, или дом в деревне.

Поэтому, когда в один прекрасный майский день папа, весь сияя от счастья, пригнал к гаражу новенький апельсиновый «Запорожец», мама провела ладонью по крыше автомобиля и воскликнула:

— Так и есть! Он уже успел его запылить! А ведь всего три километра проехал. Давай сюда тряпку!

Тщательно обтерев снаружи машину (нас с папой она к этой процедуре не допустила — боялась, что поцарапаем), мама перешла к детальному обследованию.

— Открой багажник! — потребовала она.

— Здесь не багажник, а мотор, — ответил папа.

— То есть как? — изумилась мама. — У всех машин мотор спереди, а у твоей сзади? Да тебе бракованный «Запорожец» подсунули! Определенно, в конце месяца завод его выпустил. Торопились план дать. Не успели на конвейере мотор наперед поставить, вот в багажник и воткнули. А ты — растяпа!

— Да это же такая модель! — обиделся папа.

— Не морочь мне голову! — ответила мама. — Кстати, у всех машин по четыре дверцы, а у этой почему две? Тоже скажешь «такая модель»? Да просто на предприятии штурмовщина была. Не успели вторую пару навесить. Открывай багажник!

Папа открыл багажник.

— Так я и знала! — злорадно усмехнулась мама. — Успел уже его превратить в мусорный ящик!

— Не трогай, пожалуйста! — взмолился папа. — Это шоферский инструмент: домкрат, ключи, отвертки... Если что в дороге случится...

— У хорошего шофера никогда ничего не случается, а у тебя, конечно, случится! — не без иронии ответствовала мама, вышвыривая сумку с инструментами. — Перестраховщик! А зачем здесь колесо?

— Это запаска. Она в комплект входит. Вдруг в дороге на гвоздь наскочишь...

— Не городи чепухи! — ответила мама. — А если проколешь сразу три колеса или четыре? Тогда как? Четыре запасных колеса с собой возить? Трус несчастный! Вот на что он лишние деньги истратил!

Запаска полетела следом за сумкой. В освободившийся багажник мама постелила накрахмаленную салфетку с вышивкой.

— Показывай мотор!

Папа открыл капот. Мама подозрительно покрутила носом:

— Послушай! Это ведь бензином пахнет?

— А чем еще! — проворчал папа. — Машин, которые бы работали на воде, еще не изобрели.

— Сейчас же выливай! — потребовала мама. — Во-первых, от него неприятный запах, а во-вторых, вдруг пожар. Когда поедешь, тогда и зальешь.

Затем мама спустилась в смотровую яму.

— Это что за холера торчит?

— Это не холера, а выхлопная труба, — ответил папа. — Видишь ли, бензин, сгорая, выделяет газ, который...

— Ладно, обойдусь без лекции по техминимуму, — прервала его мама, внимательно исследуя трубу. — Проехал от магазина до гаража всего ничего и успел ее закоптить! Неряха!

Намотав на палку чистую тряпку, она до зеркального блеска надраила выхлопную трубу, а отверстие ее заткнула комком стерильной ваты. Потом заставила папу поднять «Запорожец» на козелки и с шампунем вымыла колеса. В салоне резиновые коврики на полу мама застелила линолеумом. А чтобы его не испачкать, сверху положила тряпку. А тряпку покрыла кусками полиэтилена. На сиденья и спинки натянула специально сшитые чехлы, которые обернула целлофаном.

На окнах дверок, на передних и задних стеклах автомобиля забелели строченые шторки.

— Ездить будем только в ясную погоду! — объявила мама, накрывая машину парусиновым чехлом. — Впрочем, от солнца окраска портится. Весной и осенью — грязь и дождь, зимой — скользко... Одним словом, путешествовать станем летом в пасмурную, но сухую погоду. Причем, только в среду и четверг, ибо, как свидетельствует статистика, в пятницу, субботу и воскресенье на дорогах больше всего автоаварий. А понедельник — день тяжелый.

Увы, пасмурных, но сухих сред и четвергов за все лето не было, и папа по-прежнему добирается на работу автобусами с тремя пересадками, мама по-прежнему ездит в деревню к бабушке за картошкой на поезде. Но зато, когда приходят гости, мама непременно ведет их в гараж. Гости восхищенно ахают и охают, и в один голос говорят, какое это удобство в наше стремительное время — иметь автомобиль.

К. МАКСИМОВ.

Редактор Ш. ТАРХАНОВ

К. Максимов

НАБЕРИТЕСЬ ТЕРПЕНИЯ!

Юмореска

СЕЙЧАС частенько можно слышать споры по поводу того, кто должен быть главою семьи — муж или жена? Ну что тут спорить! И без того ясно, что человечество неотвратимо катится к матриархату. Уже сейчас наблюдаются первые его признаки, первые, так сказать, ласточки.

Слабый пол уже вытеснил сильный на девяносто процентов из медучреждений, из торговли, из школ и из брюк, стал курить. А скоро найдет способ отращивать усы и бороду.

Сильный пол, конечно, сопротивляется. Он даже меняет личину, маскируется: отпускает локоны, носит туфли на высоком каблуке и поет женским голосом под бряканье электрогитар. А вскоре облачится в юбку. Но из этого камуфляжа ничего не выйдет. Его песня спета! Женщины наступают по всему фронту дружно и напористо.

Женщина станет владычицей мира. Раз и навсегда. Не будет войн. Ибо кто дерется? Мужчины! Повсеместно закроются медвытрезвители. Судьи от безделья займутся кроссвордами. А какая благодать наступит на дорогах: ни одного автотранспортного происшествия!

На земном шаре будут царить женщины и цветы, цветы и женщины. А как же, спросите вы, быть с воспроизводством населения, если землю заполнят одни женщины? Мужчины, конечно, будут, но в ограниченном количестве (к тому времени ученые найдут способ регулировать рождение того или иного пола). Чтобы не засоряли окружающей среды, их посадят в благоустроенные вольеры, где будут диван, телевизор и холодильник с «жигулевским». Мужчины станут полеживать на этих самых диванах, потягивать пивко и смотреть в видеозаписи бокс, хоккейные и футбольные баталии прошлых лет, ибо, как вы уж догадываетесь, виды спорта с мордобитием, травмами рук и ног в женском царстве начисто упразднят.

Но, как заметил один знаменитый классик, женщины без мужчин дурнеют, а мужчины без женщин глупеют. Поэтому лучшие женские умы станут добиваться путем селекции выведения мужчин покладистых, нежных, чутких, предупредительных, непьющих и некурящих... В городах среди зелени и цветов появятся образцово - показательные дома со стеклянной стеной — наподобие аквариума. Там будет проживать стандартная семья: жена, муж и двое детей. Гид с указкой подведет к такой стеклянной стене группу экскурсанток и начнет объяснение:

— Видите, милые женщины, как ловко и проворно этот мужской экземпляр чистит картошку, пока его супруга беседует по видеотелефону со своей приятельницей по поводу прыщика на носу. Заметьте: у него в стиральной машине крутятся пеленки, а в духовке жарится курица. Вот он поставил кастрюлю на огонь, а сам бросился мыть пол. Как легки и грациозны его движения! Засеките время! Три минуты — и уборка закончена. Кто из вас, дорогие женщины, может похвастаться подобными темпами? Смотрите, сейчас он готовится гладить белье, а его спутница жизни все еще не закончила консультацию с подругой.

Экскурсантки начнут забрасывать гида вопросами: «Когда наладите массовое производство таких мужей?», «Куда подавать заявку?», «А не будет ли слишком скучно с таким идеальным мужем? Я, например, люблю поспорить».

— Успокойтесь, милые, женщины, — скажет гид, — работы в этом направлении ведутся усиленными темпами и, как видите, не без успеха. Правда, случаются накладки. Недавно, например, один тип связался с себе подобным, и они втихаря изготовили бутылку дурно пахнущей жидкости. Профессор, производившая химическое исследование, мужественно решилась сделать глоток и через минуту шлепнулась на пол. Еле спасли. А с мужскими типами ничего не произошло, они даже затянули песню. Филологи выяснили, что в древности эту жидкость называли самогоном. У испытуемых оказался стойкий иммунитет к самогону, очевидно, предки обоих были алкашами. Пришлось обоих выбраковать.

А в отношении скуки — проблема также решается. В тело мужчины будут вживлены специальные датчики, и вы, милые женщины, сможете по своему желанию менять настроение спутника жизни: в кармане вашего халатика или сумочки будет находиться прибор не больше спичечного коробка. Нажмете кнопку — муж назовет вас ягодкой и будет готов нести на руках, хоть на край света, нажмете другую — обзовет дурой и изъявит желание сделать из вас компот, и вам представится великолепная возможность всласть поругаться. Так что наберитесь терпения, милые женщины!

К. Максимов

СОСЕДИ

Юмористический рассказ

По объявлению я обменял комнату. Комната была в новом доме, на втором этаже, солнечная и с балконом. Что заставило ее владельца польститься на мою северную сторону и первый этаж? Я спросил прямо:

—Вам, вероятно, не повезло с соседом? Наверно, пьяница и скандалист?

— Как раз наоборот, — последовал ответ, — очень любит порядок.

Так это чудесно! Я сам люблю порядок и тишину. Я, например, не терплю музыки, в которой слышатся гром худых тазов, стук поленьев и душераздирающий вой, точно певца поджаривают на электроплите «Лысьва».

С соседом я познакомился на следующий же день после переезда. Это был человек средних лет в круглых очках. Его голову покрывал нежный гусиный пушок, который очень хотелось погладить.

— Порфирий Петрович! — отрекомендовался сосед. — Надеюсь, что будем с вами жить в обстановке взаимопонимания.

Пару дней спустя, когда я был занят, ко мне в дверь требовательно постучали.

— Выйдите, пожалуйста, на балкон и полюбуйтесь, что делается рядом с вами! — воскликнул Порфирий Петрович. — Это же безобразие!

Мне было страшно некогда, и я решил отделаться шуткой.

— Вероятно, контора благоустройства сажает деревья корнями к небу?

Но Порфирий Петрович не собирался шутить. Он вцепился в мой рукав и потянул меня к балконной двери.

— Выйдите и полюбуйтесь!

На соседем балконе молодая женщина, повесив ковер на перила, чистила его щеткой.

— Да, не совсем ладно, — согласился я. — Буквально над головами прохожих. Могла бы спуститься во двор со своим ковром.

— В том-то и дело! — обрадованно заговорил Порфирий Петрович. — А ведь она учительница! Институт закончила! Детей учит хорошим манерам!

Я почувствовал мучительное желание выщипать из головы Порфирия Петровича гусиный пух.

— Хорошо. Я сам пойду сейчас к этой женщине и скажу, что негигиенично чистить ковры на балконе. Вы довольны?

Порфирий Петрович посмотрел на меня сквозь очки, как на неизлечимого больного.

— Абсолютно согласен. Но что вы хотите от меня?

Порфирий Петрович всплеснул руками:

— Вы меня удивляете! А еще интеллигентный человек. Ведь она у-чи-тельни-ца! Член общества «Знание», выступает с лекцией «За культурный быт». Я не педагог и то понимаю, что взрослый человек должен воспитывать детей не только словами, но и своим поведением. Ежедневно, ежечасно, ежеминутно!

— Простите, Порфирий Петрович, но за это время, пока мы с вами занимаемся демагогией, вы успели бы постучать в квартиру к этой неряхе и выложить то, что сейчас сказали мне.

—Я? Ну уж извините! Вы только представьте: человек, имеющий за плечами семилетку, идет к человеку с высшим образованием! Я подчеркиваю — с высшим. Причем, к инженеру, так сказать, человеческих душ и поучает ее, что выбивать пыль из ковра нехорошо! Да над этим не только куры будут смеяться, но и цыплята!

— Как вижу, вы ничего не поняли! Ни-че-го!

— Что я должен понять! Что-о-о!? Скажите на милость!

— Я хочу, чтобы вы поняли, что эта женщина не понимает того, что хорошо понимают другие люди!

— Я давно уже понял, что эта женщина не понимает того, что понимают другие люди! Вам понятно? — жалобно воскликнул я.

Порфирий Петрович открыл рот, чтобы еще что-то сказать, но я вылетел на лестничную площадку и держал палец на кнопке звонка до тех пор, пока в дверях не появилось испуганное лицо учительницы.

— Простите. Вы давно живете в этом доме?

— Месяц. А в чем, собственно дело?

—А в том, что рядом с вами проживает член исполкома горсовета. Когда вы чистили на балконе половик, он составил акт на привлечение вас к административной ответственности.

Ковер с балкона мгновенно исчез.

Неделю спустя, возвращаясь с работы, я увидел возле подъезда дома Порфирия Петровича. Его непокрытая голова с пушком походила на одуванчик. Порфирий Петрович что-то созерцал в сквере двора. Я попытался прошмыгнуть мимо, но он меня тотчас заметил и энергично поманил пальцем.

— Полюбуйтесь на это безобразие! Какой пример в навычках для подрастающего поколения!

В сквере под грибком два парня трудились над опустошением бутылки.

— Греби отсюда, отец, пока по кумполу не получил, — посоветовал один из типов на мое замечание, а второй выпустил мне в лицо клуб папиросного дыма.

— Видите гражданина в очках? — спросил я, указывая глазами на Порфирия Петровича. — Это переодетый полковник милиции. Между прочим, мастер спорта по самбо.

Кутилы мгновенно испарились.

— Что вы им сказали? — подозрительно поинтересовался мой сосед.

— Что и требовалось!

— Меня удивляет ваше стремление вмешиваться во всякие истории. А вы ручаетесь, что эти двое парней потом не подстерегут вас где-нибудь в темном переулке?

Однажды ночью я был разбужен знакомым стуком в дверь. Я натянул на голову одеяло и нырнул под подушку. Я даже не дышал. Но Порфирий Петрович настойчиво тряс меня за плечо.

— Проснитесь и послушайте, что происходит внизу! Это безобразие творится у супругов Пенкиных два раза в месяц — в дни выдачи зарплаты. И когда это только наше общество избавится от подобных людей? Когда мы только их перевоспитаем?

Я рванулся к выходу, но Порфирий Петрович вцепился в полу моей пижамы.

— Не вмешивайтесь в чужую семейную жизнь. Не наживайте себе врагов. Вы, я вижу, большой любитель склок и скандалов. Уверяю вас, что Пенкины помирятся, а вы останетесь в дураках.

Вырвавшись, я сбежал вниз. Из дверей квартиры Пенкиных вывалился стул, хряпнулся пылесос, осколками серебряных брызг разлетелось зеркало. На пороге появилась лохматая личность в майке.

— Не могли бы вы побольше шума делать? — заметил я.

Личность выпустила длинное непечатное предложение.

— Повторите фразу погромче, — попросил я. — А то мой сосед, бывший следователь прокуратуры, в настоящий момент записывает на магнитофонную ленту каждое ваше слово и сетует на слабость звука.

Личность несколько секунд смотрела на меня, переваривая проспиртованными мозгами услышанное, потом грохнула дверью. Установилась могильная тишина.

На днях узнаю: квартиросъемщики единодушно избрали Порфирия Петровича председателем домового комитета, а меня — его заместителем.

Зам. редактора А. УСТАЛОВ.

К. МАКСИМОВ

«ЯСНОВИДЕЦ»

ЮМОРЕСКА

Авторитет поммастера Димы Коркина среди женского персонала трикотажной фабрики поднялся на космическую высоту после коллективного похода в цирк. Раньше на Диму ни одна девчонка не обращала внимания: телосложения он щуплого, роста незавидного, в общем, замухрышка, а не парень. Бывало, остановится у работницы автомат, она кричит на весь цех: «Ау! Димчик! Где ты затерялся, воробушек? Иди, исправляй станок!» Дима устраняет неисправность, и о нем забывают. А тут...

Но расскажем все по-порядку. В цирке наряду с акробатами, клоунами и разными там фокусниками выступал ясновидец, который читал мысли на расстоянии.

На следующий день в обеденный перерыв девчата занялись обсуждением этого загадочного явления. Одни утверждали, что артист, по-видимому, работает с подставными лицами, другие придерживались научной основы — что, мол, причиной всему электромагнитные волны...

Дима, доедающий в сторонке у окна пирожок с повидлом, заметил:

— Ничего тут сверхестественного нет. Я сам, если захочу, могу прочесть все ваши мечты и думы.

Разумеется, Димину реплику никто всерьез не принял. А самая боевая девчонка Клава Суетина, насмешливо сощурив голубые глаза, потребовала:

— А ну скажи, воробушек, о чем я думаю?

Дима не спеша дожевал пирожок, вытер руки о халат и, совсем, как ясновидец из цирка, уставился пронзительным взглядом на Клаву:

— Ты уже две недели думаешь о джинсах, которые отдала перешивать в ателье. Переругалась там с закройщицей, которая пришила карман сзади, а тебе надо спереди.

— Все верно! — ахнула потрясенная Клава.

Озадаченные девчата уставились на Диму.

— А что меня заботит? — робко поинтересовалась молодая женщина Галя.

— У вас с мужем давно кипит спор, как назвать малыша, который у тебя появится через полгода. Девочку ты решила назвать Женей, а если будет мальчик — то Валей. А муж твой — наоборот. Еще мечтаешь о том времени, когда свекровь уберется в деревню, а вместо нее приедет твоя мама.

По тому, как запылали щеки у Гали, все поняли, что Дима верно прочел и ее мысли.

— Может, и мои прочтешь? — попросила толстушка Рая.

— Запросто! — небрежно ответил Дима. Он пронзил Раю гипнотизирующим взглядом и объявил: — Сейчас, после перерыва, ты задумала уволиться на час у мастера, чтобы идти к зубному врачу, а сама полетишь в универмаг к знакомой продавщице, которая оставила тебе отрез вельвета. Ты давно мечтаешь женить на себе таксиста Васю. В прошлое воскресенье ночью он полез к тебе на свидание в форточку...

Последние слова Димы потонули в оглушительном Раином визге. Вскочив, она закрыла ему рот ладошкой: «Замолчи!»

Дима замолчал в ожидании новых просьб, но девчат словно ветром сдуло...

Гардеробщица, пенсионерка тетя Дуся, зазвав ясновидца к себе в раздевалку, угостила его чаем и потребовала:

— Помоги, сынок! Думы-то мои горькие ты, поди, давно уже прочел!

— Прочел, тетя Дуся! — подтвердил Дима. — Чтобы отучить от водки своего старика, ты натолкала ему в поллитровку мух. Но он, выпив, даже похвалил: «Какую славную старуха мне сготовила муховку!» Так?

— Так, так, милок!

— Сделай ему настойку из толченых тараканов.

Слава про Димину способность читать чужие мысли облетела всю фабрику. Когда он шел по проходу со своими отвертками и ключами, женщины смотрели на него с обожанием и ежились под его взглядами. Откуда им было знать, что Коркин, ежедневно добираясь на автобусе до фабрики, в течение сорока минут невольно слышит все их разговоры...

ТЕЛЕВИЗОР

Юмореска

И ТАК, наша семья получила квартиру со всеми коммунальными удобствами. Выражаясь словами поэта, «освещена, проветрена и согрета». А первой вещью, которую мы втащили в новую квартиру, был не традиционный кот Васька, а телевизор. Его торжественно установили на самое почетное место в самой большой комнате, которой, по заявлению моей супруги, суждено стать гостиной. Ибо что такое телевизор в современной квартире? Это своеобразный магнит, собирающий воедино всех членов семьи, это источник споров, причина столкновения различных мнений и суждений.

Почти каждый член нашей семьи стал в новой квартире обладателем определенного количества квадратных метров. Сын Витька перестал возмущаться, что сестра Верка мешает ему игрой на пианино ломать голову над замысловатыми радиосхемами. Верка, в свою очередь, страшно довольна, что Витька не подслушивает секретов, с которыми к ней прилетают подружки. Бабушка перестала ворчать, что Витька писком и бормотанием своих радиоприборов сбивает ее со счета петель, когда она вяжет носки или свитер. А самый юный член нашей семьи — Светка — в восторге от того, что сейчас никто не заставляет ее подбирать с пола игрушки.

Но общее блаженство длилось недолго. Спустя пару дней после того, как утихла суматоха новоселья, Виктор, колдуя с паяльником над проводниками, вспомнил, что по телевизору должна идти передача «Очевидное-невероятное». Чтобы ее не пропустить, он выволок из своей комнаты стол, заваленный диодами и конденсаторами, и шкаф со справочниками. Верка — горячая поклонница «Голубых гитар», опасаясь не увидеть концерта, выкатила к телевизору пианино, а заодно и диван.

— Внученька! — крикнула бабушка из своей комнаты. — Помоги-ка, лапушка, перенести мне кресло. Скоро будет «Наш сад», а потом по второй программе в «Мире животных».

Вместе с креслом в гостиную переселились тумбочка с клубками шерсти и корзинка с вязаньем.

А наша общая любимица Светка устроила скандал, когда ее стали укладывать спать без просмотра мультиков, и пришлось кроватку перебазировать в гостиную. Вместе со Светкой переехали ее куклы — катьки и маринки, ну и, конечно, горшок...

Нужно ли говорить, что я, будучи страстным болельщиком хоккеистов из «Спартака», никак не мог пропустить атак Капустина и поэтому кульман с чертежом поставил в угол гостиной.

— Самолюбы! — возмутилась жена, выглянув из кухни. — Ишь, расселись, культурой насыщаются! А тут прозябай среди кастрюль и сковородок! Предъявляю ультиматум: или переставляете плиту, или останетесь без обедов и ужинов — сегодня по программе «Клуб путешественников».

Что ж, пришлось тащить в гостиную электроплиту, а так же посудный шкаф и мойку, чтобы супруга без отрыва от домашнего производства могла лицезреть верблюдов в пустыне Гоби и танец живота в исполнении представителей малоизвестного африканского племени.

И вновь у нас закипели жаркие споры, вновь стали высказываться смелые мысли и любопытные суждения. Жизнь забила прежним ключом. Одно только смущает: а что делать с пустыми комнатами нашей благоустроенной квартиры?

К. МАКСИМОВ.

Редактор Ш. ТАРХАНОВ

ЗАВТРА — В ГОДЫ

КОГДА я смотрю телепередачу «Служу Советскому Союзу!», в котор и показывают ракетные войска ПВО, мысленно переношусь в далекие военные годы Думаю: вот бы нам такую технику в то время! Ни один фашистский самолет не смог бы проникнуть на нашу территорию.

В войну мне довелось служить наводчиком в зенитной батарее 76-миллиметровых пушек образца 1931 года. Даже по тем меркам это была уже устаревшая техника. Правда, были батареи с 85-миллиметровыми орудиями 1938 года — более совершенными, но их было мало.

Как же осуществлялась стрельба по самолетам?

О подходе вражеского самолета к цели нам сообщали НП — наблюдательные пункты. Дальномерщики определяли высоту самолета, которую немедленно передавали на ПУАЗО-2 (прибор управления артиллерийско - зенитным огнем). Прибор этот представлял из себя круглый металлический стол с оптикой и курсовой кареткой. Прибористы «ловили» самолет, «вели» его. В зависимости от высоты и скорости самолета находили упреждение — расчетную точку встречи самолета со снарядом. Данные от ПУАЗО по кабелям поступали на корректирующий прибор, а от него, также по кабелям, — уже на четыре орудия батареи.

Для того, что ы стрелять по самолету, орудийному расчету требовались: азимут, угол возвышения и трубка («задание» снаряду разорваться через определенное время). Эти данные шли на принимающие, которые имели вид часов с красными и

ДЕНЬ ВОЙСК ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ

ДАЛЁКИЕ, ГРОЗНЫЕ...

зелеными стрелками. Задача солдат, обслуживающих принимающие, — вращением штурвалов совместить зеленые стрелки с бегущими красными. Ствол пушки поворачивался и поднимался в нужном направлении. По сигналу гудка на орудии заряжающий заталкивал в ствол снаряд с установленной трубкой и дергал за спусковую рукоятку. Гремел выстрел.

Стрельбу корректировали командир батареи или командир огневого взвода, наблюдая за разрывами в особый прибор — бинокулярный искатель.

Как видим, процесс стрельбы был довольно длительным, и стоило кому-то из солдат нечетко выполнить свои обязанности, как снаряды летели мимо цели. Так, впрочем, чаще всего и было. Кроме того, эффект достигался при условии, если самолет летел равномерно и прямолинейно. Стоило ему изменить скорость или высоту, как данные для стрельбы приходилось вырабатывать вновь.

И все-таки, несмотря на несовершенство тогдашней техники ПВО и ведения стрельбы, самолеты сбивали.

Вспоминается один из июльских дней 1942 года. В этот период на фронтах стояло затишье. Зато активно действовала разведка, особенно воздушная. Наша батарея охраняла железнодорожный мост через реку Оку возле г. Алексина. Во время декабрьского наступления под Москвой г. Алексин был освобожден от фашистов, взорванный мост восстановлен. И вот этот мост не давал покоя фашистам, так как стоял на железнодорожной магистрали Москва—Тула—Орел, который был занят фашистами.

Часов в 12 дня раздался сигнал тревоги. В голубом небе четко был виден крестик «Хейнкеля-111», летящего на высоте семи километров. Застрекотали стрелки на принимающих, прогудел ревун, грохнул залп, второй... Облачка разрывов вспыхнули над самолетом. Резким виражом он изменил курс и со снижением ушел на запад.

А час спустя с нашего наблюдательного пункта, что находился в восьми километрах от батареи, сообщили, что на лугу совершил посадку подбитый «Хейнкель». Колхозницы там сгребали в этот момент сено. Попрятавшись за деревья, женщины подняли крик: «Сдавайтесь, фрицы! А то капут!»

Пленных пилота и стрелка (штурман был убит в воздухе осколками наших снарядов) привезли на батарею и провели в командирскую землянку. У нас в то время еще не выветрилось довоенное представление о немцах: мол, задурил им головы Гитлер, поэтому они и воюют с нами. Такие, видимо, мысли были и у батарейного повара Михайлыча. Он решил накормить пленных и, положив чуть ли не по полному котелку макарон с мясом, спустился в землянку.

Произошло неожиданное. Немцы, высокомерно покуривая свои сигареты, сидели за столом и не удостаивали внимания столпившихся у входа наших солдат. Пилот-офицер, увидев перед собой дымящиеся макароны, что-то с надменной ухмылкой сказал стрелку и коротким ударом смахнул оба котелка на пол.

Солдаты возмущенно ахнули. Михайлыч молча сгреб с пола в котелки рассыпанные макароны и, распрямившись, так треснул офицера, что тот стукнулся головой о стену.

Михайлыча за избиение пленного комбат арестовал на двое суток, но, когда прибывшие особисты из штаба дивизиона увезли летчиков, свое наказание отменил, шепнув повару на ухо: «На твоем месте я и вторую бы врезал».

А мы, бойцы, впервые тогда поняли, что из себя представляют фашисты.

К. МАКСИМОВ,
участник Великой Отечественной войны.

КАК АУКНЕТСЯ

ЮМОРЕСКА

Когда у человека нет таланта, а червь самоутверждения беспрестанно гложет душу, он покупает магнитофон, записывает на ленту иностранные шлягеры или ультрамодные песенки, исполняемые по-русски, но с нерусским акцентом, выставляет этот магнитофон на балкон или на подоконник и самодовольно наблюдает, как прохожие задирают головы, отыскивая источник звука.

Наш многоквартирный дом не исключение. В нем наберется с десяток людей, жаждущих славы и внимания. И вечерами с одного балкона несется истошное «О, Тереза!..», а с другого сыплется речитатив: «И только, и только ча-ча ча...». Но это еще терпимо. А вот когда дерет глотку какая-нибудь зарубежная «звезда», будто ее поджаривают на сковородке, или «шкуру снимают с кого-то, по-видимому, с бегемота», хоть уши затыкай.

Мой друг Митя — любитель классической музыки — приходил в бешенство от этой какафонии звуков, наполняющей наш двор с утра до вечера. Он скандалил с владельцами магнитофонов, жаловался в домоуправление, даже ходил к участковому — ничего не помогало. Наоборот, увидев с верхотуры Митю, парни прибавляли звук.

— Знаешь, старик, — говорил мне Митя, — я не противник эстрадных ансамблей. У меня полный набор пластинок «Песняров» и «Голубых гитар», но это... — он презрительно махал рукой на ревущие балконы и подоконники. — Будь проклят, кто изобрел магнитофон!

Но вот, возвращаясь как-то с работы, я не без удивления увидел Митю... с магнитофоном.

— Клин будем выбивать клином! — многозначительно изрек приятель. Как понимать это изречение, я узнал на следующий день. Наш двор огласился ухораздирающей музыкой, если можно назвать музыкой какой-то визжаще-сверлящий вой и ск . Эта музыка неслась с балкона Митиной квартиры. Ее хозяин стоял на балконе и самодовольно ухмылялся. А эффект был действительно потрясающим. Старики, бросив домино, с ворчанием удалились, парочка влюбленных, устроившаяся в уголке под сиренью, поспешно ретировалась.

Я закрыл окно, лег на диван и затолкал голову под подушку. Не помогло. От Митиной музыки начинали ныть зубы и возникало желание биться головой о стену. Наконец, я не выдержал. Сжав кулаки, побежал к приятелю. Меня обгоняли владельцы «Терез» и «Ча-ча-ча» — у дверей друга их уже колыхалась целая толпа. Они давили кнопку звонка и барабанили в дверь. Митя долго не открывал. Но вот дверь распахнулась, и мы ворвались в квартиру.

— Где вы достали эту чудную запись? — звучал нестройный хор владельцев магнитофонов. Вместо ответа Митя выдернул из-под стола ящик и извлек оттуда месячного поросенка, который в недоумении моргал белесыми ресницами и добродушно похрюкивал, затем перевернул вверх дном таз, рядом поставил худое ведро, включил магнитофон и, поочередно пиная эти бытовые предметы, закрутил, словно ручку патефона, поросячий хвостик. Послышались как раз те звуки, которые мы слышали полчаса назад.

Как только квартира опустела и мы остались с Митей вдвоем, он поставил перед поросячьим рылом миску с едой:

— Не обижайся, Хрюша, — искусство требует жертв.

И пока Хрюша чавкал, постанывая от удовольствия, воскликнул с хохотом:

— Ты видел, как у них вытянулись рожи? Ха-ха-ха! Они шокированы! До их мозгов, наконец, дошло: не все, что извергает магнитофон, — музыка!

На следующий день мне повстречался один из владельцев заграничного горлодера. Он нес с рынка поросенка, а другой волок со свалки металлолома ржавые тазы и ведра... К вечеру дом стал походить на свиноферму и мастерскую по ремонту жестяных изделий одновременно.

...Спустя три дня в витрине Горсправки я прочел Митино объявление об обмене квартиры.

К. МАКСИМОВ.

К. МАКСИМОВ

МОНОЛОГ

ЮМОР И САТИРА

— Ого! Сынище! Какой ты родился здоровенный! Весь в папку, а не в мамку! Ну чего глотку дерешь!? Бьют тебя?

— А ну, сынок, врежь ему по сопатке! Вот так! Ха-ха-ха! Молодец! Пусть знает, как чужие игрушки лапать. Ишь заревел! Смотри-ка: еще дразнится! А ну, догони его и наподдай! А вам, гражданин, какое дело до моего воспитания? Своего роди и поучай! Ладно, гуляй-гуляй, пока очки целы!

— Бросьте антимонию разводить, уважаемая! Двойки получает?! Не всем ученым быть! Дерется? Не всем тихонями быть! Вам, учителям, за то и деньги платят, чтобы воспитывали и учили. Могу потребовать, чтобы мне предоставили сына в полной кондиции. Могу.

— С днем рождения тебя, сынок! Чокнемся! А ты выпей, выпей одну-то! Это «Стрелецкая». Она пользительна — кровь разбивает и мыслям выразительность придает. Пей! Дыхание попридержи и—хлоп! Вот молодец! Закусывай огурчиком, чертушка! Да ты чего, дурак, морщишься? Я в твои-то годы уже водку хлестал. Бывало, тяпнешь и на танцы... Повторим?

— Так ты говоришь, у тебя завтра получка? Сколько заробил? Ого! Силен: истрать ее, на что хочешь. Как на что? Первонаперво товарищей угости. Без этого нельзя! Авторитет свой должон всегда держать. Мастер-то у вас как? Керосинит? Ему обязательно поставь! Уволиться понадобится или прогуляешь, или еще что... — в общем, сгодится...

— Для чего это вы мне толкуете, товарищ следователь? Будто я своего сына не знаю! Что? Ножом ткнул? Не поверю! Вот вы следователь и разберитесь. Пьяный был? Ну и что? В праздники и муха пьет! Не пьют только двое: у кого денег нет да кому не подносят!

— Прошу учесть товарищеский суд, что сын в этом году сломал мне ребро и порвал ухо. А на прошлой неделе пропил с друзьями мои еще ни разу не надеванные валенки, ремень и зубной протез. Чуть не кажинный день приводит приятелей и девок, пируют и бесятся под этот самый... как его? Во-во! Магнитофон. А меня на улицу выгоняют, как собаку. Я уже кашлять начал! Избавьте меня от сына-тунеядца!

— Так вы, значит, из газеты? Сигнал мой услышали. Как живу? Ноги уж почти не ходят, в правом уже будто вата. Прошу пропесочить сынка — будь он проклят! Поил, кормил, воспитывал— и получил коленкой! Не нужон стал! Вот она, современная молодежь!

Редактор Ш. ТАРХАНОВ.

К. Максимов

ПАЧКА «Казбека»

РАССКАЗ

ВЕТЕР шумно хлестал знаменем, нес в Эльбы запахи просмоленного дерева и пьяные крики американцев.

А у нас была тишина. Солдаты батареи в свежих подворотничках и начищенных ботинках стояли в строю и смотрели на своего командира.

Командир нашего батальона, старший лейтенант, приземистый и плечистый, как и полагается артиллеристу, держал перед строем только что распечатанную пачку «Казбека» и строго смотрел на нас.

Мы хорошо видели, что коробка с угла немного примята. Но что она полна папирос, мы тоже прекрасно видели...

— Рядовой Афанасьев! — выкликнул согласно алфавиту комбат и медленно обвел взглядом строй. Никто не шевельнулся. Никто не вышел.

Тишина. Только ветер играет знаменем. Одна из его золотых кистей побурела от крови, крови рядового Афанасьева...

— Ефрейтор Вакуленко!

Ну зачем же так?! Ведь отлично знает комбат, что Вакуленко еще в сорок первом бросился под танк с гранатой. Это там, под Ельней. Героя ефрейтору дали посмертно.

— Рядовой Гаврилин!

Возле моего локтя вздрогнул сосед — земляк Гаврилина. Он собственноручно закопал в степи под Калачом тело друга.

— Младший лейтенант Демьянов!

Вздрогнул я. Младший сержант Демьянов всегда стоял справа от меня. Мы на плоту переправляли через Днепр орудие. Взрывом мины вышибло брус из-под колес пушки, и она покатилась к воде. Демьянов лег под колеса, задержал. Но возле самого берега на плоту взорвалась вторая мина. Орудие плюхнулось на мелководье, а там, где лежал Демьянов, крутились алые бурунчики воды.

Сейчас справа от меня — голубоглазый молодой солдат. Его призвали, когда мы уже шагали по Восточной Пруссии. Он не знает, что стоит на месте Демьянова, и поэтому спокоен. А у меня комок в горле. Я глотаю его, а он, проклятый, подкатывает снова и снова.

Может, Демьянов опоздал в строй? Я даже украдкой оглядываюсь — так хочется думать, что он жив. Вечно опаздывал в строй этот увалень Демьянов.

...Опоздал в строй и в то раннее утро, когда лагерный трубач сыграл тревогу: в суматохе потерял портянку. Прибежал потный, запыхавшийся. В другое время, как пить дать, схлопотал бы от старшины наряд. Но тогда было не до того. Как только сообщения и речи закончились, комбат подал команду «вольно» и вынул из кармана новенькую пачку «Казбека», которую купил вечером в киоске военторга. Приказал:

— Курящие, шаг вперед!

Вперед вышли двадцать четыре человека.

У комбата была великолепная память. Он знал каждого по имени, отчеству и фамилии, знал, кто холост и кто женат, знал курящих. Комбат тоже курил. Он был двадцать пятым. Столько же было папирос в пачке.

— Ребята, — медленно произнес он, оглядывая строй. — Эту пачку мы раскурим там. В день победы.

Он кивнул на темнеющий за елями запад и спрятал на глазах всей батареи «Казбек» в планшетку...

Каким-то чудом он сохранил ее, хотя порой приходилось курить дубовые листья. И вот сейчас, через 1398 дней...

— Рядовой Кильматов!

Жив! Жив Кильматов. Он выходит, прихрамывая, из строя. Пять раз был ранен. В тишине звякают медали. Печатая шаг, подходит к комбату и прыгающими от волнения пальцами нащупывает в коробке папиросу.

— Сержант Ломидзе!

Эх, комбат, комбат... Кто же лучше, чем ты, знает, что Ломидзе закрыл тебя своим телом, когда эсэсовцы, окружив нас, открыли огонь... Сейчас над могилой Ломидзе поют курские соловьи.

— Ефрейтор Степанов!

Степанов — это я.

Выудив из коробки папиросу, я не выдерживаю и поднимаю глаза на комбата. Он смотрит на меня таким взглядом, что я с силой закусываю губу, чтобы сдержать комок, распирающий горло.

— Рядовой Трофимов!

Тоже жив! Тоже идет к пачке «Казбека»!

— Рядовой Ухмылов! Сержант Федоров!

Комбат ждет. Ждет столько, сколько нужно, чтобы успеть выйти из строя и дойти до него.

Он выкликает фамилии. Но больше никто не выходит...

Ветер по-прежнему полощет знамя, почти хочет оторвать его от древка и унести на восток, где лежат в земле не вышедшие сейчас из строя бойцы.

Комбат еще раз угрюмо оглядывает батарею и нащупывает папиросу сам.

Его рука с пачкой «Казбека», в которой осталась двадцать одна папироса, начинает дрожать. Она дрожит все сильнее и сильнее.

Сильный порыв ветра вдруг вырывает коробку. Белые палочки папирос, кувыркаясь, летят по воздуху. Комбат смотрит им вслед, смотрит вся батарея...

Командир медленно снимает фуражку. Волосы у него белые-белые. Он берет в рот папиросу:

— Закуривай, ребята! Разрешаю!

И мы торопливо щелкаем зажигалками. Мы курим. В тишине.

Дым «Казбека» необычайно едок. Иначе отчего бы это у нас вдруг навернулись слезы? Конечно, от дыма! Они и у комбата. Текут по глубоким, как шрамы, морщинам у рта.

Но отчего же тогда слезы у некурящих?